

Начало века

2024

№4

Литературный и краеведческий журнал

НАЧАЛО ВЕКА 2024/4

ЛИТЕРАТУРНЫЙ
И КРАЕВЕДЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

Выходит с января 2007 года

ИЗДАНИЕ ТОМСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ

Главные редакторы:

Геннадий СКАРЛЫГИН
Владимир КРЮКОВ

Редколлегия:

Геннадий АНКУДИНОВ
Дмитрий БАРЧУК
Дмитрий ИВАНОВ
Елена КИРИЛЛОВА
Елена КЛИМЕНКО
Галина КЛИМОВСКАЯ
Софья РУБАКОВА
Оксана ЧАЙКОВСКАЯ

Адрес редакции:

634050, г. Томск, ул. Шишкова, д. 10.
Тел. 528-369.
E-mail: kryukov-49@mail.ru

Электронные версии журнала:

<http://elib.tomsk.ru/page/25940/>
<http://tompisatel.ru/proektyi/nachalo-veka.html>
<http://журнальныймир.рф/zhurnaly/nachalo-veka>

При перепечатке материалов
ссылка на журнал «Начало века»
обязательна.

Мнения авторов не обязательно
совпадают с мнением редакции.

На обложке: Андрей ГРИШКОВ,
член Творческого союза художников
России. ТИШИНА. 2024. ДВП/масло.

Журнал выходит при поддержке
Администрации Томской области.

В НОМЕРЕ:

ПОЭЗИЯ

Юрий ПЕРМИНОВ 2

ПРОЗА

Ольга АНИКУШИНА
Жареные гвозди 8

ПОЭЗИЯ

Екатерина ПОЛЯНСКАЯ 14
Александра КОРЖОВА 21

ПРОЗА

Оксана ОСТАНИНА
Котлета 24

ПОЭЗИЯ

Ирина БЕЛЫШЕВА 44
Татьяна АМОСОВА 48
Сергей ДЮСЕНБАЕВ 51

ПРОЗА

Галина АЛЯЕВА
Кормилец 54
Владимир СОЛОВЬЁВ
Фролу – фролово 58

ПОЭЗИЯ

Юрий ТАТАРЕНКО 72

ПРОЗА

Евгений ВЯЗАНЦЕВ
Исторические миниатюры 78

ПАМЯТЬ

Александр СОЛОВЬЁВ
Голуби над казармой 87

БЫЛОЕ

Николай КИРИЛЛОВ
Встречи 92
Елена КЛИМЕНКО
Сибирский след ленинградца 96

ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ

Письмо в редакцию 100

СЛОВО – 2024

Областной литературный конкурс 101

ЮБИЛЕЙ У ХУДОЖНИКОВ

Татьяна МИКУЦКАЯ
Союзу художников 90 лет 131

КРАЕВЕДЕНИЕ

Анатолий ПШЕНИЧКИН
Обручев в Томске 144

ЧТО СМЕШНОГО

Олег КИСЛИЦКИЙ
Как нам Диогена не хватало 152

АВТОРЫ НОМЕРА 157

Юрий ПЕРМИНОВ

В ДУШЕ ВСЁ ЕСТЬ

* * *

По-над рощицей тихой – рассвета полоска...
И печально, и радостно сердцу, зане
долговечный барак на окраине Омска
в ранний час, будто к старости, вспомнился мне.

Прорастают, как зёрна, давнишние годы
из былого, которому имя – судьба.
За баракком – вскопали гуртом огороды,
до краёв продышались уже погреба.

Путь-дорога влечётся к небесному крову.
Слава Богу, что память – в попутье со мной,
что родился в бараке, в котором корову –
на четыре семьи – называли Весной.

* * *

Сон ли? Будто из восьмидесятых:
после смены, скоренько, слегка...
Жёны поругают и простят их –
работяг родного ВПК.

Мужички стаканы в местной чайной
сдвинут за победу нашу, за
выходной... Торжественно-печальны
лица их, как в церкви образа.

* * *

Кроткой одышкой по ближним дворам шелещу;
нынешний день – утешительным светом изряден.
Мало-помалу консервные банки ищу:
Господи, дай мне побольше здоровьишка на день!

Всякая тропка и в снежную слякоть видна,
мир поселковый – довеку моя «неотложка».
Вечером станет окопной свечой не одна
банка, хотя бы – такая вот, из-под горошка.

Не раздражает блажливых ворон толковня,
точно вживаюсь в основы планиды бродячей.

...Благостным взглядом окинет собака меня,
будто бы спросит: «Чего тебе надобно, старче?».

Собраны банки, в посёлке стемнело, уже
надобно с холода взглядом любимой согреться...

Надобно, чтобы не гасла свеча в блиндаже –
часть моего не остывшего с возрастом сердца.

ПРОВОДЫ

Невесомой прожилкой застыл со вчера
окоёма осеннего прочерк...
На войну провожали Смирнова Петра –
пели песню про синий платочек.

Мало-мало мешал мне в груди топоток,
и гармонь – износилась немало.
Молодая жена теребила платок,
молча плакала Петина мама.

Мы не ладили с ним, шалопутным, допрежь –
он мне рэпом выматывал душу,
а вчера – обращался почтительно: «Врежь,
дядя Юра, сыграй про Катюшу!».

Холод сковывал грузные тучи внахлест...
Оттого ль, что мы пели сердечно,
засияли – к полуночи – яблоки звёзд
над посёлком? И груши, конечно.

Разом сил не напрясть на любую напасть,
но, даст Бог, одолеем и эту...

...И честила родня двоедушную власть,
и пила – за Петра и Победу.

* * *

Без передряг и нынче в доме, где я
живу ещё не вечность, но давно.
...Ночь проведя в несбыточных идеях,
открою в мир окраинный окно:
весна в мою уютную «однушку»
плеснёт новорождённого тепла
от солнца, что похоже на ватрушку –
из тех, что мама в праздники пекла.

* * *

С утра за поселковыми домами
всем полем распахнулся горицвет...

В день выходной привёз, как прежде, маме
её любимых яблок и конфет.
Достану сокровенную тетрадку,
прочту стихи – о радостях земных...

...И хорошо бы к осени оградку
установить – вестимо, на двоих.

* * *

В небе, во сне ли, вчера или ныне –
Ваню увидел, а с ним –
бабушка: встретились души родные –
мама и Ваня, мой сын...

Месяц за месяцем – время поминок,
то, что ничем не избыть...

Снова не смог у порога с ботинок
супесь погостную сбить...

* * *

Подкреплюсь пустыми щами
(вот – капуста, вот – Иртыш).
То ли дождик обещали,
то ли к пенсии барыш.

Нюют кости к непогоде...
В тучах – небушко, а тут –
во саду ли, в огороде –
кабачки уже цветут.

Как живу? – Да понемножку –
слава Богу, что не вспять...

Правда, нет ли, что картошку
лучше вилами копать?..

* * *

*Нас не видно за стенами,
Каково мы здесь живём...*

Из «Сибирской тетради» Ф. М. Достоевского

Встречаю ночь, сухарик в чай макая;
тарелка с тюрей опустошена.
Откуда нынче в доме вот такая –
немотная совсем уж – тишина?

Ну а когда начать беседу не с кем,
легко сердцебиение принять
за те слова, что Фёдор Достоевский
занёс в свою «Сибирскую тетрадь»:

Хотя в посёлке трудно с чудесами,
хотя всего негусто с малых дён,
конечно, «Бог, отец небесный, с нами»,
конечно, «мы и здесь не пропадём».

* * *

Не бываю, уввы, на природе подолгу,
а она – не для отдыха только нужна...
Дождь прошёл – понимаю: вот-вот на прополку
позовёт, как всегда, благосклонно жена.

Я не стану играть ни в глаголы, ни в прятки,
сачковать – до скандала семейного вплоть...
Да и разве одни огородные грядки,
разве тяпками только – пора прополоть?..

* * *

Во многом видишь только благодать,
когда тебе изрядно за полтинник...
Жена зовёт – усердно – собирать
малину, разумеется, в малинник.

А дача, между прочим, не курорт,
где люди развлекаются «под мухой»;
у нас – другие радости, а сорт
душевно называется – вислухой.

Так вот где можно душу отвести,
где белый свет из дня земного соткан,
где разлюли-малина! – На шести
жить по-людски способствующих сотках.

СТАКАН

В нашей роще мне по́ сердцу каждая ветка,
свет по-свойски легко между ними сквозит,
на одной из осиновых (с прошлого века,
вероятно) стакан пожелтый висит –
каждой гранью знаком... И за что я, как брату,
рад ему – долговечному, с мухой на дне? –
Из него мужики обмывали зарплату
под балтийскую кильку, почти в тишине.
Одинокый, почти неприметный – за годы
пустоты постепенно прижился в семье
престарелых деревьев – как символ заботы
бескорыстных людей о подобных себе.

* * *

Идут минуты новых суток,
соседи, как младенцы, спят.
А ночь темна, как миска супа
из замороженных опят.

Шуршит в конфорке пламень синий,
сердечный теплится уют...

Идут минуты... Вместе с ними
и все, кто даже спит, идут.

Спит, оплатив квитанций тонну,
мой дом... В седьмой – подушку мнёт
и плачет старшая по дому –
никто к ней в гости не идёт.
Она сурова, словно стужа,
она в подъезде гасит свет,

а мы сочувствуем – ни мужа,
ни деток у тетуси нет:
на этот счёт – немало прений...

...Вот о событии каком
поговорить бы – куст сирени
расцвёл у старшей под окном.

* * *

Ну что, живём – от кваса до перловки,
чужих собак не гоним со двора...
Зовут и нас на выборы листовки,
но не идёт народ на выборá.

И, как сказала Клавдия Петровна
(да вот она – глядит с утра в окно):
«В душе всё есть. Душа, что надо, ровно
с тем, что желала, выбрала давно».

* * *

В ночи ворчит собака чуткая,
покоем улицы полны...
Всё то же солнце, как мне чудится,
сияет в облике луны.
Соседи спят... В ладу со всеми я
живу, и далее – не прочь:
утешных снов им!..

Ночь осенняя

и на балконе – чудо-ночь:
рябина звёздами увенчана,
а ветви – пышные – вразлёт;
как руки любящая женщина,
на плечи гроздьё мне кладёт...
И шепчет осенью по-вешнему
природа сердцу перед сном
о том, что мне
и миру здешнему
хватает вечного в земном.

Ольга Аникушина

ЖАРЕННЫЕ ГВОЗДИ

Мишка пришёл домой и кинул ранец на табуретку у печки. Табуретка покачнулась и повалилась на небольшую поленницу. Дрова с грохотом обрушились вниз. Мишка хлопал глазами и чувствовал, как в носу у него засвербило. Всё не так! Рухнули надежды – прощай конкурс. Два месяца он вырезал скульптуру из дерева: «доставал» из кедра медведя по сантиметру между уроками и тренировками. Отмахивался от Серёги, сразу после школы мчал домой.

– Пропал пацан с потрохами, – ворчал дед. А сам радовался, что внук такой упорный. – Иди, поешь, червячка замори.

– Червячка? – Миха улыбался и чувствовал, что живот тянет от голода, но ему хотелось добавить музыку в свой фильм и посмотреть, что получится. – А что ты ему приготовил?

– Совсем нюх потерял? Жаренные гвозди, конечно! Для сильных духом – в самый раз еда.

– Не, не хочу, – Мишка втянул аромат аппетитной картошки, но отнекался.

– Сила воли плюс характер? Уважаю. Тогда хоть чай со мной попей, – вздыхал Матвей Иванович. – Засохнешь. Вот зайду в комнату, а у планшета лежит сухопутная черепаха с запёкшимися глазами. Лежит и лапками морщинистыми еле шевелит. Был внук – и весь вышел.

– Да, печаль, – Мишка представил свои глаза поверх панциря и засмеялся. – А с чем чай?

– С «таким».

– С чем? – переспросил Мишка, не отрываясь от дела.

– Просто так пить буду. А ты – с чем захочешь: с мёдом, с вареньем, а хочешь – с Петькой или Серёгой. Давно не видел твоих закадычных, куда пропали?

– Не до них мне, деда.

И, правда, не до них было Мишке. Как услышал, что победители летом поедут в Томск на «Праздник топора», так и загорелся:

– Деда, путешествие! Понимаешь? Настоящее! Там ведь резчики будут со всего мира! – восхищённым шёпотом рассказывал внук. – Смотри, я фильм нашёл. Прямо на улице режут, а народ ходит, глазеет. А после праздника всю красоту оставляют прямо там, в парке. И не жалко им? Я бы такого Ёжика в тумане домой забрал.

– Тогда бы его видел только ты, а так все любят. Да, богат на смекалку народ. Занятно, музей под открытым небом, – дед Матвей смотрел с любопытством.

– Как они не портятся от дождя? – Мишка жадно разглядывал деревянные скульптуры.

- Защитной пропиткой покрывают.
- Вот бы туда попасть.
- Так попробуй. Не боги горшки обжигают, да и опыт у тебя есть.

Дед достал охотничий нож и полюбовался на рукоятку с головой щуки, погладил с гордостью: недавняя работа внука из берёзы. Удалась рыбина. Видно, что местами грубовато вышло, но талантливо и с настроением, с выдумкой. Щука хитро улыбалась. Голова была крупненькая, тело плавным изгибом ныряло в ладонь. Чешуйки мягко проступали, и чуть намечался плавник. Ничего лишнего. Мишка говорил, что ей можно загадывать желания: «По щучьему велению, по моему хотению». Дед так и делал: загадывал, чтобы у внука всё было хорошо. Вот и сейчас он протянул нож и сказал:

- Договаривайся со своей золотой рыбкой.

Мишка засмеялся, но прошептал ей, сияя глазами:

- Хочу попасть на «Праздник топора!».

В ответ лезвие сверкнуло в свете лампы.

- Всё. Считай, дело в шляпе, осталось только рукава засучить да подпоясаться.

Мишка деду все уши прожужжал, пока выбирал, кого вырезать: медведя, лося или вообще корабль? Матвей Иванович дал внуку побурлить идеями и сказал своё весомое слово. Мишка прислушался и решил, что медведь будет «то, что надо».

После рыбины он чувствовал себя заправским мастером по дереву. Понятное дело, для медведя идеально подошла бы липа, которая лежит у деда под верстаком. Но Матвей Иванович остановил: сыровата, не вылежалась. Внук надул губу:

– Ты же сам говорил, что это лучшее дерево для резьбы, она точно победит на конкурсе.

– Говорил и ещё раз повторю: идеальное дерево. А вообще надо, чтобы не липа победила, а ты. Сырую возьмёшь – треснет работа, и все труды насмарку. Кедр бери, он продышался вволю, как положено, и тоже хорош: мягкий и податливый, – быстро услышит, что от него хочешь. Да и руку ты уже набил, справишься.

Миха согласился. Он корпел над рисунком все выходные, пересмотрел кучу фотографий и видео в интернете, набросал несколько эскизов. Ему не терпелось быстрее начать работу, но Матвей Иванович принёс глину из сарая: хочешь вырезать – сначала слепи. Эх, не любили Мишкины руки сохнуть от глины, но что поделать? Ради путешествия и не на такое пойдёшь. Лепил и делился новым:

– Деда, а знаешь, что медведь – самый мощный нюхач на планете? У него обоняние сильнее, чем у человека, в сто раз!

– Кто сказал такое?

– Учёные.

– Если учёные, тогда, конечно, им врать незачем, – смеялся дед.

Дед Матвей приготовил болванку-заготовку, и Мишка понял, что дед был прав про кедр. Волны годовых колец плавно скользили вниз. В них даже движение будущих лап угадывалось, и голова показывалась. Дед торжественно доверил внуку свои инструменты: стамески, богородский нож и японский нож-косяк.

Долгая была работа, и Мишка старался: прикусит губу и колдует тихонько. Всё ему нравилось: и вкусный смолистый запах древесины, и то, как дерево ему помогало, даже подсказывало, как зверю пасть приоткрыть, как лапу приподнять. А вот задок у медведя никак не давался.

Дед Матвей видел, что внук буксует: то так повернёт медведя, то эдак, а продолжить не решается.

– Ну, «термит» мой, чего нахмурился? Чего дерево не точишь?

– Боюсь, испорчу. Проще, чем голова и пасть, а не даётся.

– Это дерево тебя останавливает, подсказывает, что потренироваться надо, – дед похлопал по плечу внука. – Молодец, что прислушался.

Матвей Иванович выточил пробную болванку, да только Мишка опять лишнее срезал: то подстреленный медведь получается, то худющий, будто оголодал за зиму и только из берлоги вылез.

– Да, с этой медвежьей задницей полная задница у тебя приключилась. Не даётся, дикий норов показывает тебе тёзка – на то он и зверь.

Матвей Иванович уже думал, что бросит внук затею, но нет! Настырный. Получился медведь на славу! И холка углом торчит, как у настоящего, и уши чуть в стороны озорно развалились. Идёт вразвалку молодой и задорный. Гладенький. Загляденье.

– Даже жалко ему шерсть царапать, – Мишка поворачивал фигурку, разглядывал со всех сторон.

– Знаешь, а пусть так постоит. Может, и не надо ему косматым быть. Иногда лучше не доделать, чем переделать. Присмотришь.

Мишка гладил медведя наждачкой. Матвей Иванович готовил лоскутный воск:

– Пропитка нужна для защиты, и для красоты, и для запаха.

Пару дней они напитывали медведя тёплой смесью. Наносили и оставляли на ночь. Наконец Миха натёр фигурку до блеска льняным лоскутом. Зверь засветился изнутри, бока ожили, взгляд заиграл. Хвойный дух плотно висел в мастерской.

Мишка ложился спать и представлял путешествие, праздник, экскурсии по городу. А потом... Потом он засыпал счастливый.

Так было вчера. А сегодня... Сегодня он узнал, что вся работа его была впустую. Он складывал дрова на место, когда дед Матвей вернулся из магазина.

Каким-то особым чутьём дед сразу понял, что с внуком что-то неладное. Может, догадался по тому, что Мишка так и не повернулся на скрип двери, может, по тому, что спину согнул в три погибели, плечи завернул оглоблей вниз и вяло собирал поленья.

Дед не стал лезть с вопросами, прошёл к холодильнику и поставил покупки на полку. Захочет, сам расскажет. Что в душу-то лезть?

Внук сложил поленицу, сел на пол, раскидал ноги циркулем и устался в окно. Там сосулька лила слёзы и поблёскивала на солнце. Апрель.

– Не видать мне поездки, деда, всё зазря.

– Это ещё почему? Не выиграл? – дед Матвей нахмурился. – Картошку почисть, а я пока мясом займусь.

Мишка вздохнул и пошёл к раковине.

– Жалко, конечно. Рассказывай, за кого из друзей радоваться? Кто взял награду?

Мишка запыхтел.

– Пока – никто. Завуч сказала, что мало сделать медведя, надо записать на видео рассказ о себе, о поделке. А ещё песню спеть.

– И чего тогда нос повесил? – дед открыл банку со сметаной и хохотнул: на крышке загустел отпечаток улыбки и два выпуклых глаза-капли. – Смотри, даже сметана ржёт над твоей бедой. Чего сдаёшься-то раньше времени? Расскажи им и видео сделай.

– Так я петь не умею, не получится победить.

– Ты, друг, не спеши, не беги впереди паровоза, дай время созреть решению.

– Если я не пою, то как же ему созреть?

– А я тебе историю расскажу. Давнюю. А дальше сам решаешь.

Матвей Иванович достал с полки перец и ещё какие-то специи, закатал рукава. Мишка медленно пилил картошку, весь в своём горе.

– Морковку ещё почисть – мясу понравится.

Внук вздохнул в ответ.

– Вот смотри, – дед решительно орудовал ножом по кухонной доске, – сейчас ты сам себя загнал в угол, а мог бы поискать решение. У тебя внутри бой идёт. И ты его сам себе проигрываешь. Потому что решил проиграть.

– Да как же решил? Я же говорю, не умею петь. Медведь на ухо наступил. Не научусь ведь за неделю.

– Ладно. Хватит ныть. Слушай. Давно это было, в шестнадцатом веке, во Франции. При дворе короля. А король, я тебе скажу, это всё равно как завуч в вашей школе. Он и конкурсы объявляет, и награды раздаёт, и на казнь отправляет, и деда в школу вызывает, если что не так.

Мишка повернулся, нож остался лежать в раковине.

– Ты слушай, да про дело не забывай, мясо ждать не будет, – напомнил дед Матвей. – Так вот... И был при том дворе шут. Звали его Трибуле. По характеру был наподобие вашего Сашки Петухова: хлебом не корми, дай запрет нарушить – прямо до зуда в одном месте. Только шут этот повзрослее Сашки был и мудрее.

Советы давал самому королю, и тот прислушивался. Ценил король шута своего, потому что не раз он спасал государство и корону. И правду-матку не боялся сказать, не лебезил, как другие. Даже в самом заковыристом деле, считай, тупиковом – вот как у тебя сейчас – всегда выход находил, да такой неожиданный выход, что дух захватывало. Потому и вёл себя вольно, и многое

ему прощалось. Вот скажет ему король: «Жалуется на тебя королева и подруги её. Запрещаю тебе их высмеивать».

А шут не может поперёк характера своего идти: увидит, как вышагивают важные напыщенные дамы, как их трёхметровые причёски качаются под толчком, того и гляди, люстры со свечами смахнут и пожар устроят. Он и ответит острое слово, да не где-то тихонько, а на торжественном приёме: что, мол, какая это красота? Флотилия плывёт. А бабы на корабле – к несчастью. Или ещё чего похлеще брякнет. Поднимет на смех... Запомни, Миха, на всю жизнь: самолюбие женское задеть – это что самому себя с лица земли стереть. Себе дороже. В общем, оконфузил их. Зашипели змеюки королю, надули губы, подбоченились, гусыни важные. Весь приём насмарку. И вся злость – не на шута: что с дурака-то взять? На короля злость: почему позволил над королевой и её дамами изгаляться?

– Не пойму, при чём тут моё задание? – нетерпеливо встрял Мишка.

– А при том. Ты чисть картошку да слушай. И на ус мотай... Вот как-то достали короля жалобы. Перешёл Трибуле шутками своими все границы, мыслимые и немыслимые. Уже в каждой французской деревне хохочут над его дерзкими словами. Того и гляди, авторитет государственный рухнет – вон как твои дрова. Что делать? Жалко шута, но каждый должен знать своё место. Простые наказания не помогли. Переполнилась чаша терпения, озверел он: «Да что себе позволяет этот шут гороховый? Взять под стражу!».

Велел собрать народ на площади и объявить приговор. Собрался народ, гудит, шепчется. Помнишь, когда Сашку Петухова из школы исключали, тоже вся деревня гудела. Так и тут: попутал берега – отвечай. Зачитали указ: «Волею короля приговаривается шут Трибуле к смерти, чтобы другим неповадно было». Толпа глаза выпучила, зароптала – любимца Франции казнят. Тут король вспомнил про свою благородную кровь и решил проявить великодушие, говорит: «За твои заслуги разрешаю тебе самому выбрать, как умереть, чтобы недолго мучиться. Хочешь – гильотину, хочешь – яду своего дам, а хочешь – заколют во сне. В общем, смерть – на твой выбор».

Дед Матвей замолчал. Поставил чугунную сковородку на огонь. Кинул сальца туда. Подождал, когда оно зашкварчит, заиграет, запрыгает, и добавил мясо румяниться. А сам присел перед печкой на стул, приоткрыл дверцу, пошевелил кочергой угли, подкинул полешко и уставился на огонь задумчиво. Красиво прыгает пламя, хохочет, облизывается, будто знает, что случилось потом, будто слышало в дворцовых каминах, что же выбрал Трибуле.

Мишка дочистил картошку с морковкой и поставил на стол.

– Всё. Готово. Я не понял, убили его? Что он выбрал-то?

– Убили бы, если бы думал, как ты и как король, или оглядывался бы на зевак на площади, которые уже молитвы зауспокойные читали.

– Не понял... Не убили? Сбежал?

– Нет. Он покумекал, хорошенько пошевелил мозгами и выбрал смерть.

– Как это? Выбрал смерть, и не убили?

– Вот ты и подумай, как? Он выбрал смерть от старости.

– От старости? – Мишка оторопел, а потом засмеялся. – И король его послушался?

– А куда ему деваться? Слово – не воробей, вылетит – не поймаешь. А тут – королевское слово. Ты мне лучше скажи, как он не сдался, как принял правила игры, но выиграл? Даже когда его жизнь поставила перед смертью, а та уже свою косу точила, всё равно боролся до последнего. Не вцепился в жертву, не стал бараном на верёвочке. Он ведь мог выбрать смерть через казнь, сдаться, проиграть по чужим правилам... Ух и зауважал я его, шельму: ум острый, дух сильный. Вот он точно с детства жареные гвозди ел, не отказывался, как некоторые. Такие шуты правят и своей жизнью, и целыми государствами. Вот так, одним словом короля обыграл. Да ладно – короля, судьбу победил и саму смерть отодвинул, на место поставил.

Огонь плясал и вспыхивал искрами смеха, стрелял салютами. Он вспоминал, как королевский двор притих, как восхитился король такой выходке, как народ радовался и кидал шапки вверх.

Дед Матвей закрыл печную дверцу. Он кромсал кусками картошку и выдуманное поражение внука:

– Вот и посмотри на свою беду по-другому. Ты видишь один выход, где ты вцепился в проигравшего. Но если ты внутри себя станешь на место победителя, то будешь думать, как победитель, и возможности искать. И тогда они найдутся. Пусть смешные возможности, нелепые. Пусть ты даже не победишь, но ты будешь идти, а значит, не проиграешь, не застрянешь в болоте. Вон, глянь в окна через улицу. Баба Ира застряла и которую зиму со двора не выходит. Доживает. Выбор – он у каждого есть.

Мишка смотрел в окно. Он половину пропустил мимо ушей, но на душе стало легко. Солнце светило радостно. Сосульки дружно барабанили за стеклом. Капель пела бодрую песню.

– Деда, а ведь никто не говорил, что я должен петь один. Можно вместе с Серёгой спеть. А папа на гитаре сыграет. Так ведь?

Дед подошёл, прижал внука одной рукой, а другой взъерошил ему макушку:

– Можно, тебе всё можно.

Екатерина ПОЛЯНСКАЯ

ГДЕ ТИШИНА И СВЕТ

* * *

Я люблю гостиницы. Их уют –
Просто к нам, бродягам, скупая жалость.
Стол и кров на время тебе дают,
И ты знаешь, сколько его осталось.

Я люблю гостиничный крепкий чай
И случайно купленное печенье,
Я люблю гостиничную печаль,
За окном чужие огни и тени.

Ты один. Всё честно и без прикрас,
Даже без почти что родных предметов...
Так легко собраться в расчётный час,
Потому что лишнего вовсе нету.

Никаких прощаний. Один сквозняк
Занавеской пыльной махнёт вполсилы.
Дверь закрыта. Всё оставлено так,
Как до меня здесь было.

В КОМАРОВО

*Эта женщина больна,
Эта женщина одна.*

Анна Ахматова

Анна! Анна! – Тишина.

Александр Блок

Льдисто, ветрено и звёздно.
Ночь бездонна и бесслёзна.
Только лишь сосна сосне
Тихо шепчет в полусне:
То ли – «Слышишь...», то ли – «Поздно...».
Меж ветвей чернеют гнёзда,
Меркнет свет в чужом окне.

Где – в сиянии, во тьме ли
Те, кто всё ж пройти посмели
Ломкой линией судьбы,
Тонкой вязью ворожбы,
Острым лезвием метели?..
Анна, помнишь, как шумели
Царскосельские дубы?

Только ветра вздох глубокий,
Только тающие строки:
*«...Эта женщина больна,
Эта женщина одна...».*
Только лишь срока́ да сроки –
Дом казённый, путь далёкий...
«Анна! Анна! – Тишина».

* * *

Человек войны входит и говорит:
«Коня отдавай, и весь урожай свой!».
За его спиною тёмным огнём горит
Ненависть, рождённая прежде всех войн.

Землепашец глядит на почти остывшую печь,
Руки его натружены и тяжелы.
Он понимает: ничего не сберечь,
И лицо его – словно кусок скалы.

И когда вновь приходит посланник беды,
В дом запуская клубящуюся метель,
И требует сначала кружку воды,
А потом – отдать жену и детей,

Он хватает обрез и стреляет в упор,
Не ощущая ни горечи, ни вины.
Не оборачиваясь, выходит во двор,
И сам становится человеком войны.

* * *

Памяти А. С.

За бурьяном у дороги
Безымянный крест,
Вопросительный и строгий
Взгляд седых небес.

Вот он, твой приют последний,
Твой последний сон.
Снег идёт. Звонят к обедне.
Только снег да звон.

Всё, чем юность поманила,
Всё, что не сбылось –
Заметённые могилы,
Снег, летящий вкось.

Но не помнит слов упрёка
Смех беспечный наш,
Рвётся с лестницы широкой
Нам навстречу марш –

Мендельсоновский, победный,
Из последних сил...
Ты простил меня, мой бедный?
Знаю, что простил.

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

Пока они ждут обновления,
Свободы неведомой ждут,
Смыкаются накрепко звенья,
И время свивается в жгут.

Они ещё шутят, смеются,
Нахваливают пироги,
А где-то уже раздаются
Патрульных глухие шаги.

Ещё не померкли улыбки,
Не взорван привычный уют,
И только цыганские скрипки
О вечной разлуке поют.

В последнем порыве всё выше
Почти отзвучавший пролог,
И скоро, так скоро услышит
Смертельную музыку – Блок.

НОЧЬ В КОМАРОВО

Ночь так ясна, и тишина такая,
Хоть запасайся впрок.
С еловых сонных лап смолой стекает
Ночное серебро.

Сосновый ствол мерцает и струится,
До тени истончён,
И слышно, как едва вздыхает птица
Неведомо о чём.

И кажется, я заглянуть посмела
Сквозь морок долгих лет
За край непостижимого предела,
Где тишина и свет.

* * *

Боящийся не совершенен в любви.

Первое соборное послание
Иоанна Богослова, 4,18.

Плачет рождённый в ещё не осознанном страхе,
Вытолкнут в мир непонятно за что и зачем.
В смертном поту, в остывающей липкой рубахе
Кто-то затих, от последнего ужаса нем.

То, что выходит из праха – становится прахом.
Между двух дат угадай, улови, проживи
Эту попытку преодоления страха –
Жизнь, где *боящийся несовершенен в любви.*

СТАРАЯ ЛОШАДЬ

Ей повезло: спина седло забыла,
И шпора не тревожит потный бок.
Спокойно дремлет старая кобыла –
К ней милосерден лошадиный бог.

Есть у неё теперь покой и воля,
И тёплый кров, и чистая вода...
Что снится ей? – Ковыльное раздолье,
Неудержимый бег невесть куда?

Что снится ей в неверном лунном свете,
Когда все тени призрачно-тонки?
Мерцание вокруг, и ветер... ветер,
Летающий рядом наперегонки,

Мелькнувшей ветки смутная тревога,
Далёкий зов непаханных полей?..
Всё легче бег. И лунная дорога
Всё ближе, всё просторней и светлей.

* * *

Увижу ль снова реку, остров
И створы по реке,
Пучок травы сухой и жёсткой
Сожму ль ещё в руке?

Услышу ли печаль степную,
Полынный горький зов –
Печаль нездешнюю, иную,
Не знающую слов?

Коснусь ли гривы лошадиной
Обветренной щекой?..
На всех путях земных едины
Тревога и покой,

И табуны времён, что мимо
Из тьмы во тьму пылят,
И вечности неугасимый
Неумолимый взгляд.

* * *

Ах ты, птичка, красногрудый снегирёк!
Что-то в жизни всё не вдоль, а поперёк:
То ли зябнет неприкрытая спина,
То ли ноет неизбытая вина.

То ли ветер завывает слишком зло,
То ли все пути-дороги развезло.
Развезло, да подморозило слегка,
А вокруг-то – ни души, ни огонька.

Словно те, кому помочь ещё могла,
Только вот не помогла – дождём прошла,

Закружилась в круговерти суеты –
На меня теперь глядят из темноты.

Ах ты, птичка, стойкий маленький флейтист,
Согревающий собою снежный лист,
Чтобы вновь я удержалась на краю,
Просвисти простую песенку свою.

* * *

...и крест свой бережно несущий...

А. Блок

От войны не желай себе славы,
Скороспелым стихом не греши,
Не бренчи, не витийствуй лукаво,
Громозвучных словес не пиши.

Не спеши на парнасскую горку,
На чужой не красуйся крови.
Помолчи о земле своей горькой,
И дыханье её улови.

Помолчи. Стань спокойным и зрячим,
Чтоб достойно свой крест пронести,
И в молчании этом горячем
Дай зерну, умерев, прорасти.

Что там слава? Тебя ли, другого
Будут ею сегодня венчать –
Перед Богом за каждое слово
Полной мерой тебе отвечать.

* * *

Кошки приносят Богу своих мышей.

Английский бестиарий XIII в.

Кошки приносят Богу своих мышей –
Чистосердечную лепту трудов земных.
Бог гладит кошек между чутких ушей
И улыбается, благословляя их.

Слушает Бог, как мурлычат потомки Баст,
Смотрит на них сквозь клубящиеся века.
Он приютит и пушистые шубки даст,
В блюде нальёт тёплого молока.

Пусть они ловят пришельцев из чёрных дыр –
Юрких мышей и серых зловещих крыс.
Пусть хранят урожай, украшают мир –
Тот, что над бездной капелькою повис.

* * *

Если бы птичья моя мольба,
Птичья моя печаль,
Пела, взрывая, словно труба,
Глухонемую даль,

Если бы немощный голос мой
Был сильнее стократ,
Я бы с посохом и сумой
Пела у райских врат.

Пела бы на перекрёстках дорог
Горечи и любви.
Песню бы эту услышал Бог
И повелел: «Живи!».

В непостижимости всех путей
Он бы слышал нас –
Слабых и грешных Своих детей,
И пожалел. И – спас.

Александра КОРЖОВА

Я ВЫХОЖУ ИЗ КРУГА

* * *

«Иди!» – скажет тот, кто верит,
Коснувшись твоей руки.
Иди на пологий берег
Поющей большой реки.

Прозрачна реки прохлада.
Не звёзды ли там, на дне?
Лишь смелый коснётся клада
В заманчивой глубине.

Сиди и смотри, как воды
Поющей реки быстры...
Ты чувствуешь вкус свободы?
Пора разжигать костры.

* * *

Лето ведёт знойный учёт
В маленьком городке.
+35, солнце печёт,
Люди текут к реке.

Берег знаком, и босиком –
В воду, да налегке.
Мается город майским жуком
В спичечном коробке.

* * *

Между цветеньем черёмухи и сирени –
Яблони белый цвет.
Круг на земле. Я в нём стою на коленях.
Сколько мне? Десять лет.
Время обходит круг,
Мне без пяти пятнадцать.
Круг на земле, а рядом
Сочная трин-трава.

Мама сказала строго:
Незачем улыбаться.
Маме нельзя перечить,
Мама всегда права.
Время со скрипом крутит
Ржавые шестерёнки.
С яблони опадает
Белый прощальный цвет.
Я выхожу из круга.
Я становлюсь ребёнком,
Смех рассыпаю звонко.
Больше запретов нет.

КАРМАШКИ

Радости для сынишки:
Камешки, щепки, шишки,
Фантики и ракушки,
Скляночки, побрякушки,
Бусины и конфетки,
Медные три монетки,
Гаечный ключик новый,
Рыжий листок кленовый.

Такие богатства, братцы,
В кармашках его хранятся.

* * *

За белоснежными кружевами
Черным-черно.
И птица будто бы не живая
Глядит в окно.

А за окном ураганный ветер
Сошёл с ума.
И флюгер крутится, словно вертел,
И кутерьма.

Дорожный знак угодил в канаву –
«Проезда нет».
А ветру будто бы мало, мало,
И гаснет свет.

* * *

Мёртвые птицы оттаяли
из-под снега.
Клюв разевая, каркает
чёрное небо.
Падаю наземь – снятся
бескровные лица.
Чувствую крылья. Может,
я тоже птица?
Мысли рассыпаны часто,
как зёрна в землю.
Время в петле качается,
смерть не дремлет.
Тёмные стёкла прячут
пустые глазницы.
В зеркало бьётся беспомощно
бедная птица.

* * *

Лучик – озорной котёнок рыжий –
Разузнал подробно, что да как:
Голуби живут на чердаках –
Охраняют солнечные крыши.

И теперь понятно, отчего
Спят спокойно жители ночами,
Ведь на крыльях голуби качают
Сны и сказки детства моего.

Оксана Останина

КОТЛЕТА

– Это что, ба? – Галя крутила в руках небольшое блюдо.

– Котлета, – прищурилась Таисия.

– В помойку, – Галя скинула тёмный брусок жареного фарша в мусорное ведро и принялась дальше рыскать по полкам холодильника.

– Погодь-ка, – сорвалась Таисия с табуретки и, качнув филеом, отодвинула внучку от белого ящика. – Смотри-ка, царевна, мясом она швыряется.

Пожилая женщина закричала и полезла за котлетой. Дунула на неё с двух сторон, обтёрла рукавом шершавые бока, засунула в старый полиэтиленовый пакетик и припрятала в карман засаленного фартука. Встала поперёк, закрыв собой половину кухни. Не развернуться. В углу раковина времён строительства коммунизма с чёрными проплешинами отбитой эмали, плита «Лысьва» и «Бирюса» впритык к окошку.

– Есть будешь? – поджала губы Галя и отошла к дверям, минуя пакеты, которые сама водрузила на стол.

– Дуське снесу, – укоризненно посмотрела на внучку Таисия. – Зачем харчи приволокла? Где мне столько сожрать? А в холодильник не лезь. Не ты клала.

– Ба, – обиженно шмыгнула носом Галя. – Я же всё для тебя. Я в обеденный перерыв к тебе, чтобы всё было. Ты с палкой на пятый не допрёшь.

Таисия сложила на груди руки и выжидающе посмотрела на внучку. Та глянула на часы и ойкнула. Пятнадцать минут до конца перерыва, наспех попрощалась и хлопнула дверь.

– Как бабуся? – спросил Шурик, едва Галя открыла пассажирскую дверь старой иномарки.

Та ничего не ответила, села в машину и посмотрела вперёд. На заснеженной площадке играли карапузы, а разомлевшие на солнышке мамы щебетали о том, к чему так стремилась Галя. Февральское солнце, несмотря на небольшой морозец, ласкало уставшие от холода лица.

– Как всегда. Не оставит она мне квартиру. Зря катаемся. Я котлету древнюю в помойку, так она вытянула и в пакет. Психушка плачет. Надо матери сказать, пусть бабку пристроят. Поехали, опоздаю. Чего артачится? После смерти всё мне отойдёт.

Галя не любила престарелую Таисию, и та это знала. От гостинцев не отказывалась, но и хозяйничать не давала. Ползала барыней по трёхкомнатной квартире.

– Вот зачем ей одной такие хоромы? – не унималась Галя. – Предлагала же ей однушку в ипотеку взять. Первый этаж, магазин под боком. Поликлиника в двух шагах, хоть каждый день наведайся. Нет. Упёрлась рогом.

– Её квартира, что хочет, то и делает, – произнёс Шурик.

Хотел беззаботно, да не вышло. Проскрипело в голосе недовольство, не

бабкой – Галей. Вроде и девка ничего, да история с квартирой не нравилась. Не по-людски это.

– Ипотеку одобрили. Крыша будет. Нам сейчас много и не надо.

– Я ребёнку хочу, – прошептала Галя, едва Шурик остановился у супермаркета, и выскочила.

«Ребёнку нужна своя комната», – повторила про себя Галя и уставилась на витрину с деревянной люлькой. Как назло, дорога до офиса шла через детский магазинчик. Она уже подобрала обои для детской и забила в программу по дизайну расположение комнат в бабкиной квартире. Осталось всего ничего – дождаться, пока карга сдохнет.

* * *

Таисия накинула на плечи куртку и вышла в подъезд. Долго шла вниз, преодолевая боль в коленях. Подолгу стояла на лестничных площадках, и всё же доползла до почтовых ящиков. Поковыряла, выискивая Дуську, жившую за мусоропроводом, и положила перед ней котлету. Погладила пыльные бока.

– Хорошая ты кошка, Дуська, хорошая. Взяла бы тебя, да сама знаешь, боюсь помру, а ты куда? Подохнешь рядом или опять на улицу. Галька не примет, выпнет.

Дуська не слушала. Жадно трескала, не обращая внимания на кормилицу.

– Бока у тебя распёрло, никак нагуляла? – нахмурилась Таисия и, разгибаясь, вновь закряхтела.

Прошаркала к ящикам, открыла свой и замерла. В тёмном проёме светился конверт. Дрожащими руками достала письмо и прищурилась. Буквы расплылись пятнами, не разобрать.

Хлопнули двери, застучали ботинки по стёртым ступеням.

– Здорово, бабушка, – поздоровался соседский мальчишка.

Вымахал, уже сам дядька. Подзатыльник не дашь, не допрыгнешь.

– Иди-ка сюда, Колька, – позвала она. – Прочти мне. Хотя, погоди, не надо.

Страшно было – вдруг не то.

– Юля какая-то, – произнёс Колька. – Дальше читать?

– Юля? – прошептала Таисия и покачнулась, едва удержалась за стену.

– Толстенькая, – удивился Колька, погладив Дуську. – Откормилась.

– Откормилась, – усмехнулась Таисия.

Обратно шла тяжело. Задышалась, стояла уже посреди лестничного пролёта, и Дуська не отставала. Шла рядом. Садилась поодаль на две ступеньки ниже и мыла лапками длиннющие усы.

Дойдя до квартиры, Таисия дышала долго и натужно. Дуська тёрлась о ноги и не собиралась уходить.

«Дурёха, – замахнулась Таисия палкой. – Иди, говорю». Кошка не уходила, нырнула в коридор и, пройдя до дверей спальни, завалилась у входа. Таисия и сама бы легла рядом, но прошла на кухню. Долго искала очки, потом смотрела на конверт, не решаясь открыть.

Два месяца ждала письма. Год решалась, столько же писала, а теперь получила ответ. Никто не должен знать, тем более Галька. «Паскуда вмиг разорвёт», – подумала Таисия и решилась. Резанула ножом по белой бумаге,

как по собственному сердцу. Достала белый лист в чёрных точках-буквах. «Не от руки писано, – вздохнула Таисия. – Словно не письмо, а документ безликий».

Вчиталась в первую строчку:

«Здороваться не буду, не жди! Поздновато вспомнила, что у тебя внука есть. Некому стакан воды принести? Так ты к дочке обратись. Нечего нам напisyвать. Знай, Женька от своей доли не откажется. Завещание против внуки напишешь – я в суд подам».

Несколько строчек на белом листе. Слёзы нахлынули, задрожал подбородок и руки. Разбежались буквы-букашки, расплылись по листу. Воздуха стало мало, душно. «Окно бы открыть», – встала Таисия, сделала шаг и упала.

«Мяу, мяу, – настырное и шершавое плещется рядом в темноте. – Мяу!» Сначала с одной стороны, потом с другой. Открыла глаза Таисия, а встать сил нет, только боль, нет не обида, боль. Не поймёт её невестка, ни тогда, ни сейчас. Всё из-за квартиры проклятой. Сколько раз ей душу выматывали, то сын, то дочь. Не понимали, что для них покупалась и для них сейчас хранится. Случись чего, знают, дом есть, мать есть, вещи есть, те самые, которыми сейчас дочь перед внучкой хвастается. И сына вещи есть, и мужа. Последнего не вернуть, а сын... Его Таисия ждала. Десять лет уж ждала. Продай, разменяй – куда он вернётся, где дом искать будет?

Боль вновь сжала сердце, застонала, смешалась с мяуканьем волнующейся кошки. «Всё квартира треклятая. Ведь звала их к себе, живите. Мне одну комнату оставьте и живите», – думала Таисия, пытаюсь встать, и поползла вверх по стене. Села облокотившись. «Просил сын разменять. Себе хотел купить. Не позволила, – не заметила Таисия, как заговорила вслух. – Поехал на заработки и пропал. Невестка его без вести пропавшим объявила. Просила, умоляла её: не надо. Вернётся сынок». Кошка тёрлась о руки, а затем села и посмотрела, пронзительно так. Склонила голову и ждёт. «Отвернулась невестка, а дочь вроде и обрадовалась, что брат пропал, – продолжила Таисия. – Конкурента, мол, нет. Галка с тех пор квартиру своей считает. Все ждёт, когда меня Бог приберёт, а он, стервец, не торопится. Вот и сейчас не забрал. Оставил. Видать, нужна ещё для чего».

Таисия встала, тихонько ползла по стене всё выше и выше. Бок ныл, да рука дёргала, но она не обращала внимания. Солнце уже сорвалось вниз. Быстро скрылось. Чего там зимнего дня?

Таисия принялась разбирать пакеты. Достала два куска мяса и мясорубку из ящика стола, старую, механическую. Принялась молоть мясо и разговаривать с кошкой, всё душа живая: «Сын котлеты любит. Придёт, а я ему свежих».

Долго возилась на кухне: лепила, жарила, смотрела на покрытую снегом улицу в надежде увидеть знакомый силуэт. К утру левую руку разбарабанило, распёрло как синюю сардельку.

В обед снова пришла Галя. Долго звонила, но Таисия не открывала, не хотела слушать охи да ахи. Смотрела на внуку в дверной глазок, на знакомые родные черты и всё искала тепла.

Галя достала телефон и заговорила быстро, надрывисто: «Окочурилась, походу. Да куда она пойдёт, зря я к ней мотаюсь, что ли?».

Таисия усмехнулась и рванула на себя дверь. Прошептала ехидно: «Не дождёшься», – и снова захлопнула.

Галя ушла, а минут через двадцать взорвался телефон:

– Ма, с тобой всё хорошо? Мы же переживаем, – затараторила дочка. – Зачем ты так с Галей?

– Да твоя Галя ждёт не дожётся, пока я умру.

– Она так, с испугу. Чего человек в стрессе не скажет?

– Чего на уме нет, того не скажет.

Таисия бросила трубку и разрыдалась. Опять всё неверно. Не так. Сына нет, дочери нет, только кошка.

Три дня Таисия мучилась, а на четвёртый не выдержала, вызвала врача. Последний приехал на удивление быстро: и десяти минут не прошло, затрезвонил в двери.

«На обходе никак», – подумала Таисия, подползая к дверям, открыла, не спрашивая, и обомлела.

– Женя!

– Бабуля!

На пороге стояла внучка, сынова дочь. Да не одна, с мальчонкой.

– Мама сказала, что ты ей писала. Я не читала, но подумала – самое время. Что у тебя с рукой?

– Упала, – отмахнулась Таисия. – Вы проходите. Это кто у нас такой? – согнулась она, насколько смогла.

Мальчонка лет трёх спрятался за внучку.

– Большой какой, – обрадовалась Таисия. – Да вы проходите. Радость-то какая. Я ведь и не знала, а ты вона какая деваха. У меня жить будете или проездом?

– Бабуля, здесь такое дело. Нет, ты скажи, что с рукой?

Женя вошла в квартиру и посмотрела на Дуську.

– Здорово, хозяйка, за бабулей приглядываешь?

Кошка муркнула, а мальчонка нагнулся и погладил её.

– Раздевайтесь, я сейчас чаю и котлет. Мигом.

– Чаю хорошо, вот только я тебя о помощи попросить хотела, а с такой рукой... Врача вызывала?

– Да, – кивнула Таисия. – Думала он, а тут вы. Как же я рада. Я, когда письмо получила, чуть от инфаркта не померла. Дуська спасла. Думаю, чё ж меня господь не прибрал? А он мне такой подарок приготовил – и внучка, и правнук. Как звать-то тебя?

– Феся, – гордо ответил малец и пошёл знакомиться с квартирой.

– Бабуля, не суетись. Я сама чай налью. Ты послушай меня. Решить надо, что дальше делать, а мне Фёдора не с кем оставить. Матери не хочу говорить. Я отца искала. Через соцсети у людей спрашивала, и ответила мне одна женщина. Пишет, видела похожего, он у них по мусоркам шарит. Очень похож. Я тебе фото покажу, ты глянь. Вроде как документов у него нет. Она у него спросила, откуда сам и знает ли Женю. Так мужчина заплакал.

Таисия села на табурет и уставилась на внучку.

– Вж-жу, – въехала на кухню любимая сыновья машинка.

– Врача вызывали? – послышалась из прихожей. – Двери открыты, есть кто?

Таисия затаилась. Не вовремя пришла врач, но Женя уже откликнулась.

– Бабуля на кухне. У неё рука.

– Рука, – засопела в прихожей врач, натягивая бахилы, и засемила на кухню, где и так не развернуться. – Что случилось?

Врач, худенькая, невысокая женщина лет сорока с аккуратной стрижкой, обрамляющей красивое, но осунувшееся лицо, пристально смотрела на Таисию, а та только открывала и закрывала беззубый рот. Не будешь же при Женьке рассказывать о письме, а так хочется.

– Дуська под ноги, я и шваркнулась, – выпалила Таисия и посмотрела на кошку.

Дуська подняла уши, словно не веря словам, замерла, всё ещё надеясь услышать, что это шутка, помедлила и ушла с кухни. Таисия покраснела и начала хватать ртом воздух.

– Давление? – засуетилась врач и выудила из огромной, местами потёртой дамской сумки, тонометр.

Затем посмотрела на опухшую конечность и передумала. Набрала номер и вызвала карету скорой помощи.

– Руку осматривают и давление тоже. Есть кому сопроводить? – спросила у Жени врач.

– Да, если с ребёнком, – тут же ответила внучка.

– С ребёнком не вариант. Оставьте с кем-нибудь, – пожалала плечами врач и засобиравшись уходила.

– С кем? – побежала за ней Женя, но, осознав абсурдность ситуации, оставилась.

Хлопнула входная дверь. Качнулась от сквозняка люстра и замерла в тягучей тишине.

– С Колькой! – нашлась Таисия. – Я с ним своё отсидела, пора должок возвращать. Мать его, как сюда переехала, мальчишку на меня повесила. Он мне как родной. Возраста Феде и был. Сейчас вымахал, жених. Толковый парень. Обожди, я его наберу.

Таисия прошаркала в прихожую к висевшему на стене аппарату и зазвенела диском. Обернулась в сторону и заметила удивлённого Федю да обиженную Дуську.

– Колька, шуруй сюдой, – скомандовала Таисия в трубку и вновь посмотрела на кошку.

Та всё ещё сидела на пороге спальни и делала вид, что разглядывает солнечных зайчиков. «Да ладно тебе дуться. Судьба такая. Меня от безвыходности спасать», – подумала Таисия, всё ещё сжимая в руках телефонную трубку.

– Принести чего? – с порога закричал Колька и посмотрел на кошку. – Вот ты где? Нашлась пропажа, – искренне обрадовался он. – Я и в подъезде искал, и на улице. Нет нигде. Думал, дворничиха выкинула. Хотел ей спичек в замок напихать, – Колька осёкся. – Только хотел.

– Хотел он, хулиганьё, – строго посмотрела Таисия. – Посиди с мальцом.

Внучка ко мне приехала, а здесь рука, едрит её. Врачиха наша скорую вызвала и тикать. Посидишь?

Колька пожал плечами и уставился на Федю, который всё ещё зачарованно смотрел на телефонный аппарат.

– Останешься со мной? – присел на корточки Колька и, заметив Женю, брякнул: – Здрассте.

Женя кивнула в ответ и посмотрела на сына. Боязно с кем ни попадя ребёнка оставлять.

– Покрутить дашь? – насупился Федя.

– Я вам накручу хвосты. В комнату идите. Холодильник знаешь где, покормишь пацанёнка, – буркнула Таисия с напускной строгостью. Обернулась к Жене. – Не бойсь, у меня не забалуют. Сама воспитывала, как сына.

Таисия почувствовала, как трясётся подбородок, накатили предательские слёзы и руки стали ватными, чужими.

– Покажи карточку, – всё ещё сжимала она трубку телефона, из которой доносились отрывистые гудки.

Раздался стук, твёрдый, тяжёлый. «Нелёгкая вас принесла», – подумала Таисия и толкнула едва прикрытые Колькой входные двери. Она уже знала, что это со скорой, и не ошиблась. Парень, совсем мальчишка, уже лет тридцать все казались Таисии слишком молодыми, заправски осмотрел руку и, махнув на двери, выпалил:

– Собирайся, дамочка, поехали. Что затынула так? Одна будешь?

– Орёшь чего? Не глухая. Внучка со мной. Обожди минуту, соберусь.

Фельдшер ей сразу понравился. Басовитый, свой. Не заносчивый, как некоторые. Приедут и от человека шарахаются, морщатся брезгливо.

Дуська прошла вдоль стенки и собралась было в подъезд, но фельдшер подхватил кошку на руки:

– А вас, пушистая, просим остаться, дом постеречь.

– Обиделась она, – натягивала шапку Таисия. – Оболгала я свою спасительницу. Вот жеж, кастрюля пустая. Переодеться забыла.

– Поторопись, хорошая. Не одна ты у нас такая расторопная.

Фельдшер протянул Таисии кошку и посмотрел на Женю.

– Помогите, дамочке приодеться. Без руки не с руки.

Женя кивнула и пошла за Таисией в комнату. Помогла натянуть старенькие брючки и выцветшую от времени кофту. Сама достала из потёртого шкафа платочек и повязала на шею Таисии. Окинула взглядом пожилую женщину и погрустнела. Не тянула она на зажиточную, да и на жадную стерву тоже, как любила отзываться о свекрови мать. Не обманули Женю воспоминания. Помнило детское сердце тепло.

– Женщины, время, – донеслось из прихожей.

– Идём, – отозвалась Таисия и заковыляла в коридор, затем остановилась в дверях спальни, вернулась к подоконнику и чмокнула недовольную Дуську в холодный нос. – Прости старую, останься.

Дуська махнула хвостом и уставилась во двор на спящих внизу людей. Женя улыбнулась, но, проходя мимо бывшей комнаты отца, не удержалась, заглянула. Сердце не на месте, с незнакомым оставляет сынишку. Делать нечего,

не разорвёшься. Федя хохотал, а Колька читал ему какую-то детскую книжку. Женя проскользнула мимо приоткрытых дверей и уверенно направилась к выходу.

Долго шли по лестнице. Затем тряслись по колдобинам оттаявшего днём, но прихваченного вечерним морозом асфальта. Время замерло. Дорога в больницу казалась невыносимо долгой. Женя смотрела в окно, а в мыслях уже летела на поезд. Опоздает сегодня, следующий лишь через сутки. Отпуск короткий. Взяла за свой счёт десять дней. Трёх уже нет. Матери соврала, что на отдых, а сама к бабушке. Кто ж знал, что здесь такое?

Сидели в переполненном приёмном покое, где было на удивление тихо. Гул тонул в белых стенах, поглощался такими же бахилами и цеплялся за шуршащие халаты врачей. Все сидели в телефонах и изредка перебрасывались словами. Женя тоже достала смартфон, полистала и протянула задумавшейся о своём Таисии светящийся экран: «Глянь, бабуль».

Таисия вынырнула из воспоминаний. Резко, словно нарушивший инструкцию глубоководник. Гул, тихий, но пронзительный, обволакивал, тянул к чьим-то карточкам, анализам, переломам.

– Что, Женечка? – нагнулась она пониже, всё ещё не веря, что у внучки уже свой малец.

– Глянь на фото, папа, нет?

– Протасова! – крикнула медсестра, и Женя подняла руку.

– Мы здесь.

«Что ж за день такой, – причитала Таисия, ковыляя на рентген. – Не даёт мне господь на сыночка глянуть». Ушла с головой в бесконечные бумаги, чувствуя, как ноет измученное сердце.

Женя вышагивала по холлу приёмного покоя и молила господу поторопить врачей. Всего три часа. Как раз увезти бабушку, забрать дорожный рюкзачок – и на поезд. Зелёные цифры на большом светящемся экране то замирали, то неслись, сменяя одну за другой. Впереди мелькнуло знакомое лицо. «Галя? Точно, сестра», – остановилась Женя и закричала:

– Галя, мы здесь!

Девушка завертела головой, поймала взглядом Женю и зашипела:

– Ты-то откуда?

– Кто это? – тихо спросил Шурик.

– Сестра, – так же тихо ответила Галя, – двоюродная.

Выпрямилась, натянув фальшивую улыбку на американский манер, с которой встречала всех клиентов небольшой юридической фирмы. Губы расплзлись, обнажив идеально ровные зубы, результат двухлетнего мучения в брекетах. Ресницы затрепетали, как у старого пупса, вот только серые глаза остались холодными. Направилась к Жене быстрым пружинистым шагом и раскинула руки, готовясь к объятиям. Шурик пошёл следом, разглядывая незнакомую девушку.

Они были похожи. Не спутаешь – сёстры. Вот только цвет волос у Жени русский, а у Гали в отца, тёмный. Но другое сразу бросалось в глаза. Мягкие черты у одной и вычерченные у другой. Идеальная Галя и милая простушка Женька.

Галя легла на плечо сестры, отвернув в сторону голову, и брезгливо скривила губы. Женя, напротив, искренне чмокнула в щёку и затараторила.

– Я тебе писала. Ба...

– Сочувствую, – перебила Галина сестру. – Нам всем будет её не хватать.

– Кого? – отстранилась Женя.

– Таисии, – исподлобья посмотрела Галя, – Разве ты не с ней?

– С ней, – рассмеялась Женя. – С бабушкой всё хорошо, надеюсь. Но точно не настолько плохо.

Галя осунулась, и Женя принялась её утешать.

– Зря разволновалась. Бабулечка руку повредила. Сто процентов перелом, а я так надеялась с ней сына оставить, – посмотрела Женя на мелькающие зелёные цифры. – Через два часа надо быть на вокзале, но я не успею.

Только Шурик понимал истинные причины грусти возлюбленной. В такие моменты он гнал от себя мысли об очевидном, успокаиваясь тем, что все мы люди. «Кто без греха?» – твердил он про себя, как заклинание.

– Сына? – подняла глаза Галя. – Где он?

– У бабушки в квартире остался.

При слове «квартира» Галю передёрнуло, и она принялась лихорадочно считать возраст паренька, открывшего двери, когда она приехала к бабушке. Мальчишка ни при каком раскладе не мог оказаться сыном двоюродной сестры. «Наследником какой очереди он будет?» – думала она и сползла с рук сестры на металлический стул.

– В отпуск собрались? – спросил Шурик, чтобы разрядить обстановку, но, заметив огорчение Жени, продолжил. – Могу вас подвезти. Галя бабулю подождёт, а я вас за сыном и на вокзал.

– В том и проблема, – поджала губы Женя. – Я сына бабушке хотела оставить. Мне за отцом съездить надо. Не хочется Федьку по вокзалам таскать.

– Дядей? – совсем обникла Галина.

– Да, – оживилась Женя. – Посмотри. Может, узнаешь. Я до конца не уверена. Боюсь, что желание затмевает разум. Хочется видеть больше, чем есть. Я ещё и поэтому к бабушке приехала. Она всяко сына узнает.

Женя перелистывала экраны, пока не нашла фото.

– Гляди.

Галя с Шуриком уставились в телефон. На размытом снимке уставший мужчина с распухшим лицом. Бесформенная грязная одежда и разбитые руки.

– Трудно сказать, – пожалала плечами Галя. – Я дядю не помню. А с сыном что?

«Во сколько же она его родила?» – пристально смотрела Галя на сестру.

– Маленький ещё. Три года.

– А парень в квартире?

– Это Коля, – засмеялась Женя.

Галя засмеялась вместе с ней. На этот раз искреннее. Шурик любил такие моменты. Только он знал Галю настоящей, и от этого ещё больше любил, когда она становилась собой.

– А я считаю, считаю, а спросить неудобно, – улыбалась Галя.

– Давай Федю к себе возьмём? Ты же хотела попробовать, как это, – предложил Шурик.

Галя зыркнула, да так колко, что Шурик оторопел.

– Работу куда?

– Отпуск возьми. За бабусей приглядишь и за пацанёнком. Отец – дело святое, тем более в такой ситуации. Вам бы с мужем поехать, – обратился он к Жене.

– Мы в разводе, – выпалила Женя и спрятала глаза.

– Друга, брата? – продолжил Шурик.

Но Женя лишь кивала.

– Даже если бы и был. Последний билет куплен, теперь и его могу потерять.

Женя разом помрачнела, опустила плечи.

– Дурость, – отозвалась Галя. – Ехать в чужой город, искать неизвестного мужика без стопроцентной гарантии, ещё и одной.

– А ты бы не поехала? – усмехнулся Шурик.

– Нет, – уверенно ответила Галя и вернула телефон Жене.

* * *

Таисия сидела в пустом холодном коридоре и ждала результаты рентгена. Откуда-то долетали слова, смысл которых было не разобрать, ходили люди в белых халатах, громыхали каталки, а она замерла. Время текло мимо. Отчего она в очередной раз прокручивала в голове разговор с Женей. Что если это действительно сын? Забытый всеми, такой же одинокий, как сейчас сама Таисия, невидимка в людском потоке спешащих по своим делам?

Там, в конце коридора, Женя, с которой запросто можно добраться домой, но здесь тишина и беспомощность. «Поеду с ней», – ожила Таисия и резко встала, отчего тут же качнулась обратно. «Нет, сама буду грузом», – подумала она, и предательская слеза покатилась по морщинистой коже. «Десять лет ждала и ещё подожду. Денег надо дать и котлет, – размышляла она. – Даже если не мой, пусть поможет. И у него есть мать. Не я, так она пусть дождётся».

Слёзы текли быстро, скользили по носу, минуя губы, и расплывались пятнами на сером листе направления.

– Кто с бабушкой? – остановилась рядом с Таисией миловидная женщина в белом халате и огляделась по сторонам. – Давно сидите?

– Не знаю, – пожала плечами Таисия, потерявшая счёт времени. – Скорее бы, там внучка и правнук, она к сыну собралась, да со мной застряла.

Женщина принялась дёргать ручки соседних кабинетов и, замерев у открытой двери, начала громко отчитывать медсестру.

В коридоре показалась красная от обиды девушка, подлетела к Таисии, схватила её за больную руку и потянула на себя. Пожилая женщина охнула. В глазах потемнело.

– Вы в своём уме! – раздалось над головой. – Пишите заявление. Пройдёте, бабушка. Я сама вас проведу. Извините и меня, и её.

Дело пошло быстрее, и через полчаса Таисия уже сидела с гипсом.

– Вот и славно, – вошла в перевязочную сопровождавшая Таисию женщи-

на в белом халате. – Давайте я вас провожу. Руку берегите и, если что, звоните, – сунула она визитку. – Вы так на мою бабушку похожи.

– Все мы чьи-то, а вы наши, – кивнула Таисия и, переваливаясь с ноги на ногу, зашаркала рядом с доктором.

Завидев знакомые силуэты, она не сдержалась.

– Принесла же её нелёгкая.

– Кого?

– Дочкину девку.

– Не любите внучку, – остановилась доктор.

– Люблю, и от этого мне совсем плохо делается. Не смогла дочь воспитать правильно, оттого и внучка ершистая. А теперь уже поздно.

– Кто знает, – подмигнула доктор и закричала фамилию Таисии.

Женя благодарила горячо и долго, достала из сумки небольшую шоколадку и засунула в карман доктора. Галя стояла поодаль и от нетерпения переминалась с ноги на ногу. Усталость терзала ноги, а страх душу. «Теперь бабка точно отвернётся», – подумала она и выпалила:

– Ба, Шурик нас отвезёт, а потом и Женю до вокзала.

– Куда мне теперь? – посмотрела Женя на руку Таисии. – Бабуле самой уход нужен.

– Я возьму отпуск, присмотрю за племянником и ба, – выдавила Галя, зная, что придётся выслушивать ор начальства и недовольство всего коллектива.

– Ты лучшая, – принялась обнимать её Женя, потом Шурика и целовать Таисию.

В машине ехали молча. Так же поднимались по лестнице. Галя убежала вперёд, а Женя и Шурик поддерживали Таисию, стояли для отдыха и шли дальше.

В сумраке неяркого подъездного освещения раздался звон, отчего все трое вздрогнули.

– Это напоминание, – вздохнула Женя. – Сейчас я должна нестись на вокзал.

– Так несись! Я сама доковыляю. И вот на, – Таисия достала из кармана пальто карточку. – Деньги понадобятся.

Женя принялась отнекиваться.

– Девоньки, прибавьте шагу, иначе точно не успеем. Деньги надо будет – позвонит, найдём. До вокзала домчим. Пробок уже нет. Давай, бабуся, как спринтер, – засмеялся он.

И Таисия действительно прибавила шагу.

– Женя, ты за вещами, с сыном целуйся, вещи бери и вниз. Галю позови, пусть у меня бабуся примет, если до того времени не домчим.

Женя кивнула и запрыгала по ступенькам. В квартире было тихо, только Галя шуршала на кухне, проверяя холодильник. Быстро обернулась и, увидев, что Женя одна, продолжила перебирать продукты.

Федя спал в обнимку с кошкой. Коля уже успел уйти к себе, пока Женя с Таисией карабкались по бесконечной лестнице. Чмокнув сына, она тихо вышла из комнаты, схватила сумку и пошла вниз. Таисия с Шуриком были уже рядом.

– Беги, – кивнул он. – Я рысью.

Шурик не соврал, домчал до вокзала. Потом бежали к нужной платформе, искали поезд и слушали стук колёс. Не успели.

Женя рыдала, по-настоящему, навзрыд. Причитала, а потом села на лестницу и обхватила голову руками.

– Пошли, – потянул её Шурик. – Нет поезда, есть машина. Только с работы отпрошусь. Оно и к лучшему. Я б места себе не нашёл, – приговаривал он, ища в телефоне номер напарника.

Долго объяснял, а сам подмигивал Жене: – Не бойсь, прорвёмся.

* * *

«Почему ты?» – нудила в трубку Галя, сидя на небольшой кухне, затем, осознав, что ничего не добьётся, сбросила вызов и уставилась на старую кафельную плитку. Таисия закрылась в своей комнате. Двоюродный племянник спал в другой, а за тёмным окном выл ветер, бросая в стекло пригоршни снежных хлопьев.

Всё шло не по плану: бабка, мальчишка, сестра, чёрт бы её побрал, и Шурик. «Слишком заинтересованно он на Женьку смотрел», – покрутила Галя в руках кружку с остывшим чаем и вновь полезла в холодильник, из которого несло вездесущими котлетами. Галя взяла одну, надкусила, хмыкнула от удивления и откусила ещё раз. Она оказалась на удивление вкусной. Протянув руку за ещё одной, Галя услышала «мяу». Дуська обтёрлась о вельветовые брюки, оставив на штанине шерсть. Галя поморщилась и пнула кошку. Затем закрыла глаза и кинула ей котлету.

«Теперь всю одежду придётся чистить», – пробурчала Галя и стала осматривать брюки, которые оказались покрытыми бело-серыми шерстинками.

Стрелки почти доползли до двенадцати, и Галя пошла в комнату к мальчику. Сняла в полутьме покрывало с бывшей кровати матери и почувствовала запах свежего белья. Таисия каждую неделю перестилала, ждала, готовилась.

Старая кровать заскрипела, словно подстраиваясь под новую хозяйку, и затихла. Галя смотрела в потолок. Она и раньше ночевала у бабушки, но это было так давно. Вспомнилось детство и друзья, с которыми гоняла по детской площадке со скособоченной горкой, железными качелями, летящими навстречу солнцу, и с растасканным по траве песком.

«Сколько лет прошло, десять?» – задумалась она, вспоминая лица Таньки, Серёги и Тимура. Последний жил как раз под бабкой, на четвёртом. Родители съехали, а на их месте появилась тётка с карапузом, с которым потом возилась Таисия, а Галя ревновала, да так сильно, что отказалась ездить. Настолько любила, что не хотела делить.

«Любила?» – вспыхнуло слово трещинами на потолке. Как она могла это забыть? И котлеты, и пирожки, мягкие, с хрустящей корочкой, и куклу с жёлтыми волосами и глазами цвета неба, и старую рацию на нитке, которую спускала с форточки Тимуру.

В густой, словно туман, тишине слышалось ровное сопение мальчика, и Галя почувствовала, как проваливается в сон. В ногах появилась тяжесть, мягкая и тёплая, а затем добавилось мурчание.

Гале снилось, как она стоит на площадке, глядя на всё ту же скособоченную горку, и слышит плач. Мечется по обрамлявшим качели кустам и слышит: «Мама, мама». Галя села на кровати, пытаюсь понять, где она. Рядом действительно тихо, но протяжно всхлипывал мальчик. Галя замерла, не зная, что делать. Хотела позвать по имени, но, к собственному стыду, не запомнила, как звали двоюродного племянника, подошла к кровати, погладила по голове и легла рядом. Мальчонка затих, прижался и вновь засопел. Галя попыталась встать, но мальчик развернулся и обнял её за шею.

Вновь вспомнился соседский мальчик, который так же тянул к Гале руки, желая поиграть. Стало стыдно и больно оттого, что сейчас уже ничего не исправишь. Нельзя стать маленькой и обнять того Кольку, но можно племянника, такого маленького и тёплого, совсем беззащитного.

Галя прижалась к нему и почувствовала, как катятся слёзы, исчезая в большой пуховой подушке.

* * *

Таисия встала рано. Лежала, глядя слепыми глазами в сумрак комнаты. Похлопала по кровати. Дуськи не было. «Вот зараза, двери-то я закрыла, ни Дуську, ни правнука не покормила», – подумала она, скидывая тяжёлые ноги с кровати. Задела за гипсованную руку и охнула. Боль растеклась по спине и застряла в районе сердца.

Будильник светил зелёными стрелками. Маленькая стрелка, заострённая на конце, замерла на семи, а большая упорно ползла дальше.

Таисия кряхтела, извивалась на кровати, пытаюсь найти положение, и сползла-таки на пол. Накинула запашной халат, попыталась по привычке завязать пояс, но бросила бестолковую затею.

Наконец выползла в коридор, а там и в ванную. Дуська стрелой выскочила из детской и тут же полезла под ноги. Таисия еле удержалась, заглянула в сумрак комнаты и пригляделась. Галька, холодная и колючая Галька, обнимала чужого мальчонку.

Таисия пошла на кухню, открыла холодильник и замерла. Чем кормить гостей? Две котлеты, молока на донце, аккуратно для кофе, и полпачки масла.

– Мама? – захныкал Фёдор, потирая от света заспанные глаза.

– Уехала мама, – нагнулась к нему Таисия и погладила по голове. – Скоро вернётся. Она дедушку искать поехала.

Федор наморщил лобик и прошептал:

– Там чужая тётя.

– Это твоя тётя, – засмеялась Таисия. – Мамки твоей сестра.

– Сестла, – повторил Фёдор и погладил крутящуюся рядом Дуську. – У другой бабушки коски нет. Только Белька.

– Белка? – удивилась Таисия. – Настоящая? И чем же вы её кормите? Орехами?

– Нет, – замотал головой Фёдор. – Она олехи не ест. Бабушка ей колм собачий покупает.

Таисия рассмеялась.

– Как бабушка твоя поживает? Чаю будешь?

Таисия принялась вспоминать, есть ли у неё чай, и полезла в навесной шкаф, откуда вывалился тонометр.

– У бабульки тоже такой, – принялся Фёдор поднимать коробку. – Она каждый день им жужжит.

– А ты каждый день у бабушки? – рассмеялась Таисия. – В сад ещё не ходишь?

– Хожу, – насупился Фёдор. – Бабушка меня забирает, а дедуска отводит.

– Какой такой дедуска?

– Митя, – удивился Фёдор. – А мать у меня непутёвая. Так бабушка говорит.

– Как это непутёвая? – села на табурет Таисия.

– Сама гуляет, а меня бабушке на хлебет посадила.

«Ерунда какая», – подумала Таисия и принялась расспрашивать правнука, но тот талдычил одно и то же.

* * *

Шурик рассказывал бородатые анекдоты и время от времени поглядывал на Женю. Она искренне смеялась, словно слышала их впервые. Переживала о сыне и то и дело спрашивала Шурика, не устал ли он.

Сон завладел мгновенно. Шурик моргнул и чуть не врезался во встречную фуру. Последняя злобно гудела и скрежетала колёсами по скользкой дороге.

– Придётся искать мотель, – виновато сообщил Шурик и уткнулся в смартфон.

– Это не страшно, главное – живы.

Галя бы раскричалась. Дважды. Сначала за фуру, потом за мотель. Она не выносила рушащихся планов. Требовала всё сразу, забывая иной раз, что вокруг неё живые люди.

Мотель оказался рядом. Домашняя кухня и номер с большой кроватью. От двух комнат они отказались: дорого, да и зачем. Оба взрослые люди.

Женя говорила открыто, не краснела на слове секс и дружески хлопала Шурика по плечу.

– В тебе я уверена, в себе тоже, а денег в обрез.

– Денег и правда лишь на бензин, – кивал Шурик.

Они поужинали пельменями и весенним салатом, поднялись в номер и, скинув тяжёлые куртки, плюхнулись прямо на покрывало. Минуты через три Шурик услышал ровное дыхание. Женя спала, а он смотрел на изгиб её тела, волосы, переливающиеся в свете полной луны, и вновь сравнивал с Галей.

Сон растворился, а настырные мысли принялись терзать его бедную голову: «Когда Галя стала другой? За что-то же он полюбил свою женщину?». Любил ещё утром, а сейчас был в себе не уверен. Шурик крутился на продавленном матрасе, отгоняя от себя сладкие мечты, и сам не заметил, как провалился в тяжёлый сон.

– Вставай, – почувствовал Шурик лёгкое похлопывание.

– Сколько времени? – спросил он, пытаясь понять, где находится.

– Девять, – ответила Женя.

– Как девять? – вскочил он.

На небольшом столике стоял поднос с завтраком: кофе, хлеб с маслом и сыром, пара варёных яиц.

– Надеюсь, у тебя нет аллергии? – уплетала Женя яйцо. – Я решила не шиковать. Сытно и по-быстрому. Рядом с мотелем магазин. Запаслась продуктами. Жаль, термоса нет.

– И яйца сварила? – не верил Шурик своим глазам.

– Нет, на них пришлось потратиться в кафе. Кофе растворимый, три в одном. Или ты чай любишь?

– Я всё люблю, – улыбнулся Шурик и, отхлебнув из пластиковой кружки, направился в ванную. – Пойду умоюсь.

Шурик посмотрел в треснутое зеркало и тихо выругался. Ещё один такой день – и к Гале он не вернётся. Дело даже не в Жене. Он вспомнил, что может быть по-другому. За суетой забыл, как это было. «Да и Женька сама хороша. Надо брать разные комнаты», – подумал он и окатил лицо ледяной водой.

Днём дело пошло быстрее. Пустая трасса с довольно сносным покрытием позволила домчаться за три часа. Женя молчала, перекидывалась редкими фразами, словно чувствовала возникшее напряжение. Попыталась говорить об отце, но слёзы давили горло.

Они пообедали бутербродами, прикупив в кофемате напитки, и принялись искать нужный двор в абсолютно чужом городишке. Два часа плутания и созвонов с женщиной, скинувшей видео с отцом, привели-таки их к заветным мусорным бакам.

На улице было холодно и пустынно. Колючий ветер проникал в старенький автомобиль и заставлял пассажиров поджимать застывшие ноги.

– Через час потемнеет, – произнёс Шурик. – Что будем делать?

– Я не знаю. Как его искать? Может, обратимся к участковому?

– Погоди.

Шурик выскочил из машины и пошёл наперерез мужчине в рваной дублёнке. Женя смотрела, как её спутник достал деньги и сунул незнакомцу. Затем помахал ей и жестом позвал к себе.

Она медленно вышла из машины. Сердце принялось стучать всё громче и громче. Ноги сделались ватными. «Неужели это отец?» – думала Женя, осторожно ступая по выглаженному ветром тротуару.

Незнакомец дождался девушку, развернулся и поплёлся в обратную от контейнеров сторону. Шурик и Женя поспешили за ним.

За пятиэтажками показался частный сектор. Незнакомец прибавил шагу, и, не оборачиваясь, закрывшись от ветра, упрямо шёл вперёд. Ухоженные домики сменились развороченными строениями. В конце улицы из низкой трубы клубился дымок. Незнакомец остановился у покосившейся калитки, поджидая Женю и Шурика.

– Тут он жил.

– К хозяевам проводишь? – спросил Шурик.

Незнакомец помялся. Только сейчас Женя увидела заплывший синевой глаз.

– Сотку накинь. Я им должен, – занял незнакомец и, получив деньги, пошёл к дому, дёрнул на себя облезлую дверь.

В нос ударил запах перегара и немых тел.

– Это к Котлете, – крикнул незнакомец и, резво развернувшись, направился к калитке.

– Кто? – слышалось из глубины дома.

– Я отца ищу, – принялась объяснять Женя. – Мне...

– Не ори, выпить есть? – зашевелилась куча тряпья на драном диване.

– Нет, – ответил Шурик.

Он стоял в проходе, и Женя не видела всей комнаты.

– Сгоняй, купи, – зашевелилась куча.

– Мы купим, – протиснулась вперёд Женя. – И выпить, и закусить. Вы нам расскажите, где найти этого мужчину?

Она, не поморщившись, села на диван и включила экран смартфона.

– Не свети, – у тряпья появилась голова с рыжей всклокоченной бородой и такой же неухоженной копной волос. – Зачем он тебе?

– Я отца ищу, – повторила Женя.

– Вона как. Не врал Котлета, действительно дочь искала. Опоздала ты.

– Как? – побледнела Женя.

– На неделю опоздала. Замёрз Котлета. Руки, что дерево, хоть чечётку бей.

Помянуть надо бы, – посмотрел рыжий на Шурика.

– Сходи, – кивнула бледная Женя.

Шурик помялся, не зная, стоит ли уходить, оставляя Женю наедине с неизвестным мужчиной.

– Я – Иваныч, – вынырнул из тряпья рыжий и протянул руку Шурику. Затем переключился на Женю. – Тут он спал. Вещей немного. Смотри. Мож, узнаешь чего.

– Сходи, помянуть надо, – пристально посмотрела Женя на Шурика, и тот согласился.

Выйдя на улицу, он встряхнулся, пытаясь сбросить с себя застоялый запах, и посмотрел на карте ближайший магазин. Шурик понимал, что они искали бомжа, а значит, нечему удивляться, но другое ему не давало покоя. Женя. Что-то было не так. Галя бы не зашла внутрь, не села бы на старый диван. Скорее вылетела пулей, сдерживая рвотный рефлекс. Шурик и сам еле дышал смрадным воздухом. Взгляд, точно взгляд, не давал ему покоя. Шурик прибавил шаг, благо небольшой павильон был рядом. Купил бутылку водки, задумался и прикупил для Жени вина. Не будет же она пить белую. Взял стаканчики, хлеба и колбасы.

Обратно почти бежал. На душе беспокойно. Всё-таки девушка одна в при-tone, а он...

В доме через открытую дверь слышались голоса.

– Котлеты любил, часто мать вспоминал.

– Хороший был человек. Земля пухом.

Шурик зашёл внутрь и оторопел. За грязным столом сидело пять человек: Иваныч, двое мужчин и непонятного возраста и опухшая от побоев дама. Женя пила из горла, передавая бутылку по кругу.

Увидев Шурика, она привычным движением протёрла стол рукавом куртки и махнула рукой:

- Выставляй. Курить взял?
- Нет, – поморщился Шурик и поставил пакет на стол.
- Выпей, – протянул ему бутылку Иваныч, но Шурик отказался.
- За рулём.
- Руль святое.

От разговоров о покойном перешли к политике. Шурик переложил чьи-то вещи с шаткого стула на диван и сел поодаль. Злость тихо кипела, но он старался себя успокоить, находя Жене одно оправдание за другим. Но, когда его вновь попытались отправить в магазин, не вытерпел. Взял Женю под руку и попрощался.

- Нам пора.
- Куда? – посмотрела стеклянными глазами Женя. – Папку поминаем.
- Ты как с женщиной обращаешься? – поднялся один из собутыльников, имя которого Шурик так и не запомнил.

Завязалась драка. Шурика вытолкнули во двор и пригрозили полицией. Ошарашенный, он стоял посреди улицы чужого города и пытался осознать произошедшее.

«Не бросать же её, в самом деле? – думал Шурик, понимая свою беспомощность. – Вот тебе и Женя: хозяйшкa, широкая душа».

Первым делом Шурик вернулся к машине. Подогнал её к дому и решил дожидаться, когда все уснут. План был прост. Вытащить спящую девушку, загрузить в машину и отвезти обратно к Таисии. Получите – распишитесь. Пусть сами решают, что делать.

Громкий стук в водительское окно вырвал его из раздумий.

– Мужик, купи телефон, – кричал шатающийся мужчина в рваном свитере на голое тело.

- Не надо, – отмахнулся Шурик.
- За пятихатку возьми, – канючил он.

Включил экран, поднеся телефон к самому стеклу, и Шурик увидел на заставке Женю.

– Давай, – показал он, что согласен, и вышел из машины.

Взял невысокого мужичка за шиворот и хорошенько потряхнул.

– Обворовать успели? Девчонка к отцу приехала.

– Она сама, – отшатнулся мужик. – Продай, говорит, выпить купи. Твоя баба, что ли? Так забери мобилу.

Шурик смотрел на маленького Федю и решил было образумить Женю ребёнком, но телефон пискнул и завибрировал. На экране высветилось «мамуся».

– Наконец-то, двадцатый раз звоню, – раздался в трубке зычный женский голос.

– Здравствуйте, – ответил Шурик и принялся сбивчиво рассказывать о происшедшем. – Я не знаю, что делать.

- Ничего, – голос осыпал Женю матом и продолжил. – Ребёнок где?
- У Таисии.

Шурик выслушал очередную порцию мата.

– Ничего не сделаешь. Неделю пить будет, потом просить денег на дорогу.

Ты-то ей кто?

– Я Галин муж.

– Так и возвращайся к Гале. Телефон прошмандовке не возвращай, пропёт. Денег не давай. Адрес мне продиктуй. Сама к ней наведаюсь.

Шурик нашёл на соседних строениях название улицы, назвал примерный номер дома и, отключившись, сел обратно в машину. Всё казалось дурным сном: и Женя, и путешествие, и пьянка в бомжатнике.

Надо было вернуться, но чувство ответственности не давало покоя. Хлопнули двери. На разбитом крыльце показалась Женя, обнимающаяся с каким-то хмырём. Он пытался снять с неё свитер, а она задорно смеялась.

Шурик сжал зубы и дал по газам. Через три часа он остановился в том же мотеле. Долго стоял в душе под струёй горячей воды, пытаясь смыть с себя собственное предательство и запах притона. Спал плохо, и с рассветом вновь сел за руль.

* * *

Галя проснулась и тихо лежала на кровати, не открывая глаз. Казалось, моргни она, и ощущение покоя разрушится. Спать уже не хотелось, но и вставать тоже. Галя прислушивалась к себе, зная, что где-то под подушкой потягивается лапками маленькое счастье. В детстве она верила, что внутри неё, там, где расходятся рёбра, живёт маленький чёрный котёнок. Он мурлычет от удовольствия и трётся своим пушистым боком о детское сердечко, если вокруг стусились серые тучи.

Сегодня ночью Галя видела своего котёнка, чувствовала его тепло и гладила взъерошенную голову. Жаль, что это был всего лишь сон. «Котёнок!» – взорвалось внутри Гали, и она вскочила с кровати, огляделась.

Зимнее солнце пыталось пробраться в окно, но постоянно скатывалось за снежную пелену. Ворох мыслей лавиной обрушился на разомлевшую Гаю: мальчонка, Шурик, Таисия, Женя, племянник, которого она приняла за котёнка, своего маленького котёнка.

Слёзы выступили в уголках глаз, и Галя чувствовала, как сжалось горло, пытаясь выдавить застарелую обиду, которая давно уже заняла место пушистого существа. Справившись с собой, Галя встала и направилась в уборную, мечтая не встретить по пути Таисию. Схватила по пути телефон и на ходу пролистала сообщения – Шурик молчал.

– Доброе утро, – поцедила сквозь зубы Галя в сторону кухни и собиралась было прошмыгнуть в совмещённый санузел, но была поймана озорными глазёнками.

– Доброе утро, сестла! – выглянул из-за угла Фёдор.

– Почему сестра? – рассмеялась Галя, вспомнив отчего-то некогда любимые «Звёздные войны».

– Бабуська сказала, ты мамина сестла, а моя тётя.

– Тётя, – поморщилась Галя. – Давай я буду сестлой.

– Давай, – улыбнулся Фёдор.

– Проснулась? – выглянула из кухни недовольная Таисия. – Морду мой и в магазин. Ребёнка кормить надо.

Галина опешила, но кивнула. Холодное приветствие привело её в чув-

ство. Где-то она уже слышала эти слова, нет, не по отдельности, а все вместе. И тон, и мальчишка. «Как же! – усмехнулась она. – Колька. Один в один». Галя вспомнила, как бегала для соседского ребёнка в магазин, как сидела с ним вместо прогулки, и таскалась, взяв за руку, по детской площадке, пока подруга флиртовала с нравившимся Гале парёнком. Всё как тогда, вот только ей уже не пятнадцать. «Или сколько же мне тогда было?» – силилась Галя вспомнить.

Хотелось послать всех к чёрту: и Таисию, и этого Федю-Коляна. Сейчас она найдёт что сказать им обоим, вот только обида поднималась всё выше, лишая голоса, рвала глаза и лезла предательскими слезами. Галя села на край ванны и разрыдалась.

– Ты чего? – заглянула к ней Таисия. – За Шурку своего переживаешь? Прекрати. Женя, конечно, девка о-го-го, не в пример тебе, а Шурик дуралей, раз такую выбрал. Сердцу не прикажешь, а оно у мужа твоего верное.

– Ты о чём, ба? – опешила Галя.

– С работы турнули? С матерью чего? – повисла на двери Таисия.

– Ты чего, ба? – вскочила Галя. – Хорошо всё. Устала немного, умоюсь и в магаз.

Галя увидела за Таисией испуганные глазёнки Фёдора и побледневшие руки, упирающиеся в уши.

– А с тобой что случилось? – присела Галя напротив Фёдора.

Маленькие глазёнки замерли, а руки порозовели. Фёдор приоткрыл одно ушко, прислушался, затем приоткрыл другое.

– Бабуська, ты не будешь сестлу бить?

– Нет, дурачок, ты чего это удумал? – сползла Таисия и заплакала.

Галя принялась успокаивать бабушку, и сама вновь разревелась. Так они и сидели на полу в коридоре, пытаясь унять общие слёзы, а Фёдор хлопал большими ресницами и не мог понять, отчего это всё случилось. Пытался и сам захлюпать носом, но принялся успокаивать обнявших его женщин.

Телефон взвизгнул сообщением, а потом разразился модненькой мелодией. Галя принялась вытирать слёзы. Звонила мать. «Если и ей не ответить, количество рыдающих увеличится, а там прибегут соседи и будут требовать денег на ремонт», – от этих мыслей Галя улыбнулась и прошептала, шмыгая красным носом:

– Пойдёмте пить чай!

Мать расспрашивала о Жене, о проведённой у Таисии ночи и о том, почему у дочери грустный голос, но Галя говорила о том, что всё хорошо, и подмигивала Фёдору.

– В магазин-то пойдёшь? – осторожно спросила Таисия.

– Одна нет, Федьку возьму. Пойдёшь?

– Пойду! – засветился от счастья Фёдор и выскочил из-за стола

Весь день они провели вместе. Сначала бродили по пустому в утренние часы супермаркету и выбирали продукты. Фёдор то и дело останавливался и хлопал глазами, словно никогда не бродил между высоких стеллажей. Подолгу выбирал мороженое, которое они потом вместе ели прямо на скамейке возле подъезда, потом играли в снежки, помогли готовить котлеты: крутили фарш

под строгим взглядом Таисии Петровны, формировали мясные пирожочки и кормили Дуську. После обеда они читали книжку, спали в обнимку, играли в старые дедовские машинки.

Только вечером Галя вспомнила о Шурике, но так и не решилась написать. Усталость сморила и её, едва Фёдор засопел под большим ватным одеялом.

Следующим утром Галя сама хозяйничала на кухне. Внимала замечаниям бабушки и удивлялась собственным метаморфозам. Звонила мать. Осторожно интересовалась делами и отключалась.

Шурик прибыл в обед и тут же попал в ловушку женских расспросов. Уверенно лгал про то, как устроил Женю в хостел, как они искали вместе, но не нашли сына Таисии Петровны, как его вызвали на работу, а внучка осталась искать дальше. Благо репетировал всю дорогу, и не прокололся, не сбился. Виногато поглядывал на Галю, хлопотавшую на кухне, и с удивлением заметил, как быстро жена подружилась с Фёдором.

Решено было пожить у Таисии. Дождавшись, пока все уснут, Шурик поведал Гале о своих злоключениях.

– Надо мальчишку спасти, – прошептала она. – Знаешь, как он вчера плакал?

– Кто?

– Да Федя. С такой мамашей-то.

– Вот в том-то и дело. Нагуляла, – поморщился Шурик. – И кто знает, какие там гены?

– Детские, – ответила Галя и отвернулась.

Неделю Шурик не находил себе места: переживал и за Женю, и за Таисию, и за Галю. Слишком уж она привязалась к мальцу. «Хороший парень», – думал он, глядя на то, как жена играет с племянником, но, прокручивая в памяти поездку, вздыхал и хотел лишь одного – забыть и то, как сам был готов на измену, и опустившуюся Женю. Боялся расспросов, которые так или иначе будут, но Таисия молчала, словно не было ни Жени, ни поездки.

За месяц все пообвыкли, притёрлись.

Таисия не находила места. Смотрела на внучку и Шурика исподтишка. Боялась. Знала, скрывают что-то, но что? «Пока нет плохих вестей, все здоровы», – повторяла она и не лезла с вопросами. Давно Таисия мечтала о семье. Вот они рядом, все на глазах. Днём следила за правнуком, вечером с ним занималась Галя. Лишь ожидание горя, скрытое под маской спокойствия, становилось сильнее.

Таисия не удивилась звонку, позднему и тревожному. В дверях стояла постаревшая невестка и чёрная, исхудавшая Жена.

– Сына верни, – просипела она.

– Пройди, негоже на пороге, – отошла Таисия в сторону.

В коридор выглянул Фёдор и спрятался за угол. Бросился к Гале.

– Там мамка и бабка, бить будут, – затрясся он.

– Не будут, – побледнела Галя. – Ты с нами останешься.

– Она мать, – встал с дивана Шурик, понимая, что сейчас разразится скандал.

Вышел в коридор и нарочито громко поздоровался с поздними гостями.

– Некогда нам проходить, – ответила Юля. – Бросил девку в притоне, а теперь проходите.

– В каком притоне? – посмотрела на Шурика Таисия, а затем обратилась к Жене. – Девочка, ты же отца поехала искать. Нашла?

– Сдох папаня, не успела она, но напоминокалась так, что чуть трусы не пропила. Вся в твоего сына-алкоголика.

Затрещина обрушилась на голову Жени. Юля вошла в раж и принялась колотить дочь. Таисия покачнулась и побледнела. Сзади раздался плач Фёдора и крики Гали.

– Прекратите! Вы пугаете Федю.

– Кто умер? Когда? – смотрела на Шурика Таисия.

– Галюсь, бабуся подхвати, я с этими шаболдами разберусь, – позвал жену Шурик и вытолкнул за двери дерущихся женщин. – Сунетесь, я ментов и опеку приглашу. Пусть они разбираются.

В тот же вечер Таисия слегла и уже не вставала. Через три дня она умерла.

Галя крутила фарш и вытирала слёзы. «Бабушка любила котлеты», – думала она, то и дело бегая к туалету. Ранний токсикоз и внезапная смерть бабушки лишали сил, но она упорно стояла у старенькой мясорубки, словно старалась измолоть и старые обиды, и собственную глупость, кидая время от времени Дуське мясные кусочки. В углу кухни пищали ещё слепые котята.

Ирина БЕЛЫШЕВА

НАШЕГО ПРОЩАНЬЯ СИЛУЭТЫ

СЕНТЯБРЬ

Каждый пятый листок облетел,
но четыре – вовсю зеленели,
тот сентябрь приходить не хотел,
только птицы давно уж не пели...
А назавтра берёз не узнать –
в жёлтых платьях стоят полукругом...
Я грущу тем берёзам под стать,
расплетающим пряди друг другу.
Всё прошло: дымный яблони цвет
и черёмухи пышной кипенье...
Плод надкушен, развёрнут сюжет –
было всё, так о чём сожаленье?
Почему мы грустим о былом?
Жизнь щедра, если сам не скупишься!
Бог с тобой...
И тогда, и потом,
повторишься ещё,
повторишься!

ЛЕТО СГУСТИЛОСЬ

Лето сгустилось,
в глазах отразилось
охрой, опалом
и юрским вином,
сгрудилось, ссыпалось
и уместилось
в парке заброшенном,
в сквере одном.
листья и птицы
в смешенье усталом
водят за ветром
слепой хоровод,

осень по графику,
только вот лето
хочет уйти –
и никак не уйдёт.

ЛЕТНИЙ ОТГОЛОСОК

Осень – летний отголосок!
Лето было! Как не быть!
Бродит по последним росам
Осень. Не даёт забыть
Лета жаркого прохлады,
Лета мокрого дожди
И туманные преграды –
Непролазные пути...
Здесь рябинка, там морошка,
Поодаль грибов немножко,
Разнотравье, колоски –
Ни хандры вам, ни тоски!
Забавляйся, набирайся,
Спелым скарбом запасайся!
Всем, когда придёт зима,
Пригодятся закрома!
Пригодится память лета,
Всё, чем были мы согреты.
Пусть зима кругом метёт,
Не достанет сердце лёд!

ПЛЮЩ

Осень, махнув на прощанье плащом,
ткнула зонтом в кропотливую тучу,
чуть восхитилась цветастым плющом –
вечнозелёной лианой ползучей,

ивой плакучей, калиткой скрипучей,
лужей зыбучей, скукой тягучей,
тайною жгучей, речью певучей,
печкой трескучей, страстью дремучей...

Крутят Двенадцать судьбы колесо,
времени власть умножая пространством.

Не упадёт ни один волосок –
все перемены грешат постоянством.

ОСТЫВАНИЕ СЕРДЕЦ

Осень, замирание природы,
Осень, остывание сердец,
Шумный вдох на долгие полгода,
Вдох всей плотью, будто под конец
Целой жизни маленького лета.
Кончен бал.
Пора на перестой.
Нашего прощанья силуэты
Не удержат осени,
Постой!
Не входи, побудь за тем порогом,
Где секут ветра и бьют дожди.
Задержись ещё, хотя б немного.
Ты успеешь.
Осень, подожди...
Осень, осень, мачеха ты наша,
Бабье лето в гости позови,
От гостеприимства станешь краше,
Пусть костёр рябиновый горит.

ОДНАЖДЫ

Однажды проснёшься от боли сердечной
и рыться не станешь в коробке аптечной.
Смирения полон и лёгкой тревоги:
дойдут ли до двери ослабшие ноги...
Замки бы открыть,
распахнуть бы окошки,
и утро испить,
что осталось, – немножко,
припомнить, что все переделал дела,
и ту, что когда-то тебя родила.
Накроет туманом экстаз умиления,
и вечность затянет в своё измеренье...

ТЫ ВЕДЬ ПТИЦА

Час до листопада моей жизни...
Символ странствий – журавлей косяк.
Тело невесомо – только мысли,
и пространства бешеный сквозняк.

Так душа, свободная, как птица,
встанет в клин в какой-нибудь из дней,
или взмлет, точно голубица,
и земля покажется родней...

Только к ней не сможешь возвратиться
из далёких сфер, увы, никак...
Ты ведь птица, рядом только птицы,
и пространства бешеный сквозняк.

Татьяна АМОСОВА

Я ЛУЧ ВСТРЕЧАЮ ЗОЛОТОЙ

* * *

Душа моя –
многоэтажный дом,
и в нём
на каждом этаже
живут

иль не живут уже...

И в гулких комнатах пустых
печали пыль,
обрывки связей,
мусор слов,
тень счастья и клубки обид.
Душа саднит...

ВЯЗАНОЕ СЧАСТЬЕ

Здоровье не купишь,
любовь не заслужишь,
покоя нигде не сыскать.
Возьму-ка я спицы,
куплю себе пряжи –
попробую счастье связать.
Покоя не зная, вяжу в уголочке –
я денно и ночью тружусь,
и, петли считая, рядок за рядочком
счастливым узор вывожу.
И тянется нитка, петля за петлёю,
узор мой – на радость глазам!
Из шёлковой пряжи, цветной и весёлой,
лучистое счастье создам.
Придут ко мне гости, достану вязанье,
узором своим похвалюсь,
и, если у гостя возникнет желание, –
я счастьем легко поделюсь!
Я пряжу в тугие клубочки мотаю,
за тонкою ниткою тянется мысль
виток за витком – и я вдруг понимаю:
смоталась в клубочки вся прошлая жизнь...

* * *

Стучат колёса, поезд жизни мчится
И с каждым годом ускоряет ход.
Фортуна – разбитная проводница –
Нам шансы, как постели, раздаёт.
Вагоны разноцветные мелькают,
Уклад дорожный погружает в сон...
Из полусна внезапно возникает
Сначала детства солнечный вагон,
За ним качается вагон зелёный,
Где каждый пассажир – влюблённый,
Всё радужно и безмятежно
В вагоне свадеб белоснежном.
И мчит сквозь время и зимой, и летом
Вагон надежды голубого цвета.
Цветных вагонов замыкает ряд
Скрипуч, тяжёл и сер вагон утрат.
За ним – вагон забот бесцветный,
И – пуст пока – вагон последний...
Леса мелькают, полустанки, лица,
Стучат колёса, поезд жизни мчится:
СВ, купе, вагон плацкартный...
И не возьмёшь билет обратный.
О, сколько в наших поездах вагонов,
Коротеньких и длинных перегонов!..

* * *

Ах, эта птица за окном
о чём поёт, меня тревожа?
Мне счастье новое ворожит,
печалится ли о былом?
Я благодарна птице той
(как выглядит она, не знаю),
Но, звонкой песенке внимая,
я луч встречаю золотой.
И вспоминаю давний год
в глухой таёжной деревушке,
где за деревней на опушке
встречали мы с отцом восход:
ходили слушать птичье пенье.
Мне, шестилетке, невдомёк,
что это первый был урок
родной природой восхищенья.

Деревня спит, а мы вдвоём,
и с нами наш щенок пушистый,
обратно по траве росистой
идём в наш тёплый сонный дом...
Спасибо, городская птица!
Под щебетание твоё
припомнила родные лица
и детство давнее своё.

ОСЕНЬ В УДОМЛЕ

Цыганка-осень в юбках разноцветных
манит меня в кленовые аллеи,
залитые сентябрьским солнцем,
на позолоченных гадает листьях.
С наивной простотой охотно верю
нехитрому осеннему гаданью,
отчётливо при этом понимая, –
обманет осень...
Берёзы тихо осыпают медью
газоны с разомлевшими котами,
которых вовсе не тревожит
стук падающих перезревших яблок.
Вдыхая яблок аромат,
любуюсь на ажур кленовый
и предаюсь неспешным размышленьям:
пришла моя осенняя пора...
Но рядом топает подросший внук,
а я качу коляску с внучкой
и растворяюсь в тихом счастье!

Сергей ДЮСЕНБАЕВ

**ПРИДИ КО МНЕ,
МУДРОСТЬ УСТАЛАЯ...**

* * *

Когда б меня спросили:
– Что Родина тебе?
Не стал бы торопиться
Конкретный дать ответ.
Ведь это не задача
Из алгебры сухой.
Ответил бы иначе,
Встряхнувши головой:
– Да просто туда тянет,
Там мать ещё живёт.
И оживает память,
И в детство нас ведёт.
Уж там другие люди,
Уж там друзья стары...
Но сердце не забудет
Прекрасной той поры,
Когда ещё ВСЁ чисто!
Когда всегда – светло!
...И мама близко-близко,
И дом, где так тепло.

* * *

Приди ко мне, Мудрость усталая,
И... рядышком посиди,
Чтоб легче и проще мне стало бы
По этой дороге идти.

Заверь меня в том, что останется
В моей борозде тёплый след.
И сможет наследник упрямыстый
По ней выйти ночью на свет.

Закрой мне глаза на вредителей,
Которые рядом пройдут...
Открой образа покровителей,
Я им помолюсь, как смогу.

АННЕ

Ты держишь в руках осторожных
Бесценный и хрупкий сосуд,
Который не всем и, возможно,
Лишь только на небе дают!

А в этом сосуде – три сердца:
Моё и двух наших детей.
Сосуд этот Счастьем зовётся,
Гляди же, его не разбей!

Ты – Ангел небесный – я знаю:
Мне страшно с тобой повезло.
И если б не ты, не гадаю,
Куда бы меня занесло!

Но то, что мне точно известно,
Так это – всегда и везде:
Мы вместе, Мы вместе, Мы вместе!
Спасибо, мой Ангел, тебе.

* * *

Наверно, жду я время светлое,
Когда мне будет всё – легко!
Когда желания заветные
Не будут хмурить мне чело.

А что в желаниях этих кроется?
Задумаюсь с ответом вмиг,
Мой список мал, сказать по совести.
Туман в желаниях моих.

И как в тумане – всё по ощупи,
Тянусь неверною рукой
Туда, где сразу станет проще мне
Понять: ну кто же я такой?

Когда найду ответ единственный,
Вернусь к началу всех начал,
Боюсь увидеть путь бессмысленный,
Которым я по жизни мчал.

СУДЬБА

Усталая Судьба сидит на берегу.
Уж ничего не ждёт и ни во что не верит.
А волны, как года, без устали бегут,
Да манит иногда туманами тот берег.

Как хорошо, что здесь не нужно говорить,
Кому-то отвечать, или чего-то делать.
Лишь лёгкий ветерок травую зашуршит,
И рябью на воде проявится несмелой.

Он грустный оттого, что, столько лет прожив,
Почти что ничего в самом себе не понял.
Как на ладони жизнь ушедшая лежит,
И нет в ней ничего, о чём с улыбкой вспомнить.

Нет! Было! Но давно – когда бродили сны,
И мысли, и мечты о чём-то НАСТОЯЩЕМ.
В глазах его тогда небесно-голубых
Горел огонь любви, волнующий, пьянящий!

А всё пошло не так, как думалось ему...
Мы все идём туда, куда ведёт дорога.
И что там впереди? Не видно никому,
И некого спросить... ну разве что у Бога?

Но слёз не увидеть на выбритых щеках,
Морщины борозда – итог страданий сильных.
И смотрят, смотрят вдаль усталые глаза,
И цвет теперь у них не голубой, а синий....

Галина Аляева

КОРМИЛЕЦ

Мария устала бояться, вздрагивать от ненавистной речи и видеть голодные глазёнки детей.

Фриц повадился к ним. Жили немцы в клубе, от бани, что стала для обширного семейства Марии домом, не близко, но дней десять назад окаянные искали кого-то, ввалились и к ним, автоматы наизготовку, спрашивают что-то по-своему. Она попыталась детей и младшую сестру спрятать за спиной, да разве поместятся все. Дуня шагнула вперёд, она её за руку схватила и за себя толкает. Немец, что помоложе, на Дуню вылупился. Мария тогда подумала: «Всё, сестрёнку теперь не спасти». Который постарше, на детей посмотрел и автомат опустил. Ясно ему стало – в бане всё на виду, не спрячешься. Забарабил на своём. Она только и поняла: «Фрау», к ней, значит, обращается. Потом спрашивать начал, она догадалась – детьми интересуется.

– Мои они, все мои киндер, – подтвердила.

– Хорошо, matka, хорошо, – похвалил её немец.

Ушли. Через два дня явился. Фото тычет: смотри. У этого ирода, оказывается, три сына и девочка. Скучает он. На киндер хочется посмотреть.

«Так бы и удушила!» – подумала Мария, а сама, улыбаясь, единственный табурет протёрла и подала.

В бане душно, немец верхнюю пуговицу на кителе расстегнул, закурил и Ольгу пальцем поманил: «Ком, ком». Четыре годика ей всего, она в материнский подол вцепилась, глаза полные слёз. Немец заулыбался, из нагрудного кармана достал плитку шоколада и протянул. Ольга только крепче ухватилась за мать. Немец перестал улыбаться и строго произнёс: «Братъ». Мария подтолкнула дочь, и когда шоколадка оказалась в руках ребёнка, сама поклонилась и Ольгу заставила. Немец посидел и ушёл. Так и стал то раз в неделю, то два приходить, шоколадом больше не угощал. Молча посидит, папироску выкурит и уходит.

Устала Мария видеть голодные глаза детей. Понимала: опускать руки нельзя, но ничего с собой поделат не могла, словно кто-то за горло схватил и душит. Не железная она, мочи никакой не осталось, и помощи ни от кого нет.

Мария безвольно сидела на лавке, низко опустив голову.

– Мама, мам. Посмотри, что принёс, – девятилетний Витя протягивал клубни картошки.

Мария не реагировала.

– Марусь, ты только глянь, что Витя раздобыл, – засуетилась мама Марии.

– Внучек, где взял такую роскошь?

Мария не пошевелилась.

– Марусь, ты, часом, не заболела? – она тяжело приблизилась к дочери.

С каждым днём семидесятилетняя Мария Ивановна слабела. На улицу уже не выходила, всё больше лежала или сидела на узкой лавке.

– Маруся, хоть слово скажи, – попросила она и ласково провела шершавой ладонью по руке дочери.

Та протяжно вздохнула и подняла глаза на Марию Ивановну: «Что, мама?».

– Маруся, посмотри на стол.

При виде ровных продолговатых клубней осунувшееся лицо Марии осветилось улыбкой, но поверить в такое чудо она не могла, поэтому спросила:

– Сынок, что это?

– Картошка, – горделиво сказал мальчик, – у меня ещё есть.

Он расстегнул большую, не по размеру, телогрейку. Женщины увидели голенькую грудь мальчика и привязанную к животу, как торбочка, рубашку. Мальчик аккуратно скинул телогрейку, повернулся спиной и попросил:

– Мам, развяжи.

Мария трясущимися руками развязывала узел, бабушка, прижав руки к своим щекам, раскачиваясь, причитала:

– Кто же это так сподобился. Смотри от узла прямо вмятина. Родненький, как же тебе больно. – Её голос, пронизанный жалостью и сочувствием, мог согреть десяток обездоленных.

– Не, не больно, специально Кольке сказал – крепче затягивай, чтобы по дороге не развязалась.

Мария начала считать: «Раз, два, три...».

Мальчик знал, сколько картофелин, но говорить не стал. Пусть мама сама посчитает, он и больше бы взял, рубашка маленькая.

Мария досчитала:

– Двенадцать. Каждому по одной и на суп останется.

– Да, правильно, нужно суп сварить, – сказал Витя, и добавил: Давно мы, мать, супа не едали.

Протянул ладошку. Горох! Настоящий горох! Правда, наполовину с землёй.

От этих слов «Давно мы, мать, супа не едали» (так любил говорить отец Виктора Алексей, когда садился обедать), от нескольких горошин в детской ручонке на душе Марии стало и радостно, и горько, так бывает всё сразу: и боль, и счастье. Слёзы заблестели на её измученном лице.

Она не позволила себе проронить слезинку, когда провожала мужа на фронт, когда хоронила свёкра со свекровью – не в могилу, а просто постояла на месте их дома, сторевшего от прямого попадания бомбы. Когда изверги пришли, выгнали их из своего дома, и она, четверо детей, две сестры и престарелая мать скитались из деревни в деревню в поисках жилья. Когда сердобольная селянка разрешила жить в заброшенной бане, не плакала. Не разрешала себе, а сейчас заревела.

Следом заплакал маленький Алёша и младшая сестра Наташа, в детстве переболевшая менингитом и в шестнадцать лет бывшая как четырёхлетний ребёнок.

Витя, испугавшись маминых слёз, обнял её и стал гладить ладошкой по волосам: «Мамочка, не плачь. Не плачь». От нежных прикосновений сына она заплакала горче. Бабушка тоже начала хлюпать носом и, как обычно, причитать:

– Вылитый отец, вылитый отец.

Мария обняла хрупкую фигурку:

– Сынок, кормилец ты наш.

Мальчик довольно заулыбался.

Бабушка подтвердила:

– Кормилец.

Наташа обняла мальчика сзади и повторила:

– Кормилец ты наш.

Мария принялась мыть горох, из карманов телогрейки его набралось половина кружки.

– Откуда такое богатство? – спросила она сына.

– Со склада на станции.

– Как со склада?

От деревни до станции почти пять километров.

– Вот, оказывается, что, а я смотрю – был во дворе и нету, – с осуждением сказала Дуня, растапливая печь.

– Колька с неделю как ходить стал. Я спросил, куда и зачем, он отмахнулся.

Конечно, что он будет со мной разговаривать – ему почти тринадцать. А тут предложил: «Пойдём со мной». Спрашиваю: «Зачем?» – он: «Там увидишь». Я ему: «Не пойду так. Мне рисковать нельзя. Я один в семье мужик».

Женщины переглянулись, Дуня чуть слышно хихикнула, сестра строго посмотрела, и та посерьёзнела. Витя, заметив переглядки взрослых, насупилсь, но Мария мягко попросила: «Сынок, рассказывай», – и он продолжил:

– Там склады, поезда приходят, наши военнопленные разгружают. Колька видел – обмундирование, ящики с патронами. Третьего дня коров грузили в вагоны. Целое стадо, овцы, козы. Чуть в стороне деревянные склады, туда свозят картошку, зерно. Наберут много и в Германию отправят. Вот Колька и ходил туда пожить.

– Так опасно же, – предположила бабушка.

– Конечно, опасно, – согласился Витя, – а делать что? У него тоже сестрёнка и брат. Правда, они местные. Кое-какой запас припрятанный имеется. Только когда наши придут, никто не знает.

«Совсем взрослым стал», – подумала Мария. Вода в чугушке для супа закипала, сейчас она бросит туда горох, потом картошку, и будет у них пир.

Между тем Витя продолжал свой рассказ.

– Колька не зря лазил. В склад войти можно только через дверь, или подкоп сделать. Долго и опасно. Один склад кирпичный, новый, с окнами, не знаю для чего.

– Чтобы проветривать, – подсказала Дуня.

– Ну, может, так. Окна забиты, а в одном доска шаталась, он туда-сюда её, и юрк на склад. Там зерна полным-полно. Он сначала вот как я, в рубашке принёс, потом два раза с мешком ходил. Наберёт и к себе привяжет.

– В руках почему не нёс? – спросила бабушка.

– Баб, вы что? А полицаи? Они ж лютые. Начнут проверять. Откуда зерно? В комендатуру отведут, там и расстреляют. А так идёт пустой, ну, толще стал. Кто знает, может, он такой. Вчера приходит: окно забито. Стал искать другое,

нашёл, только лаз маленький. Не пролезть ему. Меня и позвал. Я и то еле пролез.

– Сынок, не боязно было?

Витя сначала хотел сказать: «Не боязно», но потом сообразил:

– Струхнул немного. Мыши там, – он развёл руки, – вот такие, и хвосты у них длинные.

– Не мыши, крысы, – подсказала Мария.

– Наверное. Они меня увидели – и в разные стороны, некоторые, знаешь, мам, остались.

– Они такие, никого не боятся, – сказала бабушка, – могут и броситься.

– Как же немцы? Неужто их там нет?

– Везде они, кто разгружает, кто так ходит, охранники. И наши – пленные были.

– Как же вы?

– Мы подождали, когда у них обед, и потом на этом складе они сегодня ничего не делали. Вчера, Колька сказал, с него грузили, оставались мешки с горохом. Немного, он и думал набрать гороха. Указал, в каком углу. Я залез, оказалось, мешки вывезли, а в угол картошки насыпали. Я сначала себе набрал. Колька говорил – ему, я не стал. Свою рубаху передал. Потом его мешок, и сам назад. Страшнее было, когда рубаху привязывал. Долго не получалось. Картошка всё вываливалась, потом ничего. Никто нас не остановил. Завтра, Колька сказал, опять пойдём. Мам, мне бы мешок какой.

– Хорошо, сынок, – согласилась Мария, про себя же подумала: «Не пущу!».

Мария решила сварить только суп, картошку оставить на завтра, но потом передумала – пусть сегодня поедят, не вволю, но хоть чуточку. Себе оставила на доньшке, и самый маленький клубень. Мария Ивановна увидела и, строго поглядывая, протянула свою долю. Когда та начала отказываться, чтобы дети не слышали, сказала:

– Не дури, мне и этого хватит. Ты ешь. Ради детей ешь.

Когда младшие дети и сестра Наташа утомонились, Мария попросила старшую дочь:

– Сходи к бабушке Фёкле, – это была хозяйка бани, в которой они жили, – попроси иголку, может, и нитки есть. Скажи, завтра дров ей напилим и наколем.

– Шить-то из чего? – спросила её Дуня.

– Не знаю, – чистосердечно призналась Мария. Не было у них ни одной не то чтобы холстины, тряпочки малой. – К Фёкле Сергеевне на поклон пойду.

– Не даст, или допытываться начнёт – зачем.

– Голь перекатную что допытываться, так видно.

– Отпустишь Витю? – зашептала сестра.

Мария так же тихо ответила:

– Делать-то что?..

Владимир Соловьёв

ФРОЛУ – ФРОЛОВО

Из советской прессы 80-х годов: «В одном из магаданских ресторанов насмерть схлестнулись, избивая друг друга в кровь, два старика. Когда их разнял и задержал подоспевший милицейский наряд, то выяснилось, что один из них в прежние, сталинские времена был лагерным заключённым, а другой – вохровцем, зверствующим в лагере охранником».

По утрам на чердаке ворковали голуби. Деда это злило. Болела голова, болело сердце и всё тело. Фрол понимал, что скоро конец, но уходить ему не хотелось. Время от времени, словно проваливаясь в забытьё, он вспоминал кусками свою жизнь. То, что врезалось наиболее ярко и осталось в памяти навсегда. А вспомнить ему было что. И это «что» светлым и радостным совсем даже не являлось, а иногда оно было и просто страшным...

Выросший в сельской нищете сибирской глубинки, он с детства мечтал лишь наестся до отвала и отоспаться в тепле. Малышни в крестьянской семье было много – кроме него ещё семеро. И, как ни старались отец с матерью, выбиться из бедности они не могли. На ранние года Фрола пришлась Гражданская война со всеми её тяготами и лишениями. Лет с пяти родители уже заставляли его трудиться, как, впрочем, и всю многочисленную семейную ребятню. Труд он не любил. Но вынужден был подчиняться, чтобы не быть побитым. Рыжий и конопатый, он являлся объектом насмешек сверстников, а порой и их издевательств над собой. В споре добра и зла, происходившем в его маленькой головёнке, постоянно побеждало последнее. Поэтому в нём оформилась лишь одна и главная истина: все люди звери и с ними можно вести себя лишь по-звериному. Правда, он был крещёным, а в их домишке, в комнатёнке, в правом от входа углу, висела икона с ликом Иисуса Христа, внимательно смотрящего на людей. Как говорила детишкам частенько мать:

– Бог, он всевидящ... сделаешь зло – покарает!

И Фрол не раз пытался проверить материнские слова. Сделает какую-нибудь гадость и ждёт кары. Но ничего серьёзного не происходит.

– Ну, значит, боженька ничего не видит, а может, его и вовсе нет, – заключал про себя пацан.

Всей семьёй они частенько ходили в деревенский храм, где церковный батюшка Тихон своими проповедями пытался учить прихожан христианским заповедям, в которых сквозило добро. Но во все увещевания и наказания святого отца Фрол просто не верил. А тут ещё по стране началась атеистическая кампания большевиков с их открытыми гонениями на церковь. Старенький деревенский храм закрыли, а батюшку Тихона арестовали и отправили в ла-

герь. Мальчишка Фрол не жалел батюшку, как другие сельчане. «Ну, туда ему и дорога!» – думал он.

Фроловское детство легло на начало тридцатых. Тогда по стране покатились волны сталинской коллективизации с насильственным созданием колхозов, раскулачиванием зажиточного крестьянства (грамотного и умевшего результативно трудиться), с обобществлением его имущества, ссылками и преследованиями людей без особого разбора. Множество лиц и несогласных, и согласных с большевистской политикой пострадало в те годы. Суть происходящего хорошо соотносилась с известной формулировкой: «Лес рубят – щепки летят!». Только рубили не лес, а людей. Уничтожались прежде независимые российские хлеборобы. И всё это происходило на глазах у деревенского пацана, прочно впечатываясь в его сознание.

Время фроловской юности – середина тридцатых – пришлось на развёртывание уже совершенно открытого и масштабного террора власти против народных масс. Так называемые «чистки» проводились под лозунгом о «всё возрастающей классовой борьбе» в стране, якобы обострившейся в связи с построением в ней основ социализма. Это были годы широкого выявления «врагов народа», годы всеобщей подозрительности и «стукачества», годы доносов и разоблачений, годы открытых политических процессов в центре страны, годы осуждения людей не судами, а так называемыми «тройками». О врагах народа кричали все советские газеты, убеждавшие читавших их «сурово карать приспешников империализма», требовавшие от населения страны усиления бдительности по принципу: «если ваш сосед ни в чём предосудительном не замечен, приглядитесь повнимательнее, возможно, это хорошо скрытый враг».

Естественно, не обошли все эти изгибы «сталинщины» стороной и их села, и их колхоза, и той сельской школы, где учился продолжающий формировать своё сознание Фрол. Благо, он с семьёй, своими братьями и сёстрами относился к деревенской бедноте, которая ни в чём контрреволюционном заподозрена быть просто не могла. Но некоторых из его одноклассников и их родителей, да и других сельчан, это очень даже коснулось. А Фрол, наблюдая все эти аресты и преследования, втайне даже радовался происходящему. «Так им и надо, этим богатеньким гадам, этим «врагам народа!» – заключал он. Учился он в сельской школе «так себе», и то лишь потому, что заставляли: как-никак «всеобуч». Пионером не был, в комсомольское движение не рвался и презирал добровольцев. Свободное время проводил, картёжничая с такими же, как он, дружками, которых и было-то наперечёт. Впрочем, их он тоже не жаловал. Окончание сельской семилетки у Фрола совпало с печально известным тридцать седьмым годом. И именно тогда разыграло в нём желание. В отличие от многих других парней с девушками он не дружил. На танцы в клуб не стремился и в провожатые не набивался. Но желание брало своё. И вот однажды он подкараулил вечером свою соседку Глашу и взял её силой. После чего всячески пытался её запугать, чтобы та «молчала в тряпочку». Она и вправду никому ничего не рассказала, но («дура!») взяла и «наложила на себя руки». Родители девочки подняли тревогу. Приехал милиционер и началось следствие. Прямых улик против Фрола не было, но были основания подозревать именно

его. И тут он понял, что единственным спасением от кары за совершённое им может стать лишь добровольный уход в армию, а скорее, бегство. Ситуация благоволила: в свои семнадцать выглядел он уже вполне по-взрослому, а в соседнем селе был открыт пункт по набору мужиков в лагерную охрану. Лагерь в конце 30-х прорастали по стране, как грибы после дождя. И Фрол, собрав нехитрые пожитки и не попрощавшись с родными, исчез из деревни.

Вербовщики встретили его приветливо. Быстро «оформили», и с набранной командой отправили в один из магаданских лагерей. Качаясь в такт движения теплушки, под стук вагонных колёс, Фрол радостно размышлял, как легко вывернулся из опасной ситуации. А ведь мог бы и сесть, и надолго. Девчонку ему совсем не было жалко. А чего её жалеть, ведь бабы для того и созданы – бери не хочу! И в голове он с наслаждением прокручивал все детали насилия...

Лагерь, куда Фрол попал охранником, выглядел для тридцатых годов вполне стандартно и жил своей обычной жизнью. Бараки, окружённые колючкой, сторожевые вышки, лагерный плац, здание руководства и казарма. Зэков регулярно выводили под конвоем на работы в шахты, где накалывалась порода, которую затем подьёмниками отправляли наверх, а там из неё «мылось» золото. Золото было необходимо «народной власти» для ускоренного строительства социализма по ходу сталинских пятилеток. Именно об этом кричал развёрнутый над сценой лозунг, нарисованный на кумаче в неказистом лагерьном клубе.

Кормили зэков впроголодь. Труд был тяжёлый. А скученность в бараках и вшивость заключённых, постоянно болевших, вели к высокой их смертности. Но лагерное начальство по этому поводу совсем даже не печалилось – на место умерших власть «направляла» всё новых и новых. К тому же часть зэков прибывала в лагерь со статьёй «десять лет без права переписки». А это означало, что по поступлении в места заключения их в течение месяца надлежало ликвидировать, то есть попросту расстрелять...

Дед Фрол вновь очнулся словно от тяжкого сна. Некоторое время полежав с закрытыми глазами, поднял тяжёлые веки и взглянул в окно, что было рядом с кроватью. Там сиренью цвела весна. А с улицы доносились весёлые молодые голоса. Ишь разорались! В нём росла тяжкая злость. Вот он доживает своё, а мир-то остаётся, продолжая радоваться жизни. И до него никому нет дела. А почему? Наследников-то у него – никого. Не нажил. Да кому они нужны, эти наследники! Плодить щенят? Семья? Дважды он сходил с бабами, когда был помоложе. Но они его быстро бросали. Трезвым-то он был ничего, иногда даже ластился. Но, когда выпивал, прорастало нутро – жестоко насиловал их и избивал. Что такое любовь, он не знал, не понимал, да и не верил во всё это...

Фрол застонал от очередного прилива боли. Но теперь мысли, вертевши-ся в его больной голове, развернулись в другую сторону. Эх! Золотишко-то, накопленное на Колыме, он так и не реализовал! Закопано оно в подполье. Кровушка на нём... Ну и пускай лучше не достанется никому! Пусть уйдёт со мной.

А голуби, свившие по весне на чердаке его домишка гнездо, ворковали всё громче. Свернуть бы им шеи, думал дед. Да боюсь, что не долезу туда. Нет сил. Шибко уж слаб.

Магаданский край большой. Золотых приисков в нём множество. Много и исправительно-трудовых лагерей. Лагерь, в который Фрол попал вохровцем, мало чем отличался от остальных. Охранники отбывали вахту, ели, пили водку, отсыпались, вновь заступали на дежурство. «Специнструктора» обучали их владению оружием (в основном это были карабины и наганы), его обслуживанию, то есть чистке, разборке и сборке. Инструктировали по «правильному» обращению с заключёнными, в том числе и их избиванию. А один из вохровцев, будучи бывшим боксёром, объяснял прямо на зэках, что такое правильно поставленный удар в челюсть – хук: чтобы с одного «маха» и с ног долой. Покажет на одном и требует, чтобы «ученик» повторил то же самое, но уже на другом зэке.

Одевали и кормили охрану хорошо, согласно довольствию. Развлечений особенных не было, разве что расстрелы! Но это, как говорится, «на любителя». Фрол сразу «предложил» сам. Попробовал, понравилось. На вечерней проверке зэков из общего строя вызывали по номерам. Вроде как для отправки в карцер за какую-нибудь провинность. Но часть из них назад в барак уже не возвращалась. Ранним утром их уводила подальше от лагеря расстрельная команда. Там их выстраивали перед обрывом в какой-нибудь овраг, или перед большой, заранее вырытой ямой в шеренгу лицом к команде. Потом начальник зачитывал зэкам приговор суда: «Именем Союза ССР по статьям таким-то приговариваются к высшей мере наказания через расстрел...». Почти никто из убиваемых не сопротивлялся. Все они к этому моменту были уже лишены воли, просто подавлены. Те же, кто оказывался поматерее, могли, правда, ещё крикнуть: «Да здравствует товарищ Сталин!». Или: «Да здравствует наша Советская Родина!». Наивно думали, что это поможет им сохранить жизнь... Не помогало. Одни палачи ставили приговорённых на колени к себе спиной, а другие стреляли им в затылок из наганов метров с двух, чтобы брызнувшая кровь не марала форму охранников. Расстрелянных, в большинстве своём убитых ни за что, закапывали в безымянной могиле уже другие зэки. Обычно расстрельной команде выдавалась двойная норма водки, чтобы «снимать стресс».

Фролу нравилась такая служба. А что! Жратва и выпивон в избытке. Начальство особо не «кантует». К тому же он и сам начинал чувствовать себя немного начальником, человеком, от которого зависят судьбы и жизни этих никчёмных людишек. Поначалу он даже и не вглядывался в лица лагерных заключённых.

Но затем в нём пробудился даже некий интерес, связанный с неожиданной для него встречей. В колонне, что в очередной раз повели на работу к шахте, вохровец вдруг увидел знакомое лицо человека, с которым встречался много раз. Это был тот самый священник, батюшка Тихон из их сельского, властью закрытого, храма, проповеди которого он не раз слушал и так их не любил. Надо же, дожил! И он подошёл к старику.

– Ну что, батюшка!? Как интересно это мы свиделись! А что же твой «Боженька»? Чего же он тебя не защитил от кары народной власти за твоё дешёвое враньё? Чего молчишь? Отвечай!

– Да не поймёшь ты! – только и сказал святой отец.

А охранник, улыбаясь и глядя на его истощённый вид, заключил:

– Недолго, видно, тебе осталось. Может, «шлёпнуть» тебя прямо сейчас, чтобы больше не мучился? А?

И с громким гоготанием отошёл от колонны.

Так Фрол отслужил несколько месяцев до наступления короткого магаданского лета. А с началом тепла у лагерного начальства на Колыме появлялись особые проблемы. Заключённые массово бежали из лагерей. Уследить за всеми не было просто никакой возможности. К тому же значительная часть эков была расконвоирована, то есть работала без охраны. Конечно, абсолютное большинство из убежавших должно было погибнуть от голода, холода и зверья в бескрайней тундре. И действительно погибало. Спаслись, дойдя до какого-нибудь таёжного посёлка в глубинке, чтобы там укрыться, «окопаться», могли лишь единицы.

Но познавшие лагерную суть эки, голодавшие, выбивавшиеся на работах из сил, терпевшие постоянные побои и издевательства со стороны охранников и от блатных, предпочитали зачастую если уж и умереть, то хотя бы на воле. И тогда гулаговское руководство приказало начальникам лагерей набирать из вохровцев-добровольцев специальные команды. Нет, не для поиска и поимки заключённых, а для откровенного их отстрела, как «бегунков», прямо в тундре. «Охотникам», как их потом стали называть, выдавался карабин с патронами, компас, карта, сухари, тушёнка, лук, сахар, махра... При этом за каждого убиенного эка устанавливалось вознаграждение по твёрдой денежной таксе. А отчитываться за ликвидированных предлагалось очень просто: отрезанными у беглых ушами. Убьёшь, отрежешь уши, бросишь их в рюкзак – и пошёл дальше в поисках новой жертвы.

Фрол вызвался в «охотники» одним из первых. Убивать людей он научился быстро. Тем более – на основе приказа, а значит, практически законно. Никакие угрызения совести его не мучили. К тому же, размышлял он, здесь имеется и ещё один интерес: возможно, «бегунки» несут с собой золотишко, утаённое с прииска. А оно ему совсем даже и не помешает.

Зорко оглядывая тундру, – а зрение у Фрола было хорошее, – «охотник» примечал жертву издалека и спокойно шёл за ней, пока эк не выбивался из сил. Нагоняя, убивал её ударом приклада по голове. Кто-то умирал молча. Кто-то просил о пощаде. Безрезультатно – не помогало. Стрелял редко. А зачем? Раздевал в поисках того, чем можно поживиться, иногда находил кое-что, радуясь. Затем отрезал уши, метал в их рюкзак и спокойно шёл дальше. Сложнее было, когда эки бежали группами. Тут нужен был глаз да глаз, а то и сам мог превратиться в жертву. Поэтому расстреливал таких беглых издалека. Ну, а дальше всё как обычно.

Однако достаточно скоро убивать людей «просто так» Фролу надоело. И он, перед тем как «кончить» очередную жертву, стал «обездвиживать» приговорённого, чтобы тот, как перед казнью, мог бы ему «исповедоваться». По затылку «вдарит», коленку раздробит или прострелит мягкие ткани, а затем сядет рядом, чтобы «ласково так побеседовать» напоследок, наблюдая, как тот истекает кровью. Так он куражился над эками, предлагая им чуть подольше пожить за счёт «рассказа о житие и грехе своём». И получал просто

садистское удовольствие от агонии человека, который понимает, что сейчас умрёт, но может ещё хотя бы несколько минут пожить и просто подышать. Чего только он не наслушивался от этих «отходящих». Правда, были и такие, которые открыто плевали ему в лицо. Этих он кончал с особой садистской жестокостью.

Так Фрол сделал несколько десятков ходок в тундру на «охоту». Отстрелял множество убежавших. Им были очень довольны начальники, да и сам он был доволен собой.

– Молодчина! Прилично набил! – в очередной раз констатировал капитан, зам. начальника лагеря, принимая от вохровца очередную партию ушей (этих кусочков человеческой плоти), в то время как лагерный бухгалтер, пересчитывая уши попарно, помечал их количество в специальной ведомости. А рядом с бухгалтерским столом стоял большой мешок, в который эти уши и скидывались. Когда наполнялся один мешок, брался другой. А потом эти мешки надлежало лишь просто закопать.

– Этак ты больше, чем я, получишь своими премиями! И даже больше, чем начлаг! – хвалил охранника капитан.

А Фрол только деланно смущённо улыбался в ответ. Он уже достаточно хорошо наполучал. Такса была твёрдой. Можно было брать рублики и наличными, но он предпочитал складывать их на сберкнижку, по которой получит и реализует «денюжки» уже в самом Магадане. Наличные-то здесь, в лагере, ему и ни к чему: одет, накормлен (а как в детстве он мечтал, чтобы наестся вдоволь!), снабжён выпивкой и махрой. Единственно чего ему в зоне не хватало, так это баб. Но Фрол тешил себя мыслью, что в очередном отпуске, в Магадане, с такими-то деньгами отыграется на них с лихвой. И действительно отыгрывался. Отчитавшись за «проделанное» и выйдя на крыльцо начлаговского штаба, он потягивался, мечтательно улыбаясь будущим радостям, живо предвкушая ожидаемые удовольствия.

И всё было бы ничего, но про вохровцев-«охотников» прознали зэки. Причём это были не политические, а зэки-уголовники. Эта категория лагерников в зоне была на особом счету. Хорошо организованные и меньшие по количеству, они умудрялись избегать тяжёлых работ и всё сваливали на многократно больших по числу, но совершенно не объединённых политических и «бытовиков». У уголовных были и свои авторитеты – «воры в законе», «блатари», от которых можно было ожидать чего угодно. Нашлись и свидетели фроловских кровавых «утех». Не всех, видимо, он «положил» на «охоте». Ведь, когда бежали «кучками», то при первом же выстреле зэки бросались врассыпную. Попробуй всех отследить и прикончить. Конечно кое-кто мог спастись, избегнув общей участи. Окольными путями, через воровские «ксивы-малявы», информация от сбежавших доходила до лагерных зэков. И с какого-то момента, выходя на территорию зоны, Фрол стал чувствовать на себе тяжёлые, ненавидящие взгляды заключённых-воров, видимо, прознавших, чем он занимается за лагерными пределами. Взгляды эти, не предвещавшие ничего хорошего, отдавались во фроловой душе если не страхом, то, по крайней мере, беспокойством. С одним из уголовных воров-авторитетов, Демидом, вохровец как-то столкнулся, проходя между бараками. Обычно зэки расступались, уступая дорогу

идушим охранникам, а этот стоял на месте, как вкопанный, вперив взгляд во фроловское лицо, прямо ему в глаза.

– Чего уставился, собака? – с деланной усмешкой произнёс охранник, хотя и ощутил холодок внутри.

– Да вот хочу запомнить тебя, рыжий, может и встретимся когда, чтобы поздороваться.

– Не встретимся, дорожки у нас разные. Твоя здесь кончится, а моя пойдёт...

В это время Фрола окликнул старший охранной команды. Он обернулся назад, чтобы перекинуться с начальником лишь парой фраз, но когда повернулся обратно, чтобы продолжить разговор, то Демида уже и след простыл. Случай этот за повседневными делами, суетой лагерной службы вскоре забылся. Но забылся-то лишь временно, чтобы припомниться потом.

Когда в очередной раз Фрол отправился в «рейд» по тундре, то шёл уже «на работу» с приличным, купленным в Магадане, биноклем. Можно было достаточно издалека озирать окрестности, выискивая «добычу». Сначала всё шло по плану: он догнал и уложил с десятка беглых. Но затем произошло непредвиденное. Он увидел такого же, как и он сам, но чужого вохровца, из другого отряда, соседнего спецлагеря, занимавшегося тем же самым отстрелом эков.

– Ах ты гад! На наши уши позарился! – пронеслось в голове. – Ну так получай своё!

Подкрасться к чужаку незаметно не стоило труда. Ведь тот «охотник» совсем даже не ожидал подобной «подляны». Выстрел опрокинул его навзничь. Но мужик оказался живучим. И когда Фрол стал его «потрошить», тот открыл глаза и прохрипел: «Сволочь, своих...». Но тут же получил прикладом в висок. Забрав «зэковские» уши у убитого вохровца, Фрол тщательно «схоронил» его тело, оружие и вещи в болотце, и, как ни в чём не бывало, радуясь добыче, двинулся дальше.

Пропажа «охотника» всполошила было «соседей». Его пытались искать, даже с собаками, но безуспешно. В огромной тундре это походило на поиск иглы в большом стогу сена. Но, в конце концов, такое бывало и раньше. А поэтому начальство просто довело до охранников очередной приказ, мол, «работайте осторожнее», а этого списали, как «пропавшего без вести». Хотя сами вохровцы-«охотники» стали смотреть и друг на друга подозрительнее. Чувствовали неладное.

Отправляясь на очередную охоту, Фрол тоже осторожничал. Он и сам стал опасаться возможного нападения. Но ничего такого не случилось, хотя в этой «ходке» его ожидал и свой «сюприз». Уложив нескольких эков и их «обработав», он издалека обнаружил очередного беглеца и спокойно двинулся за ним... А когда нагнал обессиленного, то открыто и вслух удивился:

– Надо же, накаркал!

Это был тот самый дед, их деревенский священник, Тихон. Удар фроловского приклада сбил его с ног и даже немного оглушил. А «охотник» не спеша присел на кочку рядом и стал ждать, когда тот очухается.

– Ну что, «опиум для народа», будем каяться!?

Старик стонал... А Фрол вынул папироску и, прикурив от зажигалки, затянулся.

– В чём же я должен каяться перед тобой, поганец? Грехи-то ты всё равно не отпустишь! – произнёс с усилием священник.

– Не отпущу. Но ведь я последний, с кем ты говоришь на этом свете! Так что расскажи честно, как ты дурачил народ, прихожан, обирал нас? Всё же душеньке спокойнее будет отлетать в небеса! Небось припрятал добро какое, старый хрыч, так поделись им! – и он нагнулся, чтобы рвануть ворот тихоновской робы.

На шее у батюшки был дорогой православный крест. Как он сумел его сохранить за годы пребывания в лагере во время этих многочисленных «шмонов» и проверок, это был вопрос.

– Ишь ты! Во рту, небось, прятал? – расплылся в кривой усмешке охранник.

– Каяться перед тобой, негодником, я не буду! Но одно тебе скажу напоследок честно. Зла я людям не сделал ни капелюшечки, не то, что ты, иродубийца, так что душа моя чистой отлетит на суд Божий, а твоя душенька поганая прямым ходом направится к дьяволу в ад. Гореть тебе вечно в геенне огненной и страдать нестерпимо...

Священник застонал. А Фрол театрально расхохотался.

– Гореть, не гореть – это мы ещё посмотрим... когда-нибудь. А вот тебе, Тихон, придётся сдохнуть здесь в этом дешёвом болоте прямо сейчас! Ты ведь сам знаешь, что тебя дальше здесь ожидает. Лежать тебе с отрезанными ушами, пока зверьё дикое не сожрёт и не растащит на куски остальное твоё дряхлое тело. Боишься?

Он ждал, что старик действительно дёрнется от его слов, поменяется в лице, как он часто наблюдал у других им приговорённых. Но не отразилось ни капли страха перед скорой смертью на челе священника.

– Тело-то, оно брэнное... Жаль, конечно, что оно... не будет упокоено... На всё воля Божья... Старик перекрестился:

– Но главное-то – душа! Моя вечна и чиста, а твоя грязна и смрадна.

– Ну что ты, дед, заладил! Душа, душа! Вот даже сейчас, перед смертью, ты продолжаешь потчевать меня своими проповедями-сказками, – изрёк охранник, злобствуя. – Да проживём мы своё и просто умрём. Ну нету никакого нирая, ни ада! Вера? Что она дала тебе? Что поимел ты от неё на этом свете, какие удовольствия получил, где оно, твоё счастье, где твои радости? Я вот никогда по-настоящему не трудился, а лишь на ваших ушах уже заработал столько, сколько тебе никогда и не снилось. В денежках счастье, батюшка, и в золотишке! У меня его тоже уже прилично подкоплено. Закончу здесь с вами и дальше заживу счастливо! Вытряс я его из твоих поделничков-зёков, которые бежали с ним из лагеря и мною были в тундре прикончены! Сотни их здесь пораскиданы! Фрол повёл рукой по ширине горизонта и затянулся папироской.

– А бабы-то хоть у тебя были? Сознаюсь тебе, дед: баб я люблю! Особенно тех, которых берёшь силою. Были у меня такие, – и Фрол мечтательно вздохнул.

А Тихон, застонав, с усилием произнёс:

– Тебе, Фрол, когда-то воздастся за все твои фроловы деяния. Знаю я: многие, убиенные тобой, уходя в иной мир, тебя проклинали... Так прими же напоследок и моё проклятие: будь ты трижды проклят во веки вечные!

Как-то страшно, будто не своим, а чужим, сторонним голосом произнёс эти последние в своей жизни слова старик священник и, повернувшись на бок, чтобы не видеть Фрола, подставив ему висок, стал читать отходную молитву.

Фролу надоело его слушать. Докурил. Поднялся, размахнулся... Много ли надо старику! Привычно раздел, обыскал, ничего не найдя, плюнул и срезал уши. Потом, подбросив ладонью золотой крест на тонкой тесёмке, улыбнулся: хорошая прибавка к моей коллекции! И зашагал прочь.

Он шёл, а слова старика будто горным эхом на каждый шаг продолжали отдаваться в его мозгу: трижды проклят на веки вечные! Трижды проклят...

Дед Фрол снова вышел из забытья. Малость полежав, открыл глаза... пошарив рукой по тумбочке, включил ночник. К долгому одиночеству он привык, а с болезнью перестал включать и телевизор. Вечером в домишке звуков не было. Но сейчас что-то изменилось. Как будто в комнатёнке появился ещё кто-то. И этот «кто-то» стоял у него за спиной в правом углу. Дед с усилием повернул голову, но никого не обнаружил, кроме какой-то малой тени, которой раньше вроде и не было. Да чёрт с ней, с этой тенью, решил он. И вновь отключился...

Шёл уже пятый год его охранного лагерного труда. Фрол матерел. Летом он отбыл в Магадан в очередной положенный отпуск. Там жила его близкая знакомая – Тася, женщина, с которой он уже достаточно долго сожительствовал. Они друг друга пока вполне устраивали. У него были деньги, у неё – квартира и молодое зовущее тело. К тому же фроловская подруга была очень хваткой бабёнкой с широким кругом знакомых, которые теперь вохровцу были очень даже нужны. Ведь среди них были и те, через кого можно было кое-что продавать и покупать. В общем, «делать дела». Так Фрол стал обретать «друзей», равных с ним в понимании жизни, постепенно входя к ним в доверие. Магадан – край и золотоносный, и золотообменный. Хотя последнее преследовалось властью и законом. Но ведь закон для того и существует, чтобы искать и находить способы его обойти, считали они. И Фролу с его новыми друзьями до поры это вполне удавалось.

Всё шло хорошо до лета 1941 года, когда началась Отечественная война. С её приходом многое стало меняться. И главное – появилась реальная опасность попасть на фронт. Солдат не хватало. Особенно это относилось к молодым охранникам, из которых наспех стали комплектоваться воинские команды, отбывавшие на запад. Фрола такое развитие событий совсем даже не устраивало. Быть убитым или покалеченным – это не для него. И он сделал всё, чтобы быть переведённым из лагерной охраны в младший руководящий состав Магаданского управления ГУЛАГа. Здесь, опять же, решающую роль сыграли деньги, знакомства и тот драгоценный металл, который у него был подкоплен и в песочке, и даже в небольших самородках.

Теперь эков он не охранял, не расстреливал, не охотился на беглецов. Теперь он участвовал в распределении заключённых по зонам и лагерям, выезжал с инспекциями на «места» и писал рабочие отчёты о командировках вы-

шестоящему начальству. Фрол быстро дослужился до младшего офицерского звания. Он знал, интуитивно чувствовал, как можно добиться расположения начальства, как ему подыграть, стать, как говорится, для него своим человеком.

Великая Отечественная была долгой и кровавой. Где-то далеко шли бои, солдаты и офицеры поднимались в атаки, брали укрепления врага, падали ранеными и убитыми. И что из того? Таких, как Фрол, а их в тылу было достаточно, совесть не мучила. Её у них просто не было. Он сидел в своём кабинете магаданского управления ГУЛАГа и теперь, выполняя новые приказы сверху, терпеливо комплектовал из тех же заключённых, которые желали получить свободу, смыв свою вину перед властью и народом кровью, «добровольческие» отряды «штрафников». В основном это были политические зэки и «бытовики». Уголовники же, следуя своим внутренним воровским законам, на сотрудничество с властью в этом деле предпочитали не идти и если оказывались в рядах «штрафников», то гораздо реже.

К концу войны колымские лагеря «накрыла» новая волна репрессированных. То были неудобные власти её политические критики, в том числе из офицерского корпуса армии. В незначительном количестве в неё попали пленённые немцы, затем «бандеровцы» и побеждённые японцы.

Работы у гулаговского руководства было, как говорится, «выше крыши». И Фрол упирался для него «на совесть», хотя совестью, как и прежде, не страдал. Числясь на хорошем счету, он активно продвигался по службе, получая новые звания и награды. В Магадане теперь у него уже была своя квартира. Однако семьёй он, как и прежде, обзаводиться не стремился, и продолжал активно пользоваться сторонней женской лаской.

Со смертью «отца народов» Сталина ГУЛАГ стал пошатываться. С середины 50-х годов приток заключённых в лагеря резко сократился, а затем многие из лагерей стали и вовсе закрываться. Политика нового руководства страны с относительной «демократизацией» её жизни предполагала уже новые формы строительства социализма, не лагерные. Реабилитированные, оставшиеся в живых заключённые массово возвращались по домам; и политические, и бытовики, и уголовные. Поговаривали, что, закрывая очередной лагерь, начальники вешали на лагерные ворота хорошо смазанные маслом замки, надеясь, что закрытия эти временные и скоро власти одумаются...

Демобилизовавшись в середине 60-х, Фрол, как ни в чём не бывало, продолжал жить в «столице колымского края» – Магадане, получая теперь заслуженную пенсию, как бывший офицер внутренних войск, и приличные северные надбавки. Как ветеран системы, он пользовался и всеми положенными ему льготами: спецпайками и бесплатными путёвками на курорты страны. Но, конечно, не только и не столько официальные доходы продолжали являться источниками его безбедного существования. Адаптировавшись к новой обстановке, Фрол стал участником уже по-настоящему криминального сообщества, ведущего незаконную деятельность, связанную с золотодобычей.

Да, золото теперь «брали» из недр образовавшиеся госпредприятия и артели старателей. Но и из тех, и из других источников оно, как и прежде, продолжало незаконно и в достаточном объёме уходить не в казну государства,

а «налево». И, как ни старались соответствующие структуры и органы, но подпольный рынок драгоценного металла в стране продолжал действовать. Отношения и объёмы нелегального оборота ископаемых ценностей в брежневскую эпоху в стране вполне соответствовали мафиозному уровню. И, будучи одним из активных участников этого оборота, Фрол не то чтобы «жил и не тужил», но просто процветал. Прекрасная, хорошо обставленная квартира в центре Магадана, автомобиль и гараж, вторая квартирка, поменьше, на городских окраинах. В быту он не скромничал. Одевался по высшему разряду. Был завсегдатаем и своим человеком в дорогих ресторанах. Дефицитные для этого периода товары и продукты были абсолютно обычными для его личного потребления.

Единственное, что несколько омрачало его спокойствие, была смена правящих партийных элит: с брежневской, с её вседозволенностью для советской номенклатуры, на элиту андроповскую, с её «закручиванием гаек». «Работать» стало опаснее. Органы КГБ обновились, а молодая их поросль была ещё неподкупной и даже пыталась «копать глубже», чем ранее было дозволено. Уже заводились уголовные дела и предъявлялись обвинительные заключения тем, к кому раньше и подойти-то так просто не смели. Чувствуя неладное, Фрол решил подготовиться к возможному провалу. Он сделал себе документы на другое имя, а сберегательные книжки переоформил на предъявителя. Прodeлав всё это для «крайнего случая», он полагал, что обезопасил себя. Однако беда подошла к нему совсем с другой стороны.

Однажды Фрол со своим «близким кругом» широко отмечал очередной свой день рождения в ресторане «Магадан». Всё шло, как обычно, по хорошо накатанному сценарию. Женщины в нарядных платьях с дорогими украшениями, мужчины в импортных костюмах с галстуками, в заграничной обуви. Дорогие вина и соответствующие им блюда, заполнявшие большой стол. Многочисленные и красноречивые тосты важных и «нужных» гостей, даривших дорогие подарки. Ответные слова благодарности от именинника. Возлияния и возлияния! Празднество близилось уже к логическому завершению, когда неожиданно за спиной у Фрола раздался громкий возглас: «А ведь я узнал тебя, Рыжий! Ведь это же ты «мочил» нашего брата в колымской тундре! Ну вот и свиделись! И настало твоё времечко для расчёта за отрезанные уши!».

Фрол резко вскочил и обернулся. Перед ним стоял тот самый «блатарь» Демид из их колымской зоны. Конечно, Фрол сразу узнал его, уже седого, как лунь, но с тем же хищным блеском в глазах. Похолодело в груди. Но, стараясь не показать волны возникшего страха, Фрол лишь возмущённо закричал: «Это псих! Охрана! Уберите его от меня!». Закричал, но тут же получил тяжёлый удар в челюсть.

Быстро вскочив на ноги, Фрол кинулся было на Демиду, но силы оказались слишком неравными. Драться-то по-настоящему бывший вохровец так и не научился, а уголовник знал эту науку надёжно и всерьёз. На три пустых «махача» Фрола следовал один результативный и точный удар Демиды. Фроловское лицо было разбито в кровь. Капли её стекали из носа и из рассеченной брови на его белоснежную сорочку. Компания «охотника» кинулась было ему на подмогу, но была остановлена «свитой» уголовного, не давшей ей подклю-

читься к кровавой разборке. Пока подбежали сотрудники милиции, чтобы разнять и задержать дерущихся стариков, Демид успел наклониться над упавшим, окровавленным Фролом и, глядя ему прямо в глаза, прошептать:

– До утра ты, падаль, не доживёшь! И первое, что я с тобой сделаю, так это ещё у живого отрежу уши... А потом уже буду резать всего по кусочкам...

Дежурные сотрудники растащили и задержали участников драки. Демид спокойно дал себя взять, подав сигнал своим, чтобы те не вмешивались. Фрола же привели в чувство и обтёрли ему кровь с лица участники его застолья. Нарушителей порядка препроводили в милицейский участок, чтобы там, как положено, составить протокол для последующего разбирательства. Здесь-то и выяснилась причина кровавой разборки. Демид открыто заявил, что в период сталинщины он был колымским заключённым, а побитый им в ресторанной драке посетитель – охранником, жестоко истязавшим и расстреливавшим зэков.

Молодые милиционеры слушали рассказ бывшего заключённого широко раскрыв рты. Они ведь и предположить не могли, что подобное тогда творилось в лагерях. Но никакого разбирательства не последовало. Драки были частым явлением в колымских ресторанах. А для того, чтобы «загасить» происшедшее, достаточно было заявить о примирении сторон и хорошо дать сотрудникам милиции «на лапу». Дружки Фрола, участники его шикарного застолья, так и сделали. И когда того первым выводили из участка, сзади он услышал спокойный и страшный голос «авторитета»: «Ну, пока, пёс, жди гостей!».

Домой Фрол, естественно, не побежал. Перепуганный по-настоящему первый раз в жизни, паникуя, побитый и подавленный случившимся, он окольными путями поспешил на свою вторую квартиру. Здесь было уже всё приготовлено для бегства из Магадана на случай возможного ареста. Но теперь не от властей, к чему он так готовился, вынужден был бежать бывший вохровец-садист. Более страшная и беспощадная сила обрушилась на него. С властями ведь можно было ещё и попытаться торговаться, дать крупную взятку, в конце концов. С уголовным же миром разговаривать было бесполезно. Если его «приговорили», то это было окончательно и, как говорится, обжалованию не подлежало. Быстро скинув окровавленный парадный костюм, Фрол наскоро обмылся, переоделся в серенькую одежонку и, подхватив небольшой чемоданчик, где заранее было собрано всё необходимое, выбежал на тракт, ведущий на «большую землю». На подвернувшихся попутках он добрался до ближайшей железнодорожной станции, а там сел в первый же проходящий пассажирский состав.

– Как, как же это могло случиться? – стучало в мозгу. – Откуда этот Демид взялся? Сволочь! Ведь всё так хорошо складывалось! Как же жить теперь? Как жить? Только затаившись? Спрятавшись от этих страшных людей!?

Как только дремота сковывала его веки подступающим сном, перед ним возникала страшная гримаса лица Демиды и его рука с финским ножом, тянущимся к фроловскому уху. Фрол в ужасе просыпался, вскакивал. И так много раз.

Соседи по купе, с которыми он ехал, беспокоясь о его здоровье, спрашивали, могут ли они чем-нибудь ему помочь, предлагали какие-то снотворные

таблетки. Фрол благодарил за заботу, но отказывался. Он вновь засыпал и вновь в ужасе вскакивал.

Где-то через пару суток Фрол сошёл на одной из незнакомых ему малых станций большого западносибирского пути. Сошёл, чтобы спрятаться здесь, в глуши, в небольшом рядом со станцией расположенном городке, где вряд ли его смогли бы найти уголовники. Городков таких в Сибири пруд пруди. Пройдя по нему, Фрол поискал и нашёл желающих продать небольшой домик с участком земли. Купил его, не задумываясь о предложенной цене. И заселился. Он перестал бриться и отпустил бородку, чтобы хоть как-то изменить внешность. Потом, познакомившись с соседями, поискал и нашёл людишек, через которых можно было ему оформить по новым документам и как пенсионеру, и как ветерану. За хорошие деньги всё можно было сделать и купить в обществе, уже практически переставшем строить эту несбыточную мечту человечества – коммунизм. Наступала середина восьмидесятых с её горбачёвскими перестройками и ускореньями, с дефицитной реальностью, с длинными очередями за всем, что просто необходимо для нормальной жизни. Это был тупик, в который завели страну с неисчерпаемыми природными ресурсами и с безгранично талантливым народом безграмотные политики от большевизма-ленинизма.

На окраине этого случайно выбранного городка Фрол стал тихо жить-доживать отпущенное свыше, как и все советские люди его возраста и положения. Лишённый прежней активной жизни, он быстро старел и опускался. Копая грядки на своём огородишке, Фрол практически не замечал происходящих в обществе изменений. А в это время рушилась страна, рушилась власть, которой он служил и для которой совершал свои страшные преступления.

– Я живу, и это главное, – думал он, наливая в гранёный стакан водку. – А ведь мог бы уже и не жить, зарезанный уголовниками. Мог, если бы вовремя не подсуелся. Правда, что это за жизнь по сравнению с тем разгулом, что был у меня на Колыме.

Оставалось только вспоминать этот разгул и жить своими «тёплыми воспоминаниями». Когда Фрол засыпал, то он с наслаждением смотрел теперь «магаданские» сны о делах минувших. Видел женщин, с которыми спал. Видел и ту девочку Глашу, с надругательства над которой начинался его преступный путь по жизни. Только этими снами он и жил-то теперь. Ни в чём страшном, бесчеловечном, совершённом им в колымской жизни, он, конечно, не раскаивался. Злодеяния свои Фрол оправдывал, пытаясь считать всё происшедшее лишь естественной борьбой за свою нормальную жизнь.

Очнувшись, старик тяжело приподнялся и сел на кровати. Поздний вечер зажгёт фонари на улице его городка. Постановивая, Фрол нагнулся к тумбочке, чтобы нащупать батарейный фонарик, но вместо него вдруг вытащил попавшийся под руку священный крест Тихона. Посмотрев на него, он вдруг живо вспомнил то магаданское болото, ту их последнюю встречу и разговор, закончившийся тихоновским проклятием и убийством святого отца. Крест Фрол не продал, как продавал он многое другое, доставшееся ему на Колыме. Уж больно этот крест ему нравился, хотя и вызывал собой неприятную память о последних словах старика. Но охранник-садист в проклятия не верил, как не

верил он и ни во что святое. Отложив крест в сторону, Фрол вновь засунул руку в тумбочку и нащупал фонарик.

Лестница, ведущая на чердак, была в сенях. Пошатываясь, он добрался до неё и, полусогнувшись, тяжело поднялся по ступенькам, с большим трудом откинув чердачный люк. Голубиное гнездо было недалеко от небольшого оконца. Посветив, Фрол нашёл его, задавил ничего не подозревавших спящих птиц и раздавил насиживаемые ими яйца. Потом, раскрыв чердачное окно, выбросил тёплые птичьи тельца на улицу, прямо на дорожку, что проходила рядом с домиком.

– Пускай людишки полюбуются, – подумав, проскрипел он, и лицо его исказила злорадная усмешка. Это было последнее в жизни зло, совершённое этим социальным подонком.

Спускаясь с чердака, дед почувствовал, как пол начинает уходить у него из-под ног. Сделав несколько шагов, он попытался опереться о стенку, но это не помогло, и Фрол рухнул во весь рост посреди комнаты. С трудом повернувшись на спину, он вдруг увидел, нет, скорее почувствовал, как кто-то склонился над ним.

– Помогите мне! – произнёс старик и потянул к подошедшему руку. Но, уже теряя сознание и ничего не ощутив, он вдруг понял, что это была лишь тень, тень священника Тихона. Проклятье сбылось.

«Фролу – фролово!» – пронеслось в его умирающем мозгу.

Юрий ТАТАРЕНКО

ПЕРЕЗАГРУЗКА

ПРОГУЛКА

Липкий снег, обезумев,
Бросался в меня тишиной.
Зря стараешься, друг,
Ничего у тебя не возьму я.
Бунтарям за решёткой
Немногое разрешено.
Между складок шарфа
Что-то белое перезимует.
Две сосны, много веток –
Им кажется, это семья.
Уезжать или нет,
Электричка не спросит совета.
И мерещится всюду
Зелёная куртка твоя.
И за тучей луна,
Как всегда, непонятного цвета.

ПРЕВРАЩЕНИЕ

Я болен-нездоров.
Лежу с температурой.
В лопатках страшный зуд.
Распахнуто окно.
Граница на замке.
Но тучи ходят хмуро.
Не знаю, сколько лет.
Но, кажется, давно.
Я телик не смотрю.
Поломана антенна.
Салфеткою накрыт
Стеклянный пьедестал.
Назначьте мне февраль
Подкожно, внутривенно.
Натрите четвергом
Проблемные места.

* * *

Последний снег зимы – последняя попытка
Загнать весну в сугроб и землю застудить.
Но первый солнца луч – нервущаяся нитка –
Поможет здравый смысл и жизнь соединить.
И расцветут цветы на южных горных склонах.
Со мною рядом будь – и тоже расцветёшь.
Ну а пока спроси у стебельков зелёных:
«Зачем последний снег? Кто знает, молодёжь?».

ГРИБНОЙ ДОЖДЬ

Когда приезжаю в родное село,
Не все окна-двери меня узнают.
Уже не дрожит у соседей стекло,
Как раньше, от страха, что вдруг разобьют.
Когда поплечусь я на автовокзал,
Окошек пять-шесть улыбнутся мне вслед.
Родительский дом, в твоих мокрых глазах
Надежда, что сдам я обратный билет.

ФЕОДОСИЯ

Снежинки над морем –
Солёные, пахнут рыбой.
Молчащая чайка
Летит параллельно дну.
И ржавчина красилась –
Скучно быть просто рыжей.
И сглатывал камень,
Как мог, не свою слюну.
И лето не скоро.
И будет песок в морщинах.
И вылетит пробка,
И сыр прильнёт к лавашу.
И всё повторится.
Но тот, с бородой, мужчина
Приедет с другою.
И море поднимет шум.

НАЧАЛО НОЯБРЯ

Друг приехал, Леонид.
Помидоры режет. Крупно.
Дед за стенкою. Бубнит.
Видно, воспаленье бубна.
Небо снегом замело –
Ну, чем рады, тем богаты...
Запотевшее стекло
Не мешает жить закату.

РЫБАК

Голодно в палатке. Тесно у костра.
А над головою – чёрная дыра.
Странная рыбалка: рыбы – до фига.
Счастье молодое смётано в стога.
Звёзды светят странно сорок странных лет.
Не подохнуть страшно, а сойти на нет.
Не даёт покоя утренняя блажь:
На моторной лодке заложить вираж.

БЕССОННАЯ НОЧЬ

Троянский конюх крут, но не воспет.
Но с этим мне приходится считаться.
Бежит изобретать велосипед
Тот, кто всю жизнь любил верхом кататься.
Ему плевать, что жил Аристофан,
Что в честь Гомера не назвали площадь...
Поэтов ждёт свободный Митрофан.
Поэты ждут кого-нибудь попроще.

НОВЫЙ СВЕТ

Выспались камни
И стали расплющивать волны.
Скажут враги:
Ерунда, воспаленье зимы.
Каждый четверг
Замышляются новые войны.

Каждый апрель
Выползают сосульки из тьмы.
Час до рассвета.
И боязно вздрагивать стрелкам.
Страшно, когда
На пилу ополчился топор.
Сосны нас учат
Искусству проигрывать с треском.
А в театральных училищах
Вновь недобор.

ЮРЬЕВ ДЕНЬ

Зиму начни
С не своих невесомых шагов.
Только не факт,
Что закончится спирт в ту минуту.
Осень набросила зелень
Поверх пиджаков.
Грязь февраля
Вновь за чистую примем монету.
Посланы пули
Искать золотое руно.
А чемодан
Докатился до прозвища «чмошник».
Целится снег
В запотевшее наше окно.
Только попасть
Всё не может, не может, не может...

ПЕРЕЧИТЫВАЯ ГОГОЛЯ

Никак колесо не докатится
До красных московских ворот.
А небо – сильнее, чем кажется.
Впадает в нетрезвость народ.
Но вспомнится вдруг – невесомая
Любовная трель соловья...
Россия – туманная, сонная,
Особенная. Моя.

ПРО СЕРЁГУ

Друг заснул с зажжённой сигаретой.
Не проснулся. Да, нетрезвым был.
Верным был товарищем при этом.
А иного званья – не добыл.
Он любил, чтоб в доме было чисто,
Он не стал ни вором, ни врачом.
Женщин приручать не отучился.
И ушёл – никем не приручён.
Пил неделю – разве это дикость?
Это белка, синька, балаган...
Жизнь его стране не пригодилась.
Впрочем, он не сильно предлагал.

15 СЕНТЯБРЯ

Неделя без травмы.
Суббота без скреп.
Гаражная правда.
Занюханый хлеб.
Вопрос без ответа.
Под мышкой тетрадь.
Закончилось лето.
Пора загорать.

ВОСКРЕСЕНЬЕ

То зелёные белых низложат,
То дождливое свергнет жару...
Не становятся волны моложе,
Выходя на знакомый маршрут.
Неизведанным лист акварельный
Пропитается – и не умрёт.
Так, а спички зачем отсырели?
Что за жизнь – ни назад, ни вперёд?
Что за тезис – ни вашим, ни нашим?
Рассмеётся будильник в ответ.
Натюрморт обернётся пейзажем,
Чтоб услышать: «Хороший портрет».

ГОСТЬ

Удивительно всё же на даче.
Особенно летом.
Вот и с бунтом заката
Справляется капля росы.
Фотоснимок отыщется –
Между Бальмонтом и Фетом.
И гроза – за минуту –
Научит не тикать часы.
И гордится весь вечер
Окно занавеской прожжённой.
И запомнится ночь
Переключкой соседских собак.
Самолёт из газеты
Опять приземлится в крыжовник.
Только это неважно,
Когда пролетел сквозь гамак.

ПЕРЕЗАГРУЗКА

На верхней полке возле туалета
Я царь горы – покуда не засну...
И мелкие, как дождь, частицы лета
Ныряют в лужи, чтоб пойти ко дну.
Распиханы по банкам помидоры,
Но как спасти их – выяснить боюсь...
И скорый поезд для чего-то скорый.
И Гусь-Хрустальный для чего-то Гусь.

P. S.

Когда Иртыш в аквариум впадёт,
Меня в толпе зевак не обнаружат.
И только Кремль закроют на учёт.
И обменяют лампочку на грушу.
И только повесть примут за роман.
А репортаж урежут до заметки...
А что в конце? Лишь яблок аромат.
А что в итоге? Звон второй монетки.

Евгений Вязанцев

ИСТОРИЧЕСКИЕ МИНИАТЮРЫ

ИКАР

Однажды Дедал и его сын Икар пошли на берег моря. Они медленно брели вдоль бескрайней песчаной косы. Было жарко. В сандалии набивался раскалённый песок, сильно хотелось пить.

Но как прекрасна в этот день была природа! В небесах сверкало златокудрое эллинское солнце. Волны с торжествующим шумом бежали в объятия земли. Вдали на волновых уступах изредка налетающий ветер пас своих белых барашков.

Дедал собрал на берегу охапку птичьих перьев, затем, отыскав в причудливых складках хитона кусок воску, скрепил перья.

Так он сделал крылья себе и своему сыну Икару.

Нельзя сказать, чтобы это был слишком подходящий подарок для дерзкого юнца. Ибо с детства отличался Икар упрямством и безграничным самомнением. Ещё не достигнув в жизни абсолютно ничего, он считал, что может абсолютно всего достигнуть. А советы родителей были для него не дороже прошлогоднего снега. Поэтому он по своему обыкновению пропустил мимо ушей отеческое предостережение Дедала: «Нельзя приближаться к солнцу чрезмерно!».

«Вся ваша мудрость – перегоревшая спираль», – подумал Икар, молча примеряя крылья.

Они поднялись над землёй тяжело, словно сытые ястребы, но чем выше они летели, тем легче было лететь. Их путь пролегал в Сицилию, но Икар, казалось, забыл об этом. Мощные взмахи крыльев несли его всё выше и выше.

Земля под ногами была не больше арбуза.

Затем она стала маленькой, как яблоко.

И наконец она уменьшилась до горошины.

Зато Солнце, наоборот, заполонило всё небо. Со всех сторон Икар слышал жадное дыхание горячей громады. Расплавленный воск капал на его ноги, птичьи перья ливнем сыпались вниз.

И, наконец, когда Икара покинуло последнее перо, он, судорожно взмахнув руками, взлетел ещё немного и рухнул вниз.

Я думаю, Икар давно заметил, что воск плавится на солнце, но возвращаться было уже поздно.

Что же поделать, если первый признак великой личности – не понимать простых вещей.

И мир наш не взорвётся до тех пор, пока простые люди не понимают сложных вещей, а сложные люди – азбучных истин.

Это и есть универсальный закон Великого Равновесия Вселенной.

ГИБЕЛЬ КАРФАГЕНА

Остро отточенный кинжал корабля почти беззвучно разрезал голубой шёлк взлетающей волны. Отброшенная прочь стихия, словно оскорблённая до глубины души, яростно вскипала, осыпая борта угрожающе сверкающими брызгами.

«Ну конечно Карфаген должен быть разрушен!» – ярость, как бурлящий прилив, неотступно нарастала в сердце Катона. – «Или мы, или они. Одни должны стать господами, другие – рабы! Кто закрывает глаза на простую истину, вскоре закроет их навеки.

Все победы Сципиона были напрасны. Словно горячая кровь римских героев, пролитая на эту землю, лишь удобрила её вместо того, чтобы спалить дотла. И вновь плодородными, бурливыми, рвущимися к свету соками земли наливаются пышные поля, цветущие сады и виноградники Карфагена со щедрой роскошью, неведомой у нас, на севере, в далёком Риме.

Поражение лишь разжигает жадный жар реванша, превращающий в пепел счастливые крылья Победы. Выигравший – проиграл. Побеждает не тот, кто одержал победу. Побеждает тот, кто добил до конца. Поразительно, до чего же смельчаки, забрызганные кровью на полях сражений, становятся трусливыми и непоследовательными, вступая в непривычную для них область мысли».

Солнечные блики, словно огненные котят, резвились на гребнях волн.

Сквозь призрачный маскарад мира грезилась безжалостный блеск оружия, яростное сверкание солнца на шлемах воинов и значках легионов, мерное колыхание смерти, ползущей на Карфаген, и Катон, развалившись на маленькой скамейке, поставленной рабом на верхней палубе, медлительно погружался в жаркую дремоту под усыпляющий плеск вёсел смуглых гребцов на тяжёлой триере...

НАПОЛЕОН

С тех пор, как шальное ядро оторвало ноги маршалу Ланну, до меня дошло, что солнце Аустерлица начало неудержимо закатываться. Впервые с самого детства на мои глаза навернулись слёзы. Бедняга умер на редкость достойно. На окровавленной шинели его перенесли в тень старого дерева. Я пожал холодеющую руку своего верного соратника. Проницательный Ланн пожелал своему императору то единственное, что по-настоящему необходимо нам в жизни, – благоволение Судьбы.

Судьба! Великое слово! Судьба! Загадочное слово, подобное дыму тех молодых орудий под Тулоном, дыму, скрывающему смерть тысяч и свет восходящей звезды одного. Как легко быть великим, когда Рок простирает над тобой свои покровительственные крылья! О ты, тень Бога на земле, добрый родитель земных великанов!

Аустерлиц... Не я бил моих врагов. Они позволяли это делать. Все они открывали передо мной самые уязвимые места. На мою долю ничего не оставалось. Лишь нанести удар.

Судьба – способность разглядеть слабости других. Судьба – орлиное зрение сердца. Но судьба – это и слабая комариная лапка, в любой миг способная

столкнуть тебя в пропасть. Даже во время самого великого твоего шага. В это время – с особенной меткостью.

После гибели Ланна я слепну, это и есть сумерки судьбы. Враги ошибаются ещё больше. Они бездарней тех, которых я колотил в молодости. Но я реже замечаю их промахи. Моё внутреннее зрение меркнет. Нет, я вижу почти всё. Но я слепну от страха, что слепну.

Нельзя завершить свой маршрут ни секундой раньше, ни секундой позже. На дороге вверх или соскальзывая вниз? Всё это не имеет никакого значения. Лишь когда папирус развернётся до самой последней фразы. Вот тогда – конец!

А главное – люди. Люди сами помешают мне, если я пожелаю прекратить их убивать. Стоит мне остановиться, и они разорвут меня на клочки. Чернь будет глумиться над моим прахом, волоча его по заплёванным улицам. Глумиться – единственное искусство, которым чернь владеет вполне профессионально. Стоит мне остановиться, и они посчитают меня недостаточно бесчеловечным, чтобы ими управлять. Актёру не позволено выйти из пьесы в середине действия.

Правителю прощают всё, даже доброту, но лишь до такой степени, пока это не нарушает приличий.

Моих храбрецов, таких, как покойный маршал кавалерии, разочарует возможность остаться в живых. Да у них на это и смелости не хватит. Было бы слишком жестоко позволить этим героям взглянуть в глаза своей бессмысленной жизни. Тот, кто сделал своей профессией умиранье, редко умеет ещё что-нибудь.

А впрочем, если разобраться, их жребий завиден! Скакать сломя голову под свист пуль, а после боя бряцать шпорами и, гордо подкручивая усы, ловить ослепительные взгляды красоток. Забот не больше, чем у артиллерийского ядра, с которым им суждено померяться крепостью лбов.

Люди способны извинить всё, кроме уважения к ним. В сущности, двуногим насекомым нужна большая мухобойка, а не такой славный малый, как я, в роли императора...

ПРЕДАТЕЛЬСТВО

По весенней сверкающей дороге, ведущей во дворец римского наместника, бодро шагал Иуда, радостно вдыхая утренний, свежий и душистый воздух. Цветы лимонные и апельсиновые деревья, и со светлых полей веяло сладким ароматом цветов. Сонные улыбки финиковых пальм провожали одинокого путника. Весна закутывала даль с её виноградными холмами светло-лиловой дымкой, таинственной, словно полупрозрачная фата прекрасной невесты.

Мы, предатели – вот подлинная пружина жизни, – подумал Иуда, – мы – его пульсирующее бессонное сердце, будоражащее этот погрязший в латаргической спячке мир. Ибо что нужно иметь, чтобы стать жертвой? Лишь глупое благородство простака! Лишь слепоту новорождённого котёнка! Но чтобы предавать по-настоящему, не унижая великого идеала, нужно обладать самыми значительными достоинствами человека. Предать – значит, стать мудрее Мира. Предательство есть величайший миг озарения, когда подлинному

избраннику богов приоткрывается на кратчайший миг сверкающий противоречивый Замысел Мироздания. Это внезапно разверзнувшаяся под ногами путника пропасть, вынуждающая его напярчь все силы, вплоть до самых потайных, позабытых резервов духа и тела.

Именно предатель создаёт великий просвет между тем, что должно, и тем, что может произойти, именно в этот просвет с трудом протискивается Грядущее, крихтя, обливаясь потом и до крови сдирая кожу со своих боков. Да, лишь бескорыстный предатель прорубает щель между подлинной, а не кажущейся действительностью и мертворождённым идеалом, только в неё и может проникнуть единственно возможная реальная жизнь. Заурядные люди никогда не поймут, что только сквозь животворную трещину предательства они ещё дышат, а без этого свежего глотка воздуха весь мир давно бы задохнулся.

Как несправедливо человечество! Оно не ставит памятников нам, лучшим из людей, хотя именно мы – соль соли земли, мы – благородный металл в золотоносном песке, именно мы и управляем безраздельно человеческой историей, дёргая смертных за ниточки мелких страстишек, подобно актёру в кукольном театре, властвующему над своими безмозглыми марионетками. О эти так называемые герои, не способные перехитрить даже самые простейшие обстоятельства, жалкие кандидаты на бессмысленную гибель! Все они оказались недостойными величия жизни, но вся бурная победа бытия, торжество осуществлённого желания, ослепительный блеск триумфального шествия тех, кто выживает, – всё это воплощено в нас, предателях, ибо мы и есть вечно бьющееся в неизменном, заведённом богами ритме, сверкающее, ослепительное в своей мудрости и величии Сердце Мира!

А подвиг! Боже мой! Ну что такое подвиг! Подумаешь... Обстоятельства толкают тебя в пропасть, и ты туда падаешь... Вот и весь подвиг!

О все эти гении, пророки, вершители судеб! Как убоги, как банальны все их потуги на гениальность по сравнению с блестящей оригинальностью предательства, в одно мгновение способного изменить мир, свершая великое таинство творческого обновления. Жалкие ничтожества! Да что бы они стоили без нас, предавших в решающий момент, ибо это мы со сверхчеловеческой изобретательностью и мудрой предусмотрительностью ясновидцев роем перед ними рвы и возводим колючие изгороди, заставляя этих лодырей прыгать, рискуя сломать шею, раздирая в кровь лица, руки, сердца. Что гений! Без созданных нами препятствий он словно солонка без соли.

Всех плывущих по течению мы учим идти вопреки! Вызывая самих богов на битву! Против бури обстоятельств! Против самой Судьбы! Идти вопреки! В этом суть предательства, как и всякого величия на земле! Предательство – вот наиболее полное воплощение величия на земле! В деятельности же всех остальных пастырей человеческого стада – пророков, мудрецов, поэтов – чувствуется какой-то жалкий дилетантизм, неистребимая провинциальность духа, вся эта жалкая и лживая плебейская деликатность, словно у кота, блуждающего вокруг раскалённой сковородки с жареным мясом.

Мы, предатели – вот подлинные педагоги, воспитатели и наставники человечества, именно мы превращаем жалких изнеженных ничтожеств, это ходячее двуногое тесто, которых принято именовать великими людьми, – (ве-

ликими! Ха-ха!) – в настоящих мужчин, в закалённых борцов за свои цели. По сути дела, даже не Бог ставит им задачи, нет, не Бог, это мы, предатели, незримые маги внезапного, берём их за руку, словно маленьких детей, и тянем за собой сквозь тернистые заросли роковых предзнаменований, тащим по обрывистым горным тропам Разума, учим чувствовать трепещущую пропасть бездонной судьбы под ногой и терпеливо взбираться, всё выше и выше, к солнцу недостижимого идеала.

Именно мы создаём великих из пыли посредственности, формируем их из аморфного гипса пустяков пальцами препятствий.

Без нас, предателей, пророки – никто! Это мы поворачиваем к ним равнодушный лик Мира.

Лишь наши пальцы оставят зримые следы на посмертной маске Мира.

Предавать и значит создавать, а создавать – предавать! – подумал Иуда и весело рассмеялся. Заметив мягкую траву на обочине, он перекувыркнулся через голову и сделал несколько шагов на руках.

Гении! Герои! Жалкие ничтожества! Ни капли выдумки, не говоря уже о здравом смысле! Когда толкает в спину талант, много ли нужно ума, чтобы идти? Ведь это же дар свыше, а вовсе не их заслуга. Да, да, именно мы, предатели – единственное активное начало во всей Вселенной, пульсирующее сердце Мира. Мы – гении! Мы – демиурги Мироздания!

Мы – подлинные творцы человеческой истории.

И голубая волна ослепительного счастья захлестнула его с головой.

ЛЕГЕНДА

Легенда – облако, отражённое в реке истории. Но оно всё же реальней, чем человек, заблудившийся на берегу безвременья в непроходимом кустарнике пустяков, вдали от зеркальных волн, скользящих мимо и влекущих за собой колеблющуюся явь.

СТАРИННЫЙ ОСОБНЯК

Взгляд, не избалованный примитивными коробками, бетонными ли, кирпичными, современной так называемой архитектуры, невольно останавливается на этом одряхлевшем строении: колонны, выступы, лепка карнизов, разноуровневая крыша. Где один, где два этажа, высокая мансарда. Проходим вдоль стены, вглубь двора, как вдоль петляющего лабиринта. Там, высоко над головой, замурованное окно, словно неподнимающееся веко старика. Другое окно, пониже, заколочено досками. И вот ты уже в другом веке, далеко-далеко от проспекта, переполненного автомобильным потоком. Кованый железный навес над низким крыльцом и массивная дубовая дверь, которую не открывали, наверное, полвека, которая уже и не нуждается в замке. Судорога времени превратила её в мёртвую деревянную гримасу, сквозь которую можно пробиться в дом только с помощью топора и лома и то путём невероятных усилий. А рядом – старчески сморщенный тополь, глухая поросль полыни, непроходимый, печальный, словно вздох, ивняк. Выступ в стене рядом с чёрным входом, за ним – сонная заводь времени. Если время – прозрачная река вокруг нас, которую мы не успеваем рассмотреть, то здесь её вполне можно

ощутить. Давным-давно нет тех людей, но сохранилось слабое излучение их чувств, которое может неожиданно стусниться в некие мимолётные меркнущие фантомы, в призрачные вереницы видений. Вот здесь, быть может, целовались влюблённые, и восторженная нежность, пронизывавшая юные тела, не могла бесследно раствориться в пространстве.

Или, может быть, ссыльный, радушно принятый в этом доме, выходил из гостей, иронически поблёскивая стёклышками пенсне и презрительно усмехаясь в бородку: «Нет, эту громаду не сдвинешь. Мещане. Некому и не для кого совершать революцию!».

И перед его мысленным взором замаячила, слегка покачиваясь, петля на чердаке, но потом он, как и многие, предпочёл замедленное самоубийство водкой.

А здесь вышел покурить студент в форменной дореволюционной тужурке, приехавший на каникулы, и строил планы, как можно скорее бросить сибирскую глушь и отправиться на покорение далёкого, столичного Петербурга, словно Растиньяк – Парижа. «Нет, прожить жизнь нужно ярко! Итак, скорее в Петербург, в Петербург, туда, где кипит свободная мысль и творчество! Прочь это бесцветное прозябание среди безликих обывателей и безнадежных провинциалов!»

И потом долго-долго расхаживал по двору, словно Наполеон в бессонную ночь итальянского похода, когда он принял решение перестать повиноваться и начать повелевать...

УЗНИК

Теперь я ничего не должен народу. Я полностью расплатился с ним пожизненным заключением. Впрочем, может быть, и не полностью, но в настоящее время ничего более сделать для народа не могу. Побег отсюда невозможен. Дни мои сочтены. Чахотка в последней стадии. Врачи отпустили максимум три недели земного бытия. Но это их мнение, а вовсе не моё. Я же собираюсь отныне пожить в собственное удовольствие. Мысль моя свободна, как никогда, её не запереть в одиночную камеру Петропавловской крепости, в отличие от моего брэнного тела. Только кто сказал, что оно брэнное? Мне всего двадцать лет. Я слишком переутомлялся на воле: бессонные ночи, перевозка динамита, листовки, постоянное нервное напряжение, недоедание. Теперь самое время отдохнуть. Будем считать, что правительство поместило меня в бесплатный санаторий. В сущности, я – везунчик. Я избежал смертной казни. Судьи проявили беспроегрышный гуманизм: мне сохранили жизнь, и вместе с тем никаких шансов пережить три недели, я слишком болен. Не было бы никакой надежды даже на самом дорогом курорте, в окружении сонма наилучших врачей. Впрочем, так считают они.

Я же придерживаюсь противоположного мнения. Я всегда считал, что человек – существо по преимуществу духовное. У меня есть возможность прожить всю жизнь даже за эти три недели, но я намерен жить долго. Мысль моя, вылетев сквозь решётки высокого оконца, будет свободно парить, словно орёл, распластавший крылья, над скорбной и счастливой дорогой людей, от сумерек Шумера, лабиринтов Крита, египетских пирамид, до якобинцев и

декабристов, до освобождения Америки, а также в ароматных садах поэзии и прозы, улетая порой полюбоваться строгими колоннами величественных храмов математики и химии.

Сколько людей там, за решётками и затворами, страдают под гнётом нищеты, – совершенно бессмысленное понятие здесь! – или долгов, вздрагивая от шагов на лестнице, в страхе увидеть хмурые лица кредиторов с их скупыми ртами, подобными щели на детской копилке.

Я же ничего не боюсь. Мне оставили жизнь и свободу от всех долгов. И перед всеми.

Подёнщики, наработавшись за день, ломают голову бессонной ночью, как свести концы с концами, а здесь ни концов, ни начал, одна сияющая Вечность, озаряющая звёздным светом тусклые стены камеры.

Здесь на меня явно не нападут разбойники. Стражники в крепости будут бдительно охранять мой покой и благополучие. Я могу мыслить и мечтать. На воле – впрочем, какая же это воля! – у меня не было для этого времени.

Считается, что климат Петербурга убийственен при туберкулёзе. Да, сейчас где-нибудь на набережной франтик в шинели с бобровым воротником, поёживаясь, смотрит на свинцовую рябь Финского залива и хмурю берлогу туч на горизонте, на шпиль Петропавловской крепости, зловещий, словно стилет в руке наёмного убийцы, только что столкнувшего труп жертвы в глубь венецианской лагуны.

Будем считать, что я дышу морским воздухом где-нибудь на роскошном древнеримском курорте, скажем, в Байях... Морской воздух целебен для лёгких... А сырость – что сырость! – на то воздух и морской, чтобы быть влажным...

И вдруг мне представилась весенняя берёзовая роща, вся переполненная солнцем, горьковатый аромат первых липких листочков, большой помещицкий дом с немного облезлыми колоннами, слишком заросший порою парк с липовыми аллеями и столетними дубами и давно не чищенный тёмный пруд с ряской по берегам, и всё это не столько из-за недостатка средств, сколько из-за нашей русской безалаберности. Но зато как прелестно, привольно, радостно, романтично!

А там – пыльная дорога, полёт над землёй, косогоры, переливы колокольчиков на тройке ямщика... И радость, что просторна, как русская песня, и грустна, словно русская радость!

Нет, в мои планы никоим образом не входит умирать, боюсь, на подобные пустыки просто не хватит времени. История так быстро меняется: каких-нибудь четверть века – сущий пустык! – и я перестану быть преступником в глазах совершенно нового общества.

Конечно, еда, мягко говоря, скудная. Ничего, Суворов лечился голодом. Да и сколько бедняков всю свою жизнь питаются немногим лучше! Холод? При низких температурах организм медленнее стареет. Крысы? Что поделать, соседи по планете, может, даже веселее с ними будет в одиночной камере.

А двуногим крысам меня не сломить: они будут подыхать от безделья на курортах, а я выживу здесь. Даже не надейтесь: я переживу вас всех.

Читать, писать – всё запрещено! Я так любил астрономию, а химия всегда

представлялась мне волшебным храмом, входить в который подлинное счастье. Первым делом – восстановить всё, что я знаю! В науках и в искусствах! Последние годы у меня совсем не было времени. Но знаю я не так мало, не зря испортил зрение неумеренным чтением. Значит, судьба, всевидящая судьба! Теперь это особенно пригодится. Мою память прежде считали великолепной, а теперь она даже посвежела от долгого неупотребления на подпольной работе.

Итак, что такое счастье, если не возможность заниматься любимым делом? Значит, нужно особенно беречь время. Минимум сна, максимум радостной работы. Гимнастика – только при повторении иностранных слов.

Сердце переполнено трепетным восторгом, Вечность во мне, значит, я буду жить вечно. Я уже живу, в отличие от существующих. Ещё посмотрим, кто победит: радость во мне или мерзость вокруг. Мерзость мгновенна и бесследна, как выдох, счастливый смысл вечен.

Исход битвы не вызывает сомнений.

Думаю, сама Природа радуется нашей чистой радости.

Человек, если он человек, пока жив, всегда – победитель!

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ПАРКЕТ

Из рассказов Мюнхгаузена

Русские войска вступили в Турцию. Однажды в перерыве между жесточайшими сражениями я решил немножко развлекаться и поехал на охоту.

Не припомню дня более злополучного. Неудачи преследовали с самого утра. На лесной полянке мне удалось подкрасться к великолепному оленю, и, уже предвкушая ароматное жаркое, я выстрелил ему прямо в лоб. На мою беду, пуля попала в пролетавшего комара и со звоном отскочила в сторону. Надо вам сказать, что комары в той местности водятся двух разновидностей: медные и бронзовые. В другой раз серебряные бабочки приняли мою пулю, предназначенную пробежавшему зайцу, за шмеля и, затеяв с ней весёлую игру, увлекли куда-то за собой. Разочарованно смотрел я, как пуля, беспечно порхая, кружилась в изысканной компании мимолётных мотыльков.

Усталый и голодный, возвратился я в заброшенный дворец турецкого вельможи, своё временное прибежище. Когда я проходил по скрипучему паркету гостиной, печально пропела заплаканная мелодия, удивительно точно выражавшая моё сердечное смятение. Мне почудилось, будто бродячий скрипач зарабатывает себе на хлеб. Порывшись в кармане, я вынул последнюю серебряную монетку, оставшуюся от вчерашнего жалования, но, выйдя на балкон, никого не обнаружил внизу, сколько ни всматривался в ароматные сумерки.

Странно! Кто бы это мог быть? – подумал я. Как вы знаете, я человек, привыкший побеждать в жизни величайшие трудности. Едва завидев меня, все они, за исключением нескольких упрямыц, бросаются на колени и униженно молят о пощаде:

– Господин барон, мы больше никогда не будем, мы больше никогда-никогда не будем так поступать, – униженно тянут они жалобными голосками.

Человек доброго сердца, я обычно прощаю.

Утром я и думать забыл о вчерашнем унынии. Проснувшись от того, что любопытное солнце изо всех сил стремилось заглянуть под мои ресницы, я бодро выбежал из спальни, намереваясь возобновить охоту.

При моём появлении гостиная разразилась бравурным маршем. Тогда я сразу догадался, что паркет чудесным образом выражает настроение ступающего по нему человека.

Эта загадочная особенность помогла мне однажды сохранить свободу, а быть может, и саму жизнь. Турецкий военачальник убедился, что пока я сражаюсь на стороне его врагов, ему не видать победы, как своих ушей. Собственно, даже увидеть свои уши было для него не так-то просто. Во всей Турции, надо вам заметить, имеется лишь одно зеркало, и висит оно, естественно, в спальне любимой жены султана.

Итак, мой ненавистник выбрал несколько самых коварных и свирепых своих слуг и приказал им доставить меня в турецкий лагерь живым или мёртвым.

Глубокой ночью, когда я крепко спал, меня разбудил внезапный шум, способный поднять на ноги даже мёртвого. Мой незащитный слух был буквально истерзан грохотом и лязгом хриплоголосой, невероятно варварской и кровожадной музыки. Если бы какому-нибудь досужему композитору вздумалось сочинить гимн палачей, он не мог бы, по моему разумению, звучать иначе.

Сразу поняв, в чём дело, я распахнул дверь и выстрелил одновременно из двух пистолетов. Злобные лазутчики в страхе бежали, позабыв у порога гостиной свои остроносые турецкие туфли и думая, вероятно, что сам аллах против них, хотя это был обыкновенный паркет, который расстроил страшные замыслы моих врагов и сделал тщетными все меры их предосторожности.

Александр Алексеевич Соловьёв родился 23 сентября 1940 года в крестьянской семье села Печенкино Шарьинского района Костромской области. Учился в Печенкинской семилетней школе, Ветлужском лесотехническом техникуме Горьковской (Нижегородской) области и Уральском госуниверситете имени А. М. Горького в Свердловске. Начиная трудовой путь в Карелии и Кузбассе – слесарем, автомехаником. Служил шофёром, танкистом и военкором в Северной группе войск за границей (в Польской Народной Республике).

Член Союза журналистов с 1962 года. Работал в томских газетах «Красное знамя», «Томский вестник», собственным корреспондентом центральных газет – «Известий» (в Томске, Кемерово и Вологде) и «Крестьянских ведомостей» (в Вологде и Томске). С 2002 года – собкор газеты «Российская кооперация».

Автор книг: поэтических – «Ты мне поверь» (1970), «Возвращение дождя» (2000), «Заря вечерняя горит» (2005), «Зимние звезды» (2008), «Осеннее равноденствие» (2015) и очерковых – «Коломинские встречи» (1983), «Круги на земле» (2005), «Коренные люди» (2009), «Безвременье» (2015).

Умер в Томске 31 мая 2016 года.

Александр СОЛОВЬЁВ

ГОЛУБИ НАД КАЗАРМОЙ

ДЕТИ ВОЙНЫ

Помним клеверный хлеб
И картошку с оттаявшей пашни,
Над которой орало, кружась, вороньё.
Нам война налила горя полную чашу,
И до дна мы с тобою испили её.

* * *

Когда беда повиснет надо мной,
Скажу «Россия» – силы прибывают.
Я не умру, я разорвусь струной,
Тебе, Отчизна, песню отдавая!

ТАНК И ДЕТСКАЯ КОЛЯСКА*С. Михалкову*

Он полз большой чугунной глыбой,
Стараясь меньше выть и лязгать.
А возле с первой улыбкой
Катилась детская коляска.
Контраст?
Но тишина планеты
Легла на броневые плечи.
Малыш, возможно, знает это,
И беззаботное лепечет.

О ПОЛЬЗЕ СТИХОВ

Я прочитал стихи в солдатском клубе.
Я призывал стрелять наверняка.
Друзья на комплименты были скупы,
Они не любят ловкость языка.

А утром с ними я стрелял и ползал,
И ротный улыбнулся от души:
«Стихи тебе, как вижу я, на пользу.
Стрелял неплохо. Не робей – пиши!».

БЕРЁЗКИ ПОД ОСВЕНЦИМОМ*С. Орлову*

Здесь в войну земли родимой горстку
Раненный танкист наш обронил.
А из горстки той взошла берёзка,
Вы-ка-раб-ка-лась из-под брони.
На судьбу кудрявая не ропщет.
Польская земля ей – не свекровь.
И таких берёзок в Польше – рощи!
И течёт в их жилах наша кровь.
Выросли и обрели весёлость,
Отряхнув с ветвей налёт золы.
Русские берёзки – это совесть,
Это свет, идущий из земли!

ЗВЕЗДА РОССИИ*Памяти Н. Рубцова*

Звезда России!
Ты высоко
Горишь над снегом и жнивьем,
Над ожиданьем тёмных окон,
Над покосившимся крестом.

Как лучезарно ты сияла
В салютах праведных побед!
Как ликовали россияне
И сами излучали свет!

Теперь ты где-то там во мраке
Идущих с ночи облаков.
Но что погасла – это враки
Слепых от зависти врагов.

Звезда России!
Ты нетленно, недосягаемо для зла
Горишь во глубине Вселенной,
Как материнский взгляд – светла.

И не для тех, кто алчет крови, –
Горишь ты для своих детей.
Душа моя в спасенье ловит
Тепло и свет твоих лучей!

ГОЛУБИ НАД КАЗАРМОЙ

В небо мы задирали головы
И глядели во все глаза:
Над казармой гражданские голуби
Вытворяли свои чудеса.
То взмывали с ракетной скоростью,
То вдруг падали кувырком...
Старшина генеральским голосом
Нас на землю вернул: «Кру-гом!».

Мы шагали по плацу, унылые,
Вспоминали про детские дни...
Чуть подняли глаза – сизокрылые!
Перед нами опять они!

Молодые, смешные, азартные –
Выкамаривают что хотят,
С шумом носятся над казармами
И расстраивают солдат.

ГЛАВНЫЕ ПЕСНИ

В настоящих боях не бывали,
Но военные песни поём
Так, как будто и мы воевали
И лежали в снегу под огнём.

Может, то, что рождало на фронте
Эти главные песни страны,
В нашем сердце, как порох в патроне,
Затаилось до новой войны?

ГРАНИЦЫ

Границы Родины – границы
Моей души, моей любви.
Через болота и криницы
Они багряно пролегли.
И если недруг те границы,
От крови красные края
Затронет – гневом возгорится
Душа моя, любовь моя.

МОЙ ДОМ

Всё!
На пьедестал или на плаху!
Середина – это ерунда...
Я надену красную рубаху
И поеду строить города!
Нарисую дом – и сам построю,
Мастерством обязанный любви.
Окна настежь в комнаты раскрою,
Чтобы в них влетали соловьи.
Ручеёк в овраге залопочет,
Зацветут сады...
Краса и тишь!
И, возможно, кто-нибудь захочет
Жить в моём заветном, кроме птиц.

Но оставлю надпись на воротах
Я для всех входящих в этот дом:
«Если вы хоть только раз соврётё,
Дом сгорит, и вы сгорите в нём!».

* * *

Служить России нелегко...
Она не требует как будто
Тебя до капельки всего
И не тревожит поминутно.

Живи – как совесть повелит.
Трудись – как позволяют силы.
Но лишь настолько ты велик,
Насколько есть тебя в России.

МАТЬ ПОБЕДЫ

С троими сыновьями на руках
Она отца в то лето провожала.
Клубилась пыль дорожная, как прах,
А мама за подводой всё бежала.
Исчезли в окнах горестных огни,
На улицах исчезли хороводы,
И потекли в сплошной работе дни,
И потянулись в ожиданье годы.
Ох, мама! Как работала она!
Косила, молотила и пахала
На полюшке колхозном дотемна,
А после дома ткала и стирала.
К Победе шёл отец – редела мгла.
И мать к Победе шла не по сторонке.
Она её под сердцем берегла,
Носила и кормила, как ребёнка.

У Родины немало славных дат,
Великие мы испытали беды.
В войне стал Победителем солдат,
И рядом с ним навечно – Мать победы!

...В кладбищенском лесочке тишина.
Отец и мать лежат, как жили, – рядом.
И листьев золотые ордена
Слетают на единую ограду.

Николай КИРИЛЛОВ

ВСТРЕЧИ

Георгий Марков

Среди известных томичей в 60–80 годы прошлого века выделялась фигура писателя, прямо скажем, знаменитого – Георгия Мокеевича Маркова.

Георгий Мокеевич родился в деревне Ново-Кусково Асиновского района. Был охотником-промысловиком. Затем сельским избачом. Написал это и подумал: кто теперь знает это слово? Ещё в тридцатые годы власть в лице сельского совета договаривалась с хозяином просторного дома в каждой деревне о том, что из районной библиотеки будут привозить книги для всех желающих читать. Такой дом назывался «избой-читальней». А человек, выдававший книги, – избачом.

Пришлось однажды мне побывать в той избе, где жил будущий писатель. Назывался тот дом пятистенком. Четыре стены, разделённые пятой стеной на две неравные половинки. Ездил я туда вместе с классиком советской литературы Сергеем Михалковым. Этот домик и деревня и стали тем местом, где родились замыслы книг, где жили их герои. О своей малой Родине, о своих томских корнях Марков никогда не забывал, он приезжал в Томск. В деревне жили его родные. А к своему дяде он ездил на охоту.

На втором курсе университета историю советской литературы нам читал профессор Николай Фёдорович Бабушкин. От него я впервые услышал о писателях-сибиряках. И прежде всего увлекательный рассказ о Маркове. Они дружили. Марков поддержал создание в Томске писательской организации, а Бабушкин стал её первым председателем.

Жизнь так сложилась, что пришлось мне и самому встречаться и общаться с Георгием Мокеевичем.

Я тогда работал в обкоме партии. Это было в конце семидесятых. «Вас приглашает Юрий Кузьмич. Просит зайти к нему», – сообщили из первой приёмной. Вхожу. «Мы пригласили в Томск Георгия Мокеевича Маркова. Он едет к нам на поезде Москва – Новосибирск. В Новосибирске его встретят наши товарищи Роман Михайлович Романов и Вадим Макшеев».

Потом я узнал, что Лигачёв отправил их встречать писателя на представительской «Чайке». Много лет она стояла в гараже. И никто на ней не ездил. Это был её первый выезд.

Кстати, три года назад я увидел эту «Чайку» на Сабантуе, татарском празднике, в деревне Чёрная речка. Я заинтересовался, не та ли это «Чайка». Оказалось – та. Познакомился с хозяином. Оказывается, её приобрёл известный в Томске коллекционер из Заистока Идрис Абдулович Мухутдинов. Он демонстрирует её на татарских праздниках вместе со старинными самоварами, утюгами и прочими предметами из его коллекции. А Лигачёв подчеркнул

своё особое уважение к писателю. Мне Юрий Кузьмич сказал: «Бери «Волгу», встретишь Маркова на границе области, у деревни Алаево. Кваса возьми с собой».

Был жаркий летний день. Но когда я приехал к Алаево, там шёл дождь. Примерно через сорок минут подъехала «Чайка», вся в грязи. В Кемеровской области тоже лил дождь, асфальта ещё не было. Разбитые дороги проходили через деревни, грязь первобытная. А от Алаево до Томска уже был проложен асфальт. Так что в глазах Маркова наша область выигрывала.

Когда мы все вместе вошли в кабинет Лигачёва, Георгий Мокеевич позвонил первому секретарю в Кемерово, пристыдил за дороги и сказал: «Бери пример с томичей. У них асфальт, а у тебя грязь несусветная».

Я забежал немного вперёд. В Алаево угостил я Маркова квасом, сказал ему, что Юрий Кузьмич квас прислал. Он посмеялся: «Не припомню что-то, чтобы меня квасом где-то встречали». Но квас ему понравился. Запомнился и разговор с ним, это был очень оживлённый диалог. Писатель многим интересовался. Он поблагодарил и похвалил меня за исчерпывающие ответы.

Удивительно, но факт: эта встреча имела для меня продолжение. Через несколько лет она позволила мне повстречаться с очень известными людьми.

Сергей Михалков

Летом 1989 года раздался звонок. Я тогда был секретарём Томского обкома КПСС.

– С вами говорит Сергей Михалков, секретарь Союза писателей СССР.

– Сергей Владимирович, я хорошо вас знаю, воспитан на ваших стихах.

– Спасибо, Николай Петрович. Некоторые члены Союза писателей предъявили обвинения нашему председателю Маркову в том, что он в Асино отстроил свою усадьбу, она богаче, чем Ясная Поляна. Это правда? Я знаю, что там ограду и ворота отремонтировали. А то деревенские коровы посещают. Союз поручил нам побывать в Томске в родовом доме Марковых.

Я рассмеялся, так как знал этот домик. В деревне такой дом испокон веков называется пятистенком.

– Мы хотим посмотреть, завтра вылетаем вместе с секретарём Союза писателей России Алексиним.

Утром, в 7 часов, я встретил их московский рейс. Сообщил, что гостиница заказана. Первый секретарь обкома В. И. Зоркальцев просил их посетить его.

– Спасибо! Если можно, мы хотим ехать сразу. Вернёмся, посетим. Ещё какие предложения?

Я сказал, что люди нам не простят, если два таких известных писателя не встретятся с земляками Маркова.

– Согласны. Где будем встречаться?

– В Ново-Кусково и во Дворце пионеров в Томске.

– Принимается.

Сели мы втроём в обкомовскую «Волгу» и покатали. Я знал, что Михалков очень высокий, «дядя Стёпа». Но он оказался выше, чем я себе представлял.

Думаю, что рост его был больше двух метров. Он сказал, что «Волга» для него удобная машина. Отрегулирую, мол, сидение и всё будет хорошо.

– У меня к вам есть предложение, – продолжил разговор Михалков. – Журнал «Огонёк» попросил меня подготовить статью о встречах со Сталиным, о работе над гимном СССР. Я вам буду рассказывать содержание задуманного мной текста, а вы сделаете мне замечания.

Я обрадовался, подумал, как мне повезло: из первых уст узнаю о истории гимна, услышу оценки Михалковым Сталина.

– Со Сталиным я встречался трижды, – начал рассказывать он. – Первый раз ещё до войны, когда мне вручали орден Ленина и премию. Второй раз, когда меня отозвали с фронта, не объяснив, зачем меня отзывают. А в третий раз в 1949 году, когда Сталин пригласил группу писателей на встречу с Мао Цзэдуном. Это было в дни работы над текстом гимна.

В то лето асфальтировали дорогу до Асино. Были объезды по полям и покосам. До райцентра ехали почти два часа. Всё это время Сергей Владимирович излагал свой будущий текст. То, что я запомнил, вернувшись в Томск, записал в свою записную книгу. Потом ждал, когда это будет опубликовано. В целом рассказ сохранился. И я не буду пересказывать текст, который был опубликован в журнале «Огонёк». Заметил некоторые отличия. Например, в устном рассказе не было упоминания о прослушивании текста и музыки гимна в Большом театре.

Потом мы узнали, что Михалков и Регистан были приглашены в правительственную ложу за накрытый там стол. Здесь же были члены Политбюро. Сталин попросил Михалкова почитать стихи, и Михалков читал «Дядю Стёпу», другие детские, весёлые стихи. Сталин смеялся до слёз.

Зато я не увидел в тексте той части рассказа, где Михалков говорил о своих переживаниях. Переживал, когда его отозвали с фронта, поселили в гостиницу «Метрополь», и он оказался в полной неизвестности. Пока не принесли новенькую, только что пошитую офицерскую форму, не успокоился.

Пора вернуться к нашей поездке в Ново-Кусково. В Асино к нам присоединился Александр Дмитриевич Колтыков – первый секретарь Асиновского горкома партии. Он на своей машине поехал впереди. Без остановок мы подъехали прямо к «родовому поместью» семьи Марковых. Была середина лета, территория по колено заросла травой, лопухами.

Я даже начал выговаривать Колтыкову, почему так запустили усадьбу. А Михалков с Алексиным повеселели, стали шутить. Видимо, наветы и травля Маркова его оппонентами серьёзно их беспокоили.

Колтыков предложил зайти в дом. На двери висел замок, но был не закрыт. Убранство соответствовало началу XX века. Домотканые половики, сундук, посуда в основном глиняная – чашки, крынки, несколько металлических кружек с ручками. Самыми ценными вещами, как мне показалось, были два утюга, начищенный самовар и швейная машинка «Зингер», как оказалось, не в рабочем состоянии.

– Ну, Ясная Поляна, – сказал Алексин.

Поехали в Новокусовский дом культуры, в библиотеку. Марков эту библиотеку обогатил, передал 20 тысяч книг из личной коллекции.

Входим в фойе. Мне показалось подозрительно тихо. Я начал беспокоиться: неужели не собрались. Но ещё не вошли мы в зал, как раздались оглушительные аплодисменты. Помещение было битком набито людьми. Ребятишки сидели впереди прямо на полу. Я не знаю, как передать ту атмосферу восторга, уважения, обожания.

– Вы меня знаете?

– Да! – взревел зал.

– Хорошо. Тогда я буду вам читать стихи. «Дело было вечером, делать было нечего».

И произошло нечто. До сих пор не знаю, как это объяснить! Весь зал начал хором поддерживать Михалкова. Вот написал это и сам удивился, можно ли читать стихи хором. Но так и было! Я не считал, сколько он прочитал стихов. Но все вместе с ним читали хором наизусть. Наши сибирские, деревенские дети знали Сергея Михалкова наизусть. Феноменально!

Поэт подробно рассказал, зачем и почему он приехал на родину Маркова. Взрослые и дети его внимательно слушали. Появились букеты полевых цветов. И одна девочка сказала, что Марков любил огоньки. И добавила: «А потом васильки». «Видимо, она имела в виду, что огоньки появляются раньше» – подумал я.

Возвратились в Томск, повстречались с Виктором Ильичом Зоркальцевым, пообедили вместе.

Елена КЛИМЕНКО

СИБИРСКИЙ СЛЕД ЛЕНИНГРАДЦА

Мой отец, Виктор Степанович Клименко, по окончании историко-филологического факультета Томского университета в 1958–59 гг., работал в районной газете «Заветы Ильича» в селе Первомайском (тогда ещё Пышкино-Троицком) Томской области, где и познакомился с журналистом из Ленинграда Виктором Бузиновым. Бузинов В. М. позднее, вернувшись в Ленинград, стал известным радиожурналистом, издал два тома путеводителей.

Когда летом 2018 года я собралась посетить Санкт-Петербург, отец поручил мне разыскать Бузинова и его книги. Выяснилось, что В. М. Бузинов, увы, скончался в 2006 году. А книг его не достать. Но я прониклась масштабом личности В. Б.

Привожу текст письма отца с воспоминаниями. В конверт была также вложена фотография с надписью на обороте «В. Клименко, тому, с кем никогда ни в чём не был согласен, но всё-таки любил. В. Бузинов».

ПИСЬМО

*Виктора Степановича Клименко (хутор Железный Усть-Лабинского района Краснодарского края) Елене Викторовне Клименко (г. Томск)
от 23.10.2018*

«...Летом 1959 года я был выпущен из университета. Как положено было, поехал отрабатывать. Попал в Альмяковскую среднюю школу Пышкино-Троицкого района (ныне Первомайский). Итак, у меня был 1958–59 годы – полный учебный год.

Однако в августе 1959 года меня позвал в газету «Заветы Ильича» Виктор Буторин, и я перебрался в райцентр.

Второй в жизни учительский учебный год – 1959–1960 – меня числили литработником районной газеты.

По закону такого перевода не могло быть (ещё не отработал!). Однако было, только нигде о том не записали. Я числился учителем и давал уроки в Беляевской вечерней школе. И только потом с этой должности (на третьем учебном году) перевёлся в штат районо инспектором.

Поскольку я не учил детей и не имел опыта в этом сложном деле, то мне поручили учить учителей. Контролировать их работу.

Бузинов Виктор Михайлович был прислан из Ленинградского университета отрабатывать (по специальности журналиста) в районной газете. Так и случилась наша встреча, где-то в 1959–1960 годах.

По-моему, осенью 1959 мы с В. М. отмечали день рождения его, сидя на полянке, вблизи воды и редакции.

Мы открывали баночки со шпротами, которые прислала ему мать из Ленинграда. В тихий солнечный день. Как журналист я был безграмотен (по сравнению с ним). Но я и не спорил.

В какой-то из месяцев я написал тогда стихотворение «Доярка» о выпускнице 10 класса районной школы Полине Борило.

Не было в районе человека, который бы не читал это стихотворение. Особенно среди школьников. Девушка совершила подвиг. После 10 класса из-за парты шагнула прямо в доярки. В своём колхозе, в деревне Ломовицкая. Бузинов поддержал мою удачу в этот и единственный раз. Потом всё браковал. Стихи, конечно. О кормлении коров не спорил.

Однако и мне удавалось выручить Бузинова.

Вообще-то в нашем районе Бузинов никому не был нужен. Ему никто не помогал, не заботился о его бытовых сложностях.

Бузинов сдружился в газете с мотористом мини-электростанции, которая обслуживала газету. Моторист жил через дорогу от редакции и имел мать-одиночку. Моторист предоставлял Бузинову койку в своей комнатке. И всё шло благополучно. Квартирный вопрос не возникал. Пока моториста не призывали в армию. Тут хромая старуха заявила, что выходит замуж. И указала на дверь.

Председатели колхозов района, рубившие молодую сосну на «дрючок» [дрючок – толстая палка, жердь – словарь Д. Н. Ушакова] и продававшие его в Казахстан, могли порадоваться: молодому журналисту некуда было деваться. А то Бузинов прищучил их в нарушении закона, звал на помощь областные газеты.

Бузинов несколько раз делил мою кровать, подкатываясь под бочок. Хозяйка шла навстречу.

Потом от мужа ушла заведующая детсадом, и Бузинов подселился вместо неё. Но заведующая однажды вернулась. Дело было глубокой ночью, когда свет вырубил по графику. Она с руганью трясла дверь, требовала впустить в дом.

Муж открыл. Она метнулась к кровати с Бузиновым и давай охаживать его поленом. Приняла гостя за любовницу. Тот подхватился и убежал. Естественно, ко мне.

Потом Виктор Михайлович сошёлся с молодым парнем, районным судьёй. Тот имел квартиру с женой-учительницей. Его охотно приютили. Но дело в том, что кроме судьи и его жены в квартире никого не было. И когда судья уезжал в командировку, Виктор Михайлович приходил ночевать ко мне, чтобы не компрометировать дружескую семью.

В конце концов Бузинов съехал в Томск. В «Молодой ленинец» (томская областная молодёжная газета – Е. К.). А я в свои дела окунулся. Даже избу купил. В рассрочку.

Ещё работая в школе, присмотрел девушку. Собирался с мыслями, с силами. Девушка была болгаркой.

На лесопункте имелось подсобное хозяйство. Школа помогала картошку копать этому хозяйству, а директор организовывал обеды помощникам. И я присмотрел смуглую молодую повариху. Да ещё подружился с директором. У директора была дочь в 10 классе. Людмила. Директор подумал, что я зятем стану, и мои посещения поощрял.

Не успел я как следует познакомиться со смуглянкой, как её ссыльной семье разрешили вернуться на Западную Украину. Поездку на Украину отложил до лета. И съездил. Нашёл я забытую богом деревеньку. Прокатился из Новороссийска на пароходе «Крым». Сошёл в Одессе. Пересел на железную дорогу, маршрут Одесса – Одесса.

Попутно заглянул в районную столовую с. Бородино. Угостили меня здесь наваристым борщом с мясом. Такого борща я отродясь не ел ни до, ни после.

Погода была тёплая, тихая. А дни везучие. Довезли они меня до просёлочной дороги с тремя переходящими один в другой поселениями окнами на север. По одной лишь фамилии отыскал я след Софьи Карагяур, и её самую...

Никого не испугал. Приняли сочувственно. Но просили извинить: «Софья в ближайшие дни выходит замуж». Не прятали, не прятались. Софья подошла к перекрёстку дорог. Я перемахнул через борт грузовика-попутки. Софья махала с обочины мне рукой, пока я не утонул в клубах пыли.

Последний раз я видел Бузинова В. М. у него на квартире [в Ленинграде – Е. К.]. И ужинал, и ночевал. В тесной двухкомнатной. А был я уже не один.

Удивлялись мы с Валентиной [третьей женой В. К. – Е. К.] бытовой несообразности. Дверь холодильника подперта снаружи, по частям собрали и старый диван на ночь. В. М. организовал экскурсию. Подсунул я ему свою местную публикацию из «Сельской нови» – «Мужское дело» (из повести «Первые уроки»). Заглянул в редакцию журнала «Нева». Там придумали свой предлог для отказа (рассказ «Удача»).

Бузинов с отработок вернулся в Ленинград. Осуществил свою мечту. Мечтал он жить дома. Хоть двери открывать у престижной конторы. Двери, конечно, для приёма посетителей он не открывал. На момент нашего посещения он состоял на должности заместителя директора Ленинградского радио и телевидения. Жена была редактором какой-то газеты. Они соревновались друг с другом как журналисты...».

ИЗ НЕКРОЛОГА

«Тень моя на стенах твоих» – эта ахматовская строка более чем уместна, когда разговор идёт о жизни и работе Виктора Бузинова, истинного исследователя, открывателя, летописца нашего города.

Людам свойственно, к сожалению, редко замечать окружающее нас: бежим по своим делам, спешим, торопимся, и в торопливости этой лишь вскользь смотрим на привычную уже красоту домов, набережных, проспектов. А Бузинов был любителем неспешных прогулок, вдумчивым, внимательным, преданным. Как много рассказал он нам, своим радиослушателям. Его передачи часто заканчивались словами: «Об этом – в следующий раз». Как горько, что не будет теперь следующего раза. Что жизнь оборвалась. На ходу. Кто продолжит дело его жизни? Найдётся ли в нашем журналистском сообществе человек, с такой же силой любви, как Бузинов, рассказывающий о городе? Потери тем ужасны, что они невозполнимы...

Татьяна АРТЕМОВА

ПОСЛЕСЛОВИЕ

А голос ещё будет звучать...

Утром 4 марта 2006 года ушёл из жизни Виктор Бузинов. Владелец Золотого пера и диплома Академии журналистики, дипломант премии имени Екатерины Романовны Дашковой, лауреат Анциферовского конкурса, член Всемирного клуба петербуржцев. Не стало мальчика, родившегося на Васильевском, талантливого журналиста, тонкого и умного собеседника. Но продолжают звучать в эфире радио «Россия» записанные им «Прогулки по Петербургу». Журналистский капитал, за редким исключением, вещь невесомая. Если говорить о накоплениях. Но «Десять прогулок по Васильевскому» и «Дворцовая площадь» с пометкой «неформальный путеводитель» – эти две книги, написанные Виктором Бузиновым, будут жить долго. Столько, сколько предстоит жить нашему городу и звучащему в нём языку. Безмерно талантливый, остроумный и ироничный, он возвращал нам утраченные слова и оброты. «Четверть часа пополудни», так назывался любимый всеми цикл его передач.

После Прогулок по Васильевскому, давших имя книге, появились Прогулки по Петербургу. Потому что он был профессионалом и необыкновенно много работал. И хотя не заслужил высоких орденов, огромному числу людей, которых называют радиослушателями, будет очень не хватать его голоса и его рассказов о Петербурге, который он любил. Спросите своих знакомых, тех, кто слушает радио. Они обязательно знают это имя. И если бы было у нас звание «Народного журналиста», как бывают «Народными» артисты, Виктор Бузинов в своём городе получил бы его по праву. Потому что искренность и любовь к тому, о чём рассказываешь, ни с чем спутать нельзя.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Здравствуйте, уважаемая редакция журнала «Начало века»! Хочу сказать большое спасибо за очерк «Ждите, я вернусь!», опубликованный в 3-м номере за 2024 год. И не только потому, что очерк обо мне и хорошо написан. Главное, что журнал поднимает темы СВО, выступает с патриотических позиций, говорит правду о том, что происходит.

Как человек, побывавший во многих горячих точках, могу сказать со всей ответственностью: тем, кто сегодня воюет за Россию, и простым бойцам, и генералам, важно чувствовать поддержку, знать, что за них болеют, их ждут. Это даёт силы и веру, помогает побеждать. Поэтому то, что делает ваш журнал, дорогого стоит. Спасибо, что пишете о войне, о простых солдатах, публикуете стихи участников СВО. Благодаря вам нас, фронтовиков, слышат, и это здорово.

Желаю редакционному и авторскому коллективу журнала здоровья, удачи, новых творческих достижений.

Игорь Батрагареев

В рамках Дней славянской письменности и культуры в Томской области состоялся традиционный, седьмой по счёту, областной литературный конкурс «СЛОВО – 2024». Организаторами конкурса выступили Томская митрополия Русской Православной Церкви, Томское отделение Союза писателей России и Томская областная универсальная научная библиотека имени А. С. Пушкина. В жюри вошли поэты и прозаики – члены Томского отделения Союза писателей.

Конкурс собирает людей разного возраста и опыта. Для кого-то он – первые шаги в области литературы, для кого-то – возможность пообщаться с единомышленниками и научиться чему-то новому.

В этом номере мы публикуем произведения победителей в номинациях «Проза» и «Поэзия», в том числе – творчество не только старших и более опытных авторов, но и юных участников. Хотелось надеяться, что каждый из авторов найдёт своих читателей и воспримет факт публикации как стимул к дальнейшему развитию. Ибо ходить учатся идучи.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОЗА

Людмила КУТЕРГИНА

ТАК ЗАЧЕМ ЭТИ НОВЫЕ ВОЙНЫ?

Отрывок из повести «Горький мёд»

Василина погрузилась в спокойный сон. Однако не прошло и несколько часов, как перед её взором начала разворачиваться трагическая картина. Прозвучавший в голове взрыв буквально подкинул женщину в кровати.

Она сидела оглушённая криками очевидцев трагедии, не понимая, явь это или сон. Василина «смотрела» на тела четверых одетых в одинаковую спецформу мужчин, которые лежали без движения, разбросанные в разные стороны взрывной волной. Это не была картина Великой Отечественной войны, всё происходило «онлайн».

Лина прижала руку к сердцу, которое готово было выпрыгнуть из груди. Она не могла освободиться от чувства, что не просто видит кровавую драму, но даже чувствует запах крови, которая была повсюду. Василина Алексеевна наблюдала, как появились люди в такой же форме, как у пострадавших (их лица тоже скрывали маски) и, эмоционально жестикулируя, начали быстро осматривать лежащих без движения мужчин.

Результат осмотра был неутешительным, только одного перенесли в машину с красным крестом. Когда врач закрывал дверцу машины скорой по-

мощи, на миг стало видно тело мужчины, лежащего на носилках. Он был уже без маски. На окровавленном лице отсутствовали признаки жизни. Сердце Василины сжалось от боли так, что она застонала. Даже сквозь грязь и кровь Лина узнала Доната Сергеевича.

Звук закрываемой дверцы машины скорой помощи вывел Василину Алексеевну из состояния шока. Она с трудом выровняла дыхание, чтобы можно было логически мыслить. Что это было? Во рту до сих пор чувствовался привкус крови. Ей казалось, что сейчас она умирала вместе с Донатом.

Лина медленно подошла к зеркалу, боясь поднять глаза, затем всё же посмотрела на своё отражение и поняла, что не ошиблась. Мертвенно бледное лицо с каким-то потусторонним взглядом смотрело на неё из зеркала. Не в силах стоять, женщина присела на пуф, находящийся рядом. «Фантазия не могла быть столь реалистичной... Донат не может быть на СВО...» – мысли возникали в голове быстрее, чем она способна была их осмысливать. Вдруг Лина вспомнила эмблему на форме погибших и, быстро встав, направилась к компьютеру, собираясь узнать, что она означает.

На её запрос компьютер выдал следующее: «Эмблема спецназа представляет собой изображение автомата в кулаке на фоне красной звезды с жёлтой окантовкой, благодаря этому всегда можно отличить бойца войск специального назначения от других солдат. Сегодня под названием «спецназ» находятся три основные группы: подразделения разведки, спецназ против террористов и так называемый «свободный» спецназ, который выполняет задачи разного рода...».

Василина Алексеевна ничего не понимала, а следовательно, коль нет объяснений, значит, необходимо было просто успокоиться. Однако как бы она ни старалась забыть страшный сон, он не выходил у неё из головы и, как только начался рассвет, женщина заказала такси для поездки в пригородный храм. Ей хотелось поскорее освободиться от тяжести в груди, от увиденного и прочувствованного ночью.

Чем ближе такси подъезжало к храму, тем тревожнее становилось Василе. То, что дома казалось сном, сейчас обретало реальность, от которой хотелось волком выть. Накинув на голову косынку, Лина поспешила внутрь, надеясь там обрести душевный покой. Однако стоило ей прикрыть за собой входную дверь, как её накрыло волной страха за жизнь любимого человека, а слёзы градом потекли по щекам. Женщина почти рухнула на колени перед распятием Христа со словами:

– Господи, если это правда, спаси его, а если не можешь, возьми мою жизнь взамен, только чтобы он жил!

Слёзы душили, не давая опомниться. Вдруг ей на плечо легла чья-то рука, и она услышала строгий мужской голос:

– Не гневи Бога.

Василина Алексеевна подняла голову и встретилась взглядом с отцом Александром.

– Он умирает. Я не смогу без него жить. Пусть лучше я, – прошептала Лина сквозь слёзы.

– Не гневи, – вновь повторил отец Александр. – Вот возьми, – в руку женщине лёг бумажный листок. – Молись и верь. От веры зависит всё.

Василина, развернув лист и пробежав глазами начало молитвы, неожиданно почувствовала, как разум начинает светлеть, появляется уверенность, что её слова обязательно будут услышаны богом. И она начала неистово молиться:

«О Господь мой, Создатель мой, прошу помощи Твоей, даруй исцеление рабу божьему Донату, омой кровь его лучами Твоими. Только с помощью Твоею придет исцеление ему. Прикоснись к нему силою чудотворною, благослови все пути его ко спасению, выздоровлению, исцелению.

Подари телу его здоровье, душе его – благословенную лёгкость, сердцу его – бальзам божественный. Боль отступит, и силы вернуться, и раны заживут его телесные и душевные, и придет помощь Твоя.

Лучи Твои с Небес дойдут до него, дадут ему защиту, благословят на исцеление от недугов его, укрепят веру его.

Да услышит молитву сию Господь. Аминь».

Василина Алексеевна не знала, сколько времени прошло и сколько раз повторила молитву, стоя на коленях, но судя по тому, что спина затекла, а текст женщина произносила уже наизусть, времени прошло много. Когда Лина, наконец встала, то почувствовала, что отчаяние сменилось надеждой, что Донат Сергеевич не умрёт.

Не важно, что им не суждено быть вместе, главное, любимый человек будет жить.

Значит, будет жить и она.

* * *

...«Это только в сказках любовь побеждает всё. На деле эта любовь приносит столько боли и непонимания, что лучше бы её совсем не было. Подпишу заявление, и пусть катится ко всем чертям! – пытаюсь справиться с эмоциями, думал Донат Сергеевич. – Даже террористов победить было проще, чем сейчас одержать победу над чувствами. Там, по крайней мере, всё было ясно: где друг, а где враг».

Тяжело вздохнув, генеральный директор заставил себя вернуться к делам. Работа всегда выручала в трудной ситуации, выручила и сейчас. Некогда было отвлекаться «по пустякам», и Донат Сергеевич приступил к подготовке совещания, стараясь при этом обойтись без помощи заместителей. Поэтому в течение дня генеральный директор ни разу не встретился с Василиной. С работы она тоже ушла, избегая встречи с ним.

Вечером Донат Сергеевич решил поехать к Руслану. Мальчик встретил его, как всегда, сдержанно. Племянник испытывал к дяде чувство благодарности, но было видно, что ему по-прежнему не хватает родителей. Руслан с ними был очень близок. Доната он уважал, но душевной близости между ними до сих пор не возникло. Именно поэтому Донат Сергеевич не знал, как поговорить с племянником о Василине и стоит ли ради личного счастья нарушать эту хрупкую мужскую связь?

Руслан, глядя на дядю, произнёс:

– Вы хотели о чём-то поговорить со мной?

Донат тяжело вздохнул. Он не знал, с чего начать.

Племянник выжидающе смотрел на него своими выразительными серыми глазами, но мужчина никак не мог решиться произнести первые слова.

Руслан нарушил молчание:

– Вы хотите, чтобы я не приезжал на каникулы? – мальчик старался придать голосу спокойную интонацию.

Донат Сергеевич поспешно ответил:

– Нет, нет. Я по другому поводу, – и вновь замолчал. Разговора не получалось.

Тогда племянник, продолжая в упор смотреть на дядю, спросил:

– Я могу её увидеть?

Брови Доната вопросительно изогнулись:

– Кого?

– Вашу женщину. Ведь о ней вы никак не можете начать разговор?

Если сказать, что Донат Сергеевич был удивлён, – это ничего не сказать. Он обнял племянника за плечи, усадив рядом с собой на скамью. Донат рассказал всё, как есть, ничего не утаивая, даже того, в чём чувствовал себя неправым. Впервые они разговаривали на равных.

Мальчик внимательно выслушал, не перебивая. Затем, произнёс:

– Я правильно понял, что если она мне не понравится, то всё останется по-прежнему?

Дядя согласно кивнул головой, ожидая его реакцию на свои слова.

Руслан посидел в раздумье, а затем Донат Сергеевич услышал то, чего никак не ожидал услышать от подростка. Тот, глядя на мужчину, произнёс:

– Вы такие разные с папой, – Донат непроизвольно сглотнул при упоминании о погибшем старшем брате, не понимая, куда мальчик клонит.

– Папа никогда бы не переложил на меня ответственность за свой выбор, – констатировал племянник, и совсем тихо закончил: – Любимым человеком нужно дорожить, пока он ещё жив, потом будет поздно...

Руслан отвернулся, чтобы скрыть слёзы.

Донат, поражённый ответом мальчика, даже не нашёлся что сказать.

Руслан, справившись с эмоциями, вновь перевёл взгляд на дядю:

– Попросите её встретиться со мной, если, конечно она захочет, – проговорил он.

Мужчина согласно кивнул головой:

– Спасибо тебе и извини, – заглянув в глаза Руслану, сказал, прощаясь, Донат. Ему показалось, что именно сейчас они стали понятнее и ближе друг другу.

Донат Сергеевич решил не откладывать встречу Василины с племянником. Созвонившись с директором кадетского корпуса и получив разрешение на внеочередную встречу с Русланом, он в конце рабочего дня пригласил к себе первого заместителя.

Голос шефа был каким-то необычным, и Лина на ходу размышляла, что бы это значило.

Донат, не поднимая глаз от лежащих перед ним деловых бумаг, проговорил:

– Как у тебя со временем? Мне нужна твоя помощь, – он размашисто завизировал документ и перевёл взгляд на женщину.

– Что я должна сделать? – задала она вопрос.

– Нужно съездить в одно место. Я за рулём. Ты не против? – Донат был предельно корректен.

Василина пожала плечами:

– Если ты считаешь, что это необходимо, значит, едем.

– Оказывается, ты умеешь не возражать, – констатировал шеф.

– Оказывается, ты умеешь спокойно разговаривать с людьми, – ответила первый заместитель. – Что от меня требуется в этой поездке?

Донат Сергеевич нервно ответил:

– Увидим на месте.

Василина решила далее судьбу не испытывать своими вопросами. Когда через полтора часа они остановились у КПП кадетского корпуса, Лина внутренне съёжилась, поняв, зачем они здесь. Она с тревогой смотрела на Доната. Мужчина сделал вид, что не видит её состояния. «Рано или поздно это должно было случиться, так почему не теперь. Зато сразу всё встанет на свои места», – подумала Василина.

Донат напряжённо молчал, пока они ждали Руслана. Ожидание становилось совсем невыносимым, когда из помещения, направляясь к ним, вышел высокий стройный подросток. Лина поспешно отступила в сторону, давая возможность мужчинам встретиться. Однако юноша шёл прямо к ней. Ей захотелось или убежать, или хотя бы зажмуриться, но она не сделала ни того, ни другого.

Руслан остановился, пристально глядя на неё серыми глазами. Василина Алексеевна не могла отвести взгляда от лица мальчика. В его больших глазах было столько невыплаканного горя от внезапной потери родителей, что казалось, если паренька встряхнуть, оно выплеснется через край.

Вы когда-нибудь сталкивались с неприкрытым беспредельным одиночеством после смерти близких людей? Если да, то тогда вы поймёте Лину, которая произвольно шагнула к Руслану, раскрыв объятия, не замечая бегущих по её щекам слёз, и юный мужчина, прижавшись к ней, не сдерживал больше своей накопившейся боли. Донат Сергеевич, шокированный этой картиной, чувствовал себя сейчас лишним.

Наконец Руслан, отстранившись от женщины, попытался улыбнуться:

– Мужчины не должны плакать.

Василина Алексеевна покачала головой:

– Нет, мой хороший, когда больно, плачут все.

Они ещё некоторое время не отводили взгляда друг от друга. Затем мальчик повернулся и быстрым шагом направился в корпус. Проходя мимо дяди, он на миг остановился, покачал головой, и ушёл, не попрощавшись. Что он хотел сказать, Донат Сергеевич не понял, но ему показалось, что в этом движении головой читался упрёк. Раньше таким образом брат внушал Донату чувство вины, когда он что-нибудь делал не так.

Василина Алексеевна ещё некоторое время смотрела вслед Руслану, а затем перевела взгляд на Доната Сергеевича. Она была зла на него за то, что не

подготовил её к предстоящей встрече, но, увидев, в каком состоянии находится генеральный директор, передумала.

Они молча сели в машину. Женщина вдруг поняла, перед какой дилеммой стоял Донат: с одной стороны – она, с другой – Руслан. Сейчас, после встречи с племянником, мужчина был растерян, не зная, что делать дальше.

Подросток, как и дядя, был непростым человеком, не по годам взрослым и серьёзным. Вдобавок ко всему выросший в любви и доверии, которому родители привили определённые ценности, которые Донату, как не семейному человеку, наверное, не знакомы, а может, то, что для Руслана важно, он считал не достойным внимания. Отсюда недопонимание, которое возникло между ними, мешающее им сблизиться.

Донат Сергеевич, глядя на Василину, глухо произнёс:

– Что это было?

Первый заместитель молчала, не зная, как объяснить произошедшее.

Донат повысил голос:

– Плакать перед посторонним человеком? Мужчине?! Не понимаю!

Василина Алексеевна вздохнула:

– Это для тебя он мужчина, и ты поэтому не чувствуешь, как ему плохо, а для меня он ребёнок, который не может бесконечно прятать своё невыплаканное горе. Я сама недавно лишилась близкого человека, и не понаслышке знаю, каково это – остаться одной. У нас одинаковая с ним боль, и Руслан это понял. Понял, что для меня его слёзы не слабость, а обычное проявление человеческих чувств, – подступивший комок к горлу заставил Лину замолчать. Повисла напряжённая тишина.

Глубоко вздохнув, Василина справилась с эмоциями:

– Он научится быть сильным, как ты, потом, позже, а сейчас ему необходимы твоя поддержка и понимание. Муштра и одиночество у него каждый день, а где любовь, к которой он привык и в одночасье лишился её? Ты не даёшь ему права на слабость. Он это чувствует, и держит тебя на расстоянии. Его слова: «Мужчины не плачут» – это ведь твои слова? Побойся бога! Ему всего тринадцать лет!

– И что прикажешь делать? – мужчина напряжённо смотрел на неё. – Как это всё сложно, – покачав головой, произнёс он. – Сколько ещё мальчишеских судеб искалечит война?

Лина, отвернувшись к окну, чтобы скрыть подступившие слёзы, прошептала:

«Всё будет хорошо, всё обязательно будет хорошо»...

Евгений ПУТАЧЁВ

ЧТО ТАКОЕ «ПОВЕЗЛО»,

или история везения и невезения обывателя

С родителями мне повезло. Они любят меня, они научили меня всему, они воспитывали словом, примером и авторитетом.

Мне не повезло с родителями. Когда мы что-то делали с моим отцом, он всегда ругал меня за медлительность и несообразительность. Он всегда считал, что он лучше меня знает, что мне нужно и как это надо сделать.

Конечно, он хотел мне добра. Но его понимание добра иногда отличалось от моего, и тогда мы ссорились.

Первое воспоминание о нём, самое первое, это 1972 год. Мне три года, и я хожу в детский сад. Воспитательница сказала, что за мной пришли. Я вышел из группы и увидел солдата. Настоящего. С ремнём, в фуражке, парадной форме и со значками. Я знал, что папа служит в армии и никакой другой солдат прийти не мог, поэтому путём нехитрых умозаключений понял, что это мой папа. Тогда же я впервые осознанно рассмотрел, как он выглядит.

Второе воспоминание – это лето 1976. Тогда папа купил лодку, и у него был отпуск. И мы недели две каждый день ездили с ним на рыбалку. Именно тогда я научился ловить рыбу. А год я помню потому, что я в тот год пошёл в школу.

А папа в школе был директором. И мне снова не повезло. Во-первых, для первоклассника директор школы – это почти бог. Во-вторых, это была школа-интернат, и там не у всех детей были папы. И дети, у кого пап не было, или они не были такими, как директор школы... Они меня не любили.

Открыто этого не показывали, но однажды мы играли в «сопку». Ну это когда одна команда штурмует снежную гору, а на ней обороняется другая команда. И как-то так получилось, что я остался один против всех... Постепенно те, с кем я штурмовал сопку, как-то перешли на сторону противника и стали оборонять сопку от меня. От меня одного. А потом они меня стали бить. Я, конечно, оборонялся и отбивался, как мог, но что я мог сделать один против толпы? Точнее, нас было двое. Мой детский друг Алик Рахимов куда-то пропал. Я на него обиделся, а потом мне мама сказала, что он прибежал к нам домой и сказал ей, что меня бьют. Ну, чтобы она защитила меня. А мама сказала, что не будет вмешиваться.

Мне это больно писать, но в тот день мне с мамой не повезло. Алик в этой ситуации выглядит гораздо разумнее и честнее. Спасибо, Алик. Где ты теперь?

А я в тот день узнал, что такое предательство. Именно так. Предательство. Спасибо, мама. Я не обижаюсь. Я понимаю, что ты была мамой в первый раз и, может быть, устала, или была занята и тебе это показалось неважным. Мало-ли из-за чего дерутся мальчишки?..

А ещё учителя в этой школе. Я же был ребёнком их начальника, и меня всё время пытались сделать каким-нибудь главным по общественной работе. Это же было время СССР с его октябрятами-пионерами и конкурсом строя и песни. А я ненавидел общественную работу. Почему-то, на органическом уровне, я её не любил. И не оправдывал возложенных на меня надежд. И когда нам принесли какое-то очередное задание-на-соревнование, я сел и заплакал. Потому что я не представлял, как его делать. Меня окружили одноклассники, сказали, что, конечно же, они мне помогут и мы вместе всё сделаем. Но я им не верил. Я помнил про сопку. Что-то, конечно, сделали, я даже не помню, что. Потому что сделано это было никак, а может быть, потому что мне это было неважно. Ведь я не любил общественную работу.

Потом нам дали новую квартиру. На восьмом этаже панельной девятиэтажки 75-й серии. В квартире было жутко холодно. Как выяснилось потом, несколько лет спустя, строители не утеплили швы между плитами. И я перешёл в новую школу.

Там мне больше повезло.

Во-первых, я уже понимал, что от одноклассников надо держаться подальше, и ни с кем в особо доверительные отношения не вступал. Нет, я общался с ними, разговаривал, но настоящие друзья у меня были во дворе. Валерка, Ванька и Игорь. Наша четвёрка как-то так сложилась, что нам было вместе интересно. Хотя мы все были детьми разной судьбы и из разных семей. Но повторю ещё раз: мне повезло. Потом жизнь нас развела, но не сделала чужими.

А с холодной квартирой мне тоже повезло. Недоделки советских строителей и совершенно уродский ремонт, доставшийся нам от них, не оставили никакого сомнения: надо делать ремонт. Тогда я и научился красить, белить, клеить обои.

Вообще я много умею делать руками. Это мне с дедом повезло. У него были две совершенно невообразимые для ребёнка вещи: мастерская и пасека. Он имел три класса образования и невероятный инженерный талант. До самой смерти он что-то рукодельничал. Некоторые его инструменты сейчас в моей мастерской. Это хороший инструмент. Им до сих пор можно работать.

Я помню это наслаждение, которое возникает в руках, когда ты режешь дерево. Я хотел стать столяром. Или резчиком по дереву. В старшей школе в СССР детям давали рабочие профессии. И я записался на резьбу по дереву. А когда пришёл на занятия, выяснилось, что папа переписал меня на курсы водителей. Я их, конечно же, окончил, и даже получил корочки автослесаря второго разряда. И с тех пор ни одного дня не работал по этой специальности. Это просто выброшенные из жизни дни зубрёжки правил дорожного движения, устройства двигателя «ГАЗ-52» и вождения этого самого «ГАЗ-52» по улицам родного города.

А я не люблю ездить за рулём.

После сопки это самое крупное моё невезение. Я понимаю, что папа хотел мне добра, просто добро мы понимаем по-разному.

Уж не знаю, какой бы получился из меня резчик, но сегодня этой специальности у меня в городе не учат нигде, а автослесарей хоть отбавляй. Придётся заниматься самообразованием.

С самообразованием мне повезло. Я люблю читать и получать новые знания. А больше всего я люблю наблюдать, как новые знания вплетаются в старые и меняется картина мира. Она становится больше, рельефнее, точнее.

Есть только одна область знаний, где самообразование мне не помогает. Это личные отношения. У меня замечательные дети. А вот с их матерями отношения не складываются. Не везёт. Наверное, я что-то не так делаю. Беру на себя большинство семейных проблем. Зарабатываю, строю дома, перевожу к себе больную маму жены... Чтобы потом услышать: ну ты и козёл!

Я их не виню, просто они выходили замуж за одного человека, а потом с ними оказался другой, у которого мир больше, рельефнее и точнее. И ему становится не очень комфортно рядом с человеком из прошлого мира. Есте-

ственно, он выглядит как козёл. Наверное... Хотя, когда я встречаю людей из того, старого мира, которые никуда из него не ушли, мне их жалко. Я этого стараюсь не показывать, чтобы не обидеть, но беседа как-то не клеится. Такие встречи я считаю невезением.

Другое дело, когда человек из твоего старого мира открыл свой, новый. И мы садимся и начинаем сравнивать наши миры. Обобщённо-философский разговор, без конкретики, в точных фразах сложных определений – это удивительное состояние. Ты просто понимаешь, что тебе невероятно повезло в этот день. И ты запоминаешь этот разговор надолго. И возвращаешься к нему. И снова у тебя меняется мир.

Невероятное везение....

Сергей ВАСИЛЬЕВ

СОЛНЫШКО МОЁ

Фонарь стоял напротив дома № 7, третьего от угла, на старинной улочке, берущей начало от главного проспекта города. Днём, как и все фонари, он отдышал, укрываясь своей широкополой шляпой от яркого солнца, дождя или снега. А вечером, с заходом солнца, фонарь оживал, начиналась его работа, он ярко освещал вверенную ему часть улицы, создавая уют и безопасность для знакомых ему жителей города и незнакомых приезжих. Приезжих фонарь отличал сразу, они с интересом разглядывали литые узоры и завитки его чугунной одежды. А местные привычно проходили мимо, не поднимая головы, а иногда ещё и приклеивали какие-то бумажки поверх ажурных великолепных узоров, как будто сотканых из чугунных нитей мастером-литейщиком. Фонарь гордился своим происхождением.

На втором этаже дома № 7, в среднем окне, каждый вечер загорался свет. Свет этот был не от обычной люстры, а от настольной лампы под жёлтым абажуром, который похож был на шляпку. На солнечную шляпку, укрывающую великолепный бронзовый стан ручной работы. Уличный фонарь ждал начала каждого вечера, он смотрел на заходящее за высокие здания проспекта солнце, и мысленно подгонял его за горизонт. Зная, что чем быстрее зайдёт солнце, тем быстрее он увидит в среднем окне на втором этаже «своё ясное солнышко» – так называл он лампу под жёлтым абажуром. Он был влюблён!

Он знал её с детства, с её детства. Впервые Лампа появилась в комнате на втором этаже дома № 7 в Новый год. Была подарена хозяину этой комнаты, семилетнему мальчику, ставшему четыре месяца назад школьником. Как же давно был тот Новый год!

Фонарь смотрел в окно второго этажа и наслаждался своей любимой, а она смотрела на него из-под своей жёлтой солнечной шляпки. Их взгляды встречались, и даже вечерним и ночным прохожим казалось, что в этом месте улица освещена по-особенному – ярко и вдохновенно. Оттого, наверное, влюблённые прохожие целовались под окнами дома № 7 чаще, чем в других местах улицы. Здесь жила любовь!

Первые годы Фонарь и Лампа виделись не так часто. Мальчишка включал Лампу только тогда, когда вечером делал уроки или читал перед сном книжки. Днём он не мог её видеть сквозь тёмные стёкла.

Проходили годы, многое менялось в жизни города. По краске на чугунном литье, как по годовым кольцам на дереве, можно было определить возраст. Фонарь вырослел вместе с городом, вместе переживал времена расцвета и времена лихие. Какими только красками его не красили: и чёрной, и серой, и даже золотистой, в честь юбилея города. А потом снова, чёрной, серой... от кого это зависело, фонарь, конечно, знать не мог. Он знал только одно, что наступит вечер, и он снова увидит свою любимую Лампу. От неё исходил такой нежный и заботливый свет.

Мальчишка уже давно вырос, повзрослел и даже стал писателем. Для Фонаря наступили самые замечательные годы. Писатель много работал, и Лампа горела порой до самого рассвета. Фонарь смотрел на них обоих, он не слышал, о чём они говорят, только видел, что писатель часто смотрит на неё и что-то шепчет, может, советуется с ней. Иногда писатель смотрел в окно, и Фонарю казалось, что он смотрит на него, и делает это из ревности.

Самые тягостные дни наступали, когда писатель надолго уезжал из дома и Фонарь не видел «своё солнышко» в тёмном окне пустой комнаты писателя. Он только догадывался, что там на столе стоит преданный и верный друг писателя, с приездом которого всё возвращалось, и влюблённые могли почти всю ночь смотреть друг на друга. По крайней мере, Фонарь надеялся, что Лампа испытывает взаимные чувства.

Однажды на доме № 7 появилась мраморная доска, возвещавшая о том, что этот дом является архитектурной гордостью города и охраняется законом. Доска выглядела как орденская планка на груди заслуженного ветерана. Фонарю это понравилось уже потому, что дом не снесут, и его любимая Лампа будет дарить ему свой солнечный взгляд очень долго. Но не думал Фонарь о том, что люди живут намного меньше, чем города. И на доме № 7 через несколько лет появилась ещё одна орденская планка. Только этот орден, в виде мемориального гранита, был дан дому за то, что «в нём родился, жил и писал свои книги знаменитый на весь мир Писатель».

Фонарь и Лампа не могли знать, что в одной из своих книг под названием «Солнышко моё» Писатель написал о неразделённой, но верной любви уличного фонаря и настольной лампы.

...Уличный фонарь раскачивался на ветру, а на него сквозь тёмные дневные стёкла смотрела одинокая настольная лампа – она ждала наступления вечера.

Татьяна ЯРОСЛАВЦЕВА

КАК ПРЕКРАСЕН ЭТОТ МИР

Нежданная встреча

Зима была очень снежной, с сильными ветрами и метелями. Сын Максим регулярно ездил на дачу очищать теплицу, дорожки, которые к весне превра-

тились в глубокие траншеи. А в городе появились первые проталинки, солнце, радостно улыбаясь, согревало воздух и приправляло его неуловимыми ароматами весны. Дома, на балконе, кучерявилась зелень рассады помидор и перцев. Весёлые солнечные лучи, подмигивая в большие балконные окна, приглашали на загородную прогулку.

И первая встреча с дачей после зимы меня очень радовала. В отличие от города здесь царствовала зима. Вокруг покой, безмолвие. Сосны утопали в белоснежной перине, маленькие ёлочки ещё не сняли свои снежные шубки, берёзки, украшенные снежками, дрожали своими гибкими ветками. Кажущийся игрушечным домик, опутанный узорной бахромой снежных заносов, улыбался узкими оконцами. Вершины сугробов напоминали шаловливо танцующих гномиков в серебристых шляпках. Солнце, смеясь, играло своими лучами, оживляя уходящую зимнюю красоту.

Я поспешила навстречу солнышку. Вдруг со спины почувствовала лёгкое воздушное объятие. И скользящее, нежное, ласковое прикосновение к щеке. Внезапно перед собой увидела бесшумно планирующую на сугроб красавицу сову в нарядном оперении серо-голубоватого цвета, в чёрную крапинку перьями и пушистыми объёмными невесомыми крыльями. Приземлившись на вершину сугроба на расстоянии вытянутой руки, она горделиво, по-царски, повернула свою изящную голову, украшенную, как короной, чёрными крохотными ушками.

В ореоле торжественности и солнечного сияния, в своей прозрачно-пуховой королевской мантии, она выразительно взглянула на меня своими большими круглыми глазами с отливом золота. Из них истекала такая чудодейственная сила, которая и завораживала, и одновременно гипнотизировала меня. Я перестала дышать, мысли роились в моей голове: «Откуда появилась она в это время суток? Почему не боится меня?».

– Максим! – кликнула я сына в надежде, что у него с собой фотоаппарат. Он не услышал, а сова не испугалась. Ветер играл её оперением, усиливая очарование и изящество. Не знаю, как долго длилось это сказочное видение. Я нерешительно протянула к ней руки. Сова, как бы извиняясь, моргнула мне на прощание, отвернулась, взмахнула своими роскошными невесомыми крыльями и через мгновение бесследно растворилась в кронах соснового леса.

– Спасибо за подарок, волшебница! До встречи! – прошептала ей вслед. Меня переполняли сложные чувства: восхищения, благодати, умиротворения, радости и веры в чудо!

Весна была бурной, быстротечной. Уже в мае я переехала жить на дачу. Природа спешно нарядилась в яркие зелёные наряды, лето вступило в свои права.

Совёнок

Каково же было моё удивление, когда на тропинке прямо перед собой увидела пушистый серо-коричневый колобок величиной с небольшой детский мяч. Он устойчиво и крепко стоял на своих когтистых лапках, не двигаясь с места. Своим независимым видом показывая, что не нуждается ни в чьей заботе, красуясь, как бы говорил:

– А вот и я, полюбуйся на меня!

– Это что за чудо природы? – воскликнула я, и только встретившись взглядом с его узнаваемыми большими глазами, прошептала:

– Совёнок!

Маленький птенец с интересом глядел на меня, не моргая и не отводя взгляда. Никакого страха, тревоги. Справившись с желанием взять его на руки, успела только сфотографировать. Я недоумевала:

– Как он оказался на моей даче? Неужели его родители привели? Но как?

Ведь до первых птичьих гнёзд более ста пятидесяти метров. На такой подарок я не рассчитывала, маленьких совят не видела даже на картинке. Было понятно, что они где-то рядом, прячась в листве деревьев, наблюдают за нами. Я на миг задрала вверх голову и проговорила:

– Для меня это очередное чудо, подаренное вами! Спасибо.

Когда мой взгляд опустился на землю, там уже никого не было, остался на память только снимок. Совёнок словно растворился среди зелени, бесшумно растаял. Облегчённо вздохнув, подумала:

– Ну, значит, не пропадёт! В добрый путь, родительская гордость и радость!

Это был ещё один приятный утренний сюрприз!

Вот такой у меня круг друзей на даче – восхитительный, разнообразный, кто с подарками, кто с проделками.

– Мы все одной крови! – звучало в голове. Да, мы все дети природы. Наверное, энергетика добра чувствуется и на расстоянии. Поэтому эта семья хозяев леса выбрала мой дом, мою дачу, по созвучию наших энергий. Их общение со мной я приняла как добрый знак. Они желали мне удачи, добра, я это чувствовала и радовалась новым друзьям, для которых двери моей дачи всегда открыты, в любое время года, в любое время суток. Это принятие меня разными обитателями окружающего леса в свою семью заставило по-иному посмотреть на мир, в котором живу. Единство с ним восстанавливало душевные и физические силы. Этот эликсир наслаждения и счастья я пила с удовольствием.

Простые летние радости

Я, любуясь, с благодарностью смотрела на результаты своего труда. Ровные ряды помидор горделиво протягивали тяжёлые кисти зреющих плодов, густые плети огурцов удивляли своим обильным урожаем. Заросли малины манили яркостью спелых ягод. Ветви черноглазой смородины гнулись под тяжестью обильного урожая.

На клумбе среди горделивых, нарядных красавиц лилий застенчиво невестилась белыми кистями гортензия, астры сиренево-сине-красным ковром рассыпались среди яркой зелени хвойников. Яркие флоксы дурманили голову своим ароматом в ожерелье настурций и бархатцев. Стройные стволы сосен увивали густые заросли девичьего винограда. Эта идиллия звучала в душе счастливой музыкой. С хорошим настроением, облачившись в короткие шорты, майку и широкополую шляпу, отправилась воевать с сорняками. Передо мной изумрудное пышное покрывало мокрицы с островками цветущих бе-

лоснежных букетов нарядной сныти. Жаль было удалять такую полезность, но порядок в грядках был необходим. Попутно собрала кузовок ягод для заморозки, зелени и овощей на ужин. Удовольствие от проделанной работы радовало меня, даже лёгкая усталость была приятна.

Солнышко, добросовестно отработав свой день, собиралось на покой, скатываясь в сторону леса. И вдруг, как всполох молнии, полыхнул закат демонически красивым пламенем, опалив ярким огнём ветви деревьев, облаков, верхушек сосен. Фантастическая красота длилась недолго и быстро исчезла, прощальным лучом метнувшись по небу. Отыскивая ночные тёмно-сиреневые палаты надвигающейся ночи. Такое необычно красивое, почти мистическое явление, природа дарит нечасто.

Прозвучал радостно сигнал машины сына.

– Ура! Пятничные посиделки!

Это весёлый вечер в кругу друзей! Будет русская банька, пахнущая чистыми полками и дубовыми вениками, приготовленные сыном в жаровне «вкусняшки», уютный огонь костра в мангале.

Вот и собрались желанные гости за столом, на ярко освещённой поляне. Тихо звучат любимые мелодии, неторопливо ведутся доверительные разговоры в предвкушении шумного отдыха.

Сгущающиеся сумерки вокруг нас превратились в живую, таинственную темноту: с неясными шорохами, нежными вздохами, мягким шёпотом. Сказочного волшебства добавляют танцующие на ветру тени деревьев и кустарников, яркие звёзды над головой и клубящийся рой мерцающих ночных мотыльков. Жизнь, наполненная счастьем от единения с природой, продолжается! Душа ликует:

– Спасибо, Вселенная! Спа-си-бо!

Николай КОНИНИН

ДЕНЬ, ЧТО В ПАМЯТИ НА ВСЮ ЖИЗНЬ

– Боня, Бо-ня! Баба Оня, когда к маме пойдём?

– Пирожки испеку, и пойдём.

– Можно я пойду с машинкой на тротуаре поиграю?

Машинка была маленькая, железная. Катать по полу было запрещено тётей Варей, хозяйкой дома, а по земле колёсики не крутились. Оставался деревянный тротуар на улице: пешеходы были редки. В щель время от времени прятались или Оловянный Солдатик, или мотоциклист с мотоциклом (я почему-то стеснялся сообщать Боне о своих потерях).

Я уже был умыт, переодет, и Боничка на корню загубила мои поползновения.

– Боня, испеклись пирожки?

– Коленька, ручки помой и садись за стол.

– А зачем же их мыть, я же на улицу собрался, а не с улицы пришёл?

– Не перечь, а мой руки.

– А почему мой, а не твой или мамин?

– Вымой, да и лицо умой.

(В такие филологические споры я мог вступать постоянно. О чём коза рассказала, когда оказалась и напроказила в огороде?)

– А с чем пирожки?

– С картошкой, и капустой, и с брусникой!

– Мне с картошкой и с ягодкой... Нет, с капусткой.

– Ты же с капусткой не любишь?

– А мы с ягодкой и картошечкой мамочке отнесём!

Мы шли по Каландаришвили. Стоял летний день. По дощатому тротуару так здорово было бежать, доски пружинили и подгоняли вперёд. Из-под досок приятно тянуло сырой прохладой, кюветы поросли густой травой. Из-за вечной мерзлоты все дожди и снега стекали по старицам – цепи озёр.

Я самозабвенно топал по доскам. Тротуар возле ворот обрывался, и метра через три опять вырастал над землёй. Бонечку очень беспокоили проломленные доски. Она никогда не повышала голос: совсем малышкой на крещение окунули в «пролубь» и застудили связки. Боня укоряла моих родителей: «Не кричите на детей, слова понимать не будет, не они вас нашли, вы их нашли!».

Надо сказать, что я как раз в том её возрасте.

Итак, она крепко взяла мою руку, мы миновали Короленко и свернули на улицу Лермонтова, наверное, самую длинную улицу Якутска. По левой стороне от дороги на взгорье протянулся лес. В Якутске в то время только проспект Ленина был замощён чурочками, а остальные улицы мостили: зимой – снегом, летом – пылью, а в промежутках – лужами и грязью.

Пройдя несколько кварталов по тротуару и дойдя до улицы Короленко (все мои лучшие, детские годы и сейчас идут во дворе дома по улице Короленко, 4а) мы свернули, поднялись в горку и зашли в лесок. Среди сосен на большой поляне на меня надвинулся высоченный двухэтажный дом. Из окна второго этажа выглянула Мамочка. Я запрыгал:

– Мамочка, мамочка!

У мамы в руках был какой-то свёрток. Вдруг свёрток завертел головой и заплакал. Мама дала ему мою любимую правую грудь. Я даже опешил! Свёрток зачмокал.

– Это Димуська – твой братик, – и я даже и подумать не мог, что с этого момента на долгие годы: всё не моё, а наше! И «Шипр» из пульверизатора – в лицо, и зажжённая спичка – в голую ногу, и обмусоленный кусочек капусты на сковородке вместо жареной картошки, и невымытый в его дежурство пол – моё. И всё, что я умел, и научился в дальнейшем, умел и братка: лыжи, велосипед, плавание, и все дворовые игры. Мы дрались дома, у нас даже выработались приёмы, но на улице, в пионерлагере мы были единый кулак! Я воспитывал его, но он, сопротивляясь в силу характера (атаман, как называла его тётя Варя), воспитывал меня.

И первый мой литературный опыт, обращение к Пушкину, к «Капитанской дочке», когда я за него писал сочинение, что лет через сорок подвигло меня к размышлению.

Мама много, много позже поведала, как за четыре месяца до того августа меня повезли знакомиться с дедушкой и бабушкой в деревню Медведчиково. Услыхав мамино имя – Ниночка – дед Яков хмыкнул:

– У нас так деревенскую дурочку кличут.

Мама, пытаясь наладить отношения со свекровью, каким-то образом, через совхозное начальство и военкомат (дядя Николай погиб на войне), выбила путёвку в санаторий. Бабушка уехала, а вся работа по хозяйству свалилась на маму.

Дед жил согласно вековому сибирскому завету – курица не птица... баба с возу... Мама тягала тяжеленные салазки с бочонком воды в гору (вспомните «Тройку» Перова). Может быть, отец и пытался помочь, но дед одёргивал:

– Не мужицкое дело.

Мужики ходили на охоту (косачи!), валили берёзы на дрова. Как-то мама притащила бочонок и без сил опустилась на лавку. Дед напротив что-то мудрил с ружьём. Вдруг – выстрел! Заряд вошёл в стену немного повыше маминной головы. Отец побелел как стенка только что побелённой печки, а дед и головы не повернул. Когда мужики ушли на охоту, мама накормила скотину и, плача, села у окошка: молилась на Ишимскую церковь без креста и отгоняла страшные мысли.

И я залез маме на ручки, заплакал, и пальчиками стал убирать маминны слёзки...

Мамочка в конце рассказа добавила:

– Только мысли о тебе и о маме и остановили меня, а так не было бы ни меня, ни Димы!

Это первый запомнившийся день, когда я точно помню число: 8 августа 1956 года, мне было два года и десять месяцев. Кроме братика мама подарила мне и большое яблоко. Оно полетело в белой салфетке и подкатилось прямо к моим ногам.

ПРОЗА МОЛОДЫХ АВТОРОВ

Анастасия МАРТУСОВА

ПЕРЕЖИВШАЯ ВЕЛИКУЮ ЗИМУ

Сибирская зарисовка

*Ох, липынька ты, душенька,
Утешь свою подруженьку,
Печаль мою листвой укрой
И расскажи, где Сокол мой...*

Безутешная бабушкина песня вдруг послышалась мне в шелесте взволнованной листвы той самой липыньки, которая, по её словам, исцеляла не только хворь, но и душу. Песня мне нравилась, вот только, маленькая, я наивно

жалела не девицу, а прохвоста Сокола, укравшего девичье сердечко, а потом улетевшего незнамо куда, «махнув на прощанье крылом», – заблудился, видно, а скрытная липа ни в какую не хотела рассказывать, где он.

Однажды под развесистой «подруженькой» бабушка поведала мне, что сама Лада, хранительница рода и светлый дух России, говорит здесь с ней голосом липы... Мою чудаковатую бабушку тоже звали Липой, поэтому меня не удивляло, что она понимала язык деревьев и на равных разговаривала со славянской богиней.

Припомнившаяся песня вовсе не печалила меня, а наоборот, погрузила в сладкое, как липовый мёд, одиночество.

Одинокая бабушкина скамейка в городском парке под одинокой, отрешённой от людской суеты липой, приютившей теперь и одинокую меня в объятиях своей сладкозвучной зелени. К нашему уже слаженному сиротливому дуэту присоединился влюбчивый ветерок, он бы и рад улететь за Соколом, но напрочь запутался в упрямых липовых прядях. И вот длинные мерцающие реснички цветов, стыдливо опущенные от страстного шёпота своего вольнолюбивого воздыхателя, роняют на мою ладошку медовые слёзы.

Уединённая скамейка под сенью романтической липы – превосходный приют для мечтателя. Сладкое облако, перебивающее запах уличной пыли, погружает меня в мир моих грёз, в котором я чувствую себя одним из сорвавшихся листочков-сердечек, подхваченных ветром-Казановой, наобещавшим соблазнительные приключения.

*Доверюсь и я ловеласу,
Над временем властному ветру.
Пусть приоткроет завесу
Над тайной подруженьки-липы.*

И вот под волнующие вздохи ветра липынька расправила свои ажурные крылья – и мы понесли в первобытную сказку-быль. Пронзая пространство и время, сквозь игру воображения (и благодаря каким-никаким знаниям) представляю, как миллионы лет назад на этом самом месте, где я философствую о таинствах мироздания, плескалось мезозойское море с рифами и кораллами. Там, где сегодня раскинулся мой город, между гигантских папоротников, причудливых хвощей и пальм спускаются на водопой угрюмые динозавры. Тщетно пытаюсь разглядеть в дебрях времени широколиственные третичные леса, где обитали теплолюбивые предки моей подружки липы.

Но вот ветер-путешественник под заклинания ворожеи-липушки подхватывает скамейкообразную машину времени и переносит в ледяное безмолвие, где несколько миллионов лет продолжалась борьба за выживание, суть которой заключалась в жестоком законе природы: «Борись или умри!». Не пережили Великую Зиму здоровенные пещерные львы и саблезубые тигры, уцелело всего несколько видов растений. А липа приспособлялась, боролась, цеплялась корнями за мёрзлую матушку-землю, давая жизнь молодой поросли, ползла в спасительное убежище, сохраняя свой род. И я точно знаю: где-то в этом царстве замёрзших надежд, на дивном «липовом острове», схоронились

от ледяного панциря отважные родичи моей липушки-сибирячки в ожидании благих перемен.

В быстротечном калейдоскопе времени снова меняется ландшафт: на оазисах, свободных ото льда, пасутся чудовищные пятитонные единороги – носороги с полутораметровым рогом на лбу, бродят могучие бизоны, слоняются косматые мамонты. Гигантские сибирские олени цепляются своими четырёхметровыми рогами за сердцелистые ветви непобедимых лип, переживших все катаклизмы. Они свидетели глобального потепления, и ледникового периода, и появления первых людей, пришедших на Сибирскую землю, моих предков.

Зыбкий первобытный мираж растворяется под волшебным дуновением ветра-бродяги, так и не освободившегося от филигранных пут липы-кружевницы.

*Пережившая Великую Зиму,
Чистой энергией жизни
К душе моей прикоснись.*

Липовые грёзы, пробуждающие чувство причастности к доисторическим временам, сменяются свежими воспоминаниями о том, как недавно, блуждая по дебрям реликтовой липовой рощи, возвращаешься назад к первозданной природе, где течение времени не имеет значения. Кажется, что на извилистых тропках вековой рощи снова можно встретить бизонов, гигантских оленей и диких лошадей. Там гордые души деревьев стремятся к свету и помнят начало начал. Прямо в тайге, на одном из склонов реки Чай в Томской области, на дне лога, настоящем «Ноевом ковчеге», ещё в эпоху динозавров за несколько миллионов лет до нашей эры раскинулся Липовый островок, как воспоминание о причудах матери-природы.

*Свидетель рожденья человека,
Роща – храм воспоминаний о будущем.
Сибирь. Пахнет Родиной.*

Пока Роща живёт на сибирской земле, она будет радовать нас своим жизнелюбием, и сама радоваться тому, что жизнь не кончается и идёт своим чередом. Здесь всё пропитано Надеждой, Любовью и Верой. Нужно только закрыть глаза и прислушаться к всеведущему шелесту листьев. Скамейка воспоминаний, жизнеутверждающая липа – обитель Светлолицой Лады, вездесущий ветер, родная бабушкина песня про вольного Сокола – всё это источники жизненных сил, позволяющих крепко, как липа, стоять на ногах, опираясь на родную землю.

*ЛАДА, связующая любовью корни и крону,
Наполни дыханьем священную липу
И ороси пустыню в душе Человека.*

*Иванна ДУНЕЦ***104 СЛОВА ПРО ЛЮБОВЬ***Посвящается Э. Радзинскому¹*

Самолёт прилетел вовремя.

Пока подавали трап, она смотрела в иллюминатор. И слушала себя. Биение больного сердца – звуки отчаянной надежды.

Стюардесса пригласила на выход.

Затаив дыхание, собравшись с духом, она встала. В последний раз оглянулась на кресло в салоне самолёта, словно намеренно оставила на его поверхности все свои ожидания и чаяния, которые в последний момент решила не забирать с собой.

Спускаясь по трапу, она старалась не смотреть в сторону скопления людей, стоящих в зоне прибытия.

Тишина.

Сквозь неё, прорезающие воздух, звуки улетающих самолётов. Биение сердца. Автобус. Багаж. Голоса приветствующих. Объятия. Уходящие под стук колёс чемоданов люди.

Пустая площадь.

В руках – саквояж и отчаяние.

Он не приехал.

ЧИСТЫЙ РАЗУМ*К 300-летию со дня рождения И. Канта*

Дождь на Принцессинштрассе. Небо, затянутое грозowymi тучами, ниспровергало его мысли о человеческом разуме. Внутренний монолог mit Gott² не прекратился даже с раскатом грома. Бог?

– Я доказал им твоё существование, но они не признают очевидного, – размышлял философ.

– Иммануил, ты требуешь от них невозможного. Я – нет.

– Ты создал время, логично расставил акценты, но... ты не учёл одного – они будут ждать твоего вмешательства даже в малое.

Кант обернулся, посмотрел на слугу.

Зонт подпрыгивал в руках Лампе в такт шагам. Чуть сутулый, себялюбивый Мартин раздражался непогодой, думал о горячем супе и кухарке Еве.

– Я созерцаю. Не вмешиваюсь. А почему?

– Сотворив жизнь, ты пожелал просто наблюдать? – Философ резко оста-

¹ «104 страницы про любовь» (1964), пьеса Э. Радзинского. Экранизирована в 1968 г. режиссёром Г. Натансоном, «Ещё раз про любовь», главные роли исполнили Т. Доронина и А. Лазарев.

² Mit Gott (нем.) – с Богом.

новился, рукой отодвинул зонт, посмотрел вверх и улыбнулся. – Klar!³ Ты изначально всё вложил в человеческую природу! Человек не должен быть слеп, он должен всё подвергать анализу. Наличие морального императива и чистого разума в человеке – главное доказательство твоего существования!

– Мартин, мы возвращаемся.

Промокший слуга пожал плечами.

Уже дома, открыв перед Кантом двери кабинета, Лампе поражённо наблюдал, как философ живо приветствовал портрет Руссо, висевший на стене.

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПРОЗА

Владимир САМСОНОВ

МАРИЯ ЦУКАНОВА – ГЕРОЙ НА ВСЕ ВРЕМЕНА

*Боевые награды не даются по благу.
Награждаются ими за подвиг в бою.
Я пою эту оду простому солдату,
Защитившему жизни, твою и мою.*

В. Самсонов

О великом подвиге советского народа в Великой Отечественной войне написана не одна сотня мемуаров, художественной и документальной литературы. Сняты десятки художественных фильмов. На этой литературе и этих фильмах воспитано не одно поколение наших советских людей.

Конечно же, имена молодоговардейцев-краснодонцев, Александра Матросова, Николая Гастелло, Виктора Талалихина, Алексея Маресьева и многих других были на слуху у каждого, а вот о подвигах наших воинов в советско-японской войне (1945 г.) информации было значительно меньше. А ведь и на той войне были свои герои, в том числе среди молодёжи.

Одним из них была самая молодой Герой Советского Союза и единственная девушка из получивших это звание в ходе советско-японской войны Цуканова Мария, 1924 года рождения.

Когда началась война, ей не было ещё и семнадцати лет, но она приняла решение уйти на фронт. В военкомате ей отказали из-за возраста, но Мария поставила перед собой конкретную цель и последовательно шла к ней.

Чтобы ускорить этот процесс, она освоила специальность телефонистки, трудилась санитаркой в эвакуированном из Ростова госпитале. Заботу о раненых она считала своим долгом, поэтому решила научиться не только ухаживать, но и оказывать медицинскую помощь больным и раненым. Чуть позже, уже работая в Иркутске на авиационном заводе, Мария окончила курсы медицинских сестёр.

³ Klar (нем.) – ясно.

В июне 1942 года она по комсомольскому набору была призвана добровольцем на Тихоокеанский флот. Эти строки биографии Марии Цукановой свидетельствуют о том, что в деле достижения поставленных целей девушка была несгибаемой и последовательной. Ну и, конечно, сказались такие качества, как трудолюбие, обязательность, ответственность и не показная любовь к Родине!

Дальнейшая хронология событий и подвига Марии Цукановой заимствована из книги Г. Н. Шайковой «Я очень хочу жить».

Служба на Тихоокеанском флоте закалила хрупкую девушку, укрепила её физически, многому научила. За время службы она по ускоренной программе (за 5 месяцев) прошла двухгодичную программу обучения, а позже школу санитарных инструкторов. По окончании обучения она была назначена санинструктором в 3-ю роту 355-го отдельного батальона морской пехоты Тихоокеанского флота....

В мае 1945 года пришла долгожданная победа над фашистской Германией, а 8 августа 1945 года Советское правительство объявило войну Японии. И уже 9 августа начались боевые действия на всех направлениях оккупированной Японией территории.

А через пять дней, 14 августа, М. Цуканова в составе отдельного батальона морской пехоты участвовала в боевой операции по освобождению корейского города – порта Сейсин – от японских империалистов.

Начались жестокие, кровопролитные бои. Санинструктор М. Цуканова оказывала помощь раненым бойцам, а тяжелораненых с помощью бойцов-носильщиков переправляли на батальонный медпункт или выносили с их оружием с поля боя в укрытие.

За два дня непрерывных боёв Мария спасла жизни пятидесяти двум раненым бойцам. К исходу вторых суток непрерывных боёв Мария была тяжело ранена и захвачена в плен японцами.

Самураи жестоко расправились с девушкой. Когда советские войска разбили японцев, они обнаружили останки героически погибшей Марии. Она пробыла на настоящей войне только два дня, но шагнула в историю и обрела бессмертие.

После гибели отважной санитарки Родина высоко оценила подвиг Марии Никитичны Цукановой. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14.09.1945 года за образцовое выполнение заданий командования на фронте борьбы с японскими империалистами и проявленную при этом отвагу и героизм Марии Цукановой было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда», посмертно. Ей в этот день исполнился двадцать один год со дня рождения...

Отважная патриотка стала олицетворением подвига, мужества, стойкости и несгибаемости в борьбе с врагами.

Её именем названы бухта на северном побережье Японского моря, посёлок в Хасанском районе Приморского края, улицы в городах: Абакан, Барнаул, Иркутск, Омск, Красноярск, в посёлке Крутинка Омской области. Её имя носит школа в посёлке Орджоникидзе. Ей установлены памятники в городах: Владивосток, Фокино, Чхонджин (КНДР), в посёлке Крутинка.

В следующем году наша страна, её народ будут отмечать 80-летие Великой Победы советского народа над фашистской Германией и милитаристской Японией.

События столь давние остаются как никогда актуальными в наши дни, когда Россия ведёт кровопролитную войну с неонацизмом, на защиту которого встал весь Запад (54 страны).

Мы войн не начинали никогда, и нам не надо ни новых территорий, ни порабощения народов. Нам нужен прочный мир, безопасность и уважительное отношение к нашей независимости и нашему суверенитету. А ведём мы эту специальную военную операцию, спасая весь русский мир, защищая нашу историю, нашу религию и общечеловеческие ценности.

По-разному отнеслись к началу СВО и её ходу наши граждане. Абсолютное большинство населения её поддерживает, как и те цели, которые она преследует.

У Марии Цукановой сомнений в выборе цели не возникало. Она считала делом чести и совести быть со своим народом, со своей страной.

Галина СЕМИЧЕВА

ПАМЯТИ УЧИТЕЛЕЙ И НАСТАВНИКОВ

Очерки

Добро. Что это такое? Где и как его отыскать, познать и понять?
Есть ли таковое на свете? Мне удалось ощутить его рядом.

Михаил Михайлович КАРБЫШЕВ

Обучаясь в старших классах школы, обнаружила, что внутри меня появилась какая-то неизведанная творческая потребность, желание на уроках литературы добавлять неведомые фразы, строчки непонятного размера в заданное на уроке сочинение, чтоб действия описываемых героев заиграли новыми красками. Это было началом зарождения неизвестного мне в то время мира, который впоследствии из яркого маленького зёрнышка превратился в огромный, безграничный оазис поэзии.

Неказистые, неведомые, похожие на амёб фразы, описания удерживали внимание, а мне почему-то хотелось вставить их в сочинение, хотя опасалась негодования педагога.

Но на следующем уроке мои страхи быстро рассеивались и улетали в неизвестном направлении, когда Людмила Ивановна, к большому моему удивлению, хвалила сочинение и обращала внимание одноклассников на использование мною новых красок в описании героев или событий. После скромных похвал педагога творческая потребность, осмелев, всё чаще напоминала о себе.

Но школьные годы быстро пробежали, наступило студенчество, и времени на неё совсем не оставалось. Объявилась она однажды при выпуске стенной факультетской газеты, да так ярко вдруг проявила себя, что захотелось вытащить её наружу.

Студенчество, подобно школьным годам, промчалось с необычайной скоростью, а дальнейшая жизнь, с началом трудовой деятельности, с продолжающимся занятием наукой, рождением семьи и вязким, как болото, бытом, заставили слабую, неоперившуюся авторскую поэзию уснуть в глубине души до лучших времён. И робко вышла она только в шальные девяностые годы.

Северский поэт, член Союза писателей России, Михаил Михайлович Карбышев случайно узнал, что среди медиков есть женщина, слагающая стихи. Пожелал познакомиться с нею, то есть со мной.

Прелюдия установления дружеских творческих отношений банальна. В момент прохождения им обследования в стационаре состоялась наша первая встреча.

Условившись встретиться после выписки поэта домой.

Написание стихов не было моим постоянным занятием. Писала от случая к случаю на плотной бумаге разрезанного детского альбома для рисования.

Через неделю поэт пригласил на встречу в филиал Центральной городской библиотеки. Собрала листочки со своими виршами, сложила в кучку, напоминаящую из-за плотности бумаги колоду карт, и, трепеща подобно одинокому листу на ветке под напором коварного ветра, пошла к поэту, не чуя ног, на Свердлова, 23.

Разделась, вошла в кабинет заведующей, предоставившей его для разговора.

– Здравствуйте, Михаил Михайлович.

– А-а-а-а, Галина Ивановна, здравствуйте, здравствуйте, – идя навстречу, произнёс поэт.

После нескольких дежурных фраз, произнесённых с обеих сторон, достала из сумки свои записи и подала ему в руки.

– Колода в руках. Поиграем? – произнёс, улыбаясь, Михаил Михайлович.

Проглядывая мою писанину, поэт будто раскладывал пасьянс: одни бу-мажки – в одну сторону, другие – в другую, а третьи – ближе к себе.

В кабинете стояла такая тишина, что шаги проходившего мимо двери человека казались мне слоновым топотом, а голоса беседующих в кабинете напротив – настраивающимися инструментами перед выступлением оркестра.

– Вот эти, Галина Ивановна, – начал разговор Михаил Михайлович и взял кучку слева, – можно убрать подальше, а может быть, и забыть про них. По крайней мере, пока, зная, что время у вас всегда в большом дефиците. Столько всего взвалили на свои плечи... С этими (из кучки справа) надо поработать в первую очередь. Есть неточности и ошибки стихосложения, но всё поправимо. На это времени, думаю, много не потребуется.

И начал читать один листок за другим, делая акценты, на что обратить внимание при работе над ошибками.

– А вот здесь придётся посидеть. Вот вслушайтесь. Я буду читать медленно. В одном стихотворении вы пытаетесь совместить раскрытие нескольких тем. Зачем? Разделите их и дополните каждую своими образами.

Мне было неловко и стыдно, что загрузила человека таким сырым материалом. Щёки моментально вспыхнули беспощадным огнём, тело дрожало от напряжения, как будто на нём работали отбойным молотком, а из прищурен-

ных от едкого стыда глаз готовились вытечь ручьи отравленных невыносимой горечью слёз.

«Провал. Полный провал. Господи, и зачем я только согласилась на эту встречу? Позорище!» Обращаясь к собеседнику, понуро произнесла, глядя, по собственному суждению, на колоду хлама почти шёпотом произнесла:

– Михаил Михайлович, спасибо за встречу, простите за потерю вашего драгоценного времени.

– Галина Ивановна, это что за причитания? Что за пессимизм? А? А вот мне кажется, что мы встретились не напрасно. Да. Не всё хорошо. Никто сразу не выходит в «дамки». У вас такой вид, что зарыдать хотите. Заче-е-е-ем? – протянул слово поэт. – Работать, работать, работать надо, и всё будет отлично. Поверьте, я чувствую, скоро о вашем творчестве узнают в городе. Читайте, читайте и трудитесь...

Вышла на улицу. Слева шёл огромный страх, нахлобучив шапку неизвестности, справа – перебирала слабыми ножками хрупкая надежда.

Колея творчества, обозначившись ранее, стала после встречи слегка расширяться, и её тёмный проулок постепенно выходил на просветлённую часть дороги. Спасибо Михаилу Михайловичу. Всколыхнул, немного потряс, и этого стало достаточно для того, чтобы увидеть в своём хлипком творчестве надёжного союзника.

Училась у любимых: Есенина, Пушкина, Тургенева и других. Осторожно делала стихотворные зарисовки, показывала или зачитывала по телефону Михаилу Михайловичу, спокойно выслушивала одобрения или трёпки по-отечески доброго учителя. Авторское творчество испытывало долго на прочность. Выдержала. Кое-что получается в поэзии.

Хотя неоднократно порывалась бросить это бесконечно тяжёлое литературное дело, но проходило какое-то время, и оно вновь всплывало, притягивало и манило кувшином воды в палящей пустыне. И снова я шла и шла к нему, надеясь утолить поэтическую жажду.

Благодаря учителю накапливала опыт общения с читателями, освоения сцены, перевоплощения в образы героев своих творений, и спустя годы умела вполне сносно применять на практике свой опыт.

Михаил Михайлович по воле Небес обладал многими видами творчества. Его помнят как неповторимого северского поэта, музыканта, художника, исполнителя, руководителя хоров и т. д. И это всё результат целеустремлённости и настойчивости в продвижении вперёд. Он любил покорять неподдающихся и неподдающееся в жизни, в окружении.

Однажды, зная, что Карбышев рисует, северчанин принёс ему плитки, изготовленные из какого-то полимерного материала. Очень-очень белые блестящие и лёгкие квадраты назывались тефлоном. Художник обрадовался и решил написать на них портреты. Однако ему никак не удавалось покорить новый материал. Мучился-мучился, а ничего не получалось. Ни краски, ни гуашь, ни тушь не ложились на поверхность. Всё превращалось в скатывающиеся капли, не оставляющие никакого следа.

В один из таких мучительных дней позвонила – передать привет из Томска от маэстро Королёва Сергея Александровича.

– Доброго вечера, Михаил Михайлович. Я вам привезла тёплые слова привета...

– Спасибо, Галинка! А я наконец-то справился с этим противнейшим тефлоном! Понимаете, он мне покорился! Покорился, хулиган!

– Неужели? – воскликнула я, выдавая своё искреннее восхищение упорством человека. – И как это вам удалось? Неужели нашлось такое средство?

– Галинка, а средство-то дома лежало, на кухне, в коробке. Испробовал массу растворов, смесей... ничего. Бросил. А вчера зашёл на кухню выпить чая. На глаза попалась крупная головка чеснока. Сашенька готовила мясное блюдо, видно, употребляла. Я в отчаянии взял его, очистил зубчики от кожуры, натёр поверхность плитки тефлона и оставил на столе.

Утром взял плитку, провёл рукой. Шершавая. Слегка почистил мелкой наждачной шкуркой. Стёр пыль. Взял ручку, обмакнул в тушь и провёл по поверхности. О! Эврика! Тушь прекрасно легла на пластину!

– Вот так неожиданно и произошло покорение тефлона. Так что решение вопросов надо искать, Галя, всегда рядом, на расстоянии вытянутой руки, – выпалил поэт.

Через некоторое время мне в числе первых представилась возможность видеть портреты, выполненные Михаилом Михайловичем тушью на тефлоне. Возможно, таких работ на тот момент не было во всей России. И это случилось в Северске!

Жизнь подарила мне прекрасную возможность быть ученицей прекрасного поэта, творческой личности, продвигающей народные таланты по Сибири.

Поэт и друг всегда поддерживал, помогал и искренне радовался моим, даже незначительным, творческим успехам.

Посчастливилось вместе со своим учителем участвовать в литературно-поэтическом конкурсе, посвящённом 50-летию города. По его итогам Михаил Михайлович получил гран-при, а я заняла первое место.

Выходит, не напрасно поэт тратил своё драгоценное время на ученицу.

Сергей Александрович КОРОЛЁВ

Автобус, в котором я ехала в Томск, напоминал большую лодку, бегущую резво по руслу реки, протекающей по зелёному полотну когда-то растревоженной строителями нового города тайги.

Щедрый август пригласил в регион пышущее жаром солнце, отдав ему в распоряжение это пространство, и оно в благодарность за доверие обильно раздавало золотые украшения тому, что попадалось на глаза: лесному массиву – резную корону, на асфальт дороги растелило золотую ткань, на мягкие травы по её обочинам столько тепла из своей золотой лейки, сколько требовалось для благоухания цветов на их отлично подогнанных по фигуре платьях.

Не прошло и часа, я, набираясь духа, гномиком стояла на вместительной тарелке площади Ленина. Пара сотен метров отделяла от глубокоуважаемого человека, Сергея Александровича Королёва, пригласившего на встречу на территории областного театра.

Волнение стальной сеткой плотно затянуло тело, да так, что сердцу стало трудно дышать.

«Успокойся, успокойся, – уговаривала себя. – Вспомни, сколько тепла и улыбок дарил тебе этот замечательный человек при встречах на различных мероприятиях. Ведь что-то подтолкнуло его, бесконечно занятого человека, пригласить к себе в гости».

Беззвучно размышляя, незаметно оказалась в фойе театра.

Увидев женщину, спросила, как найти маэстро Королёва, и через пару минут входила в рабочий кабинет заведующего музыкальной частью Королёва Сергея Александровича.

– А-а-а! Галенька, жду, жду! – выходя из-за стола, заговорил он. – Присаживайтесь к столу. Будем пить кофе и разговаривать.

Оглядевшись, поняла, что солнце днём, похоже, в кабинет не заглядывает. Единственное окно, глядя на запад, запускало его внутрь дозированно только к вечеру. Но света от трёхрожковой люстры было вполне достаточно, чтобы читать и что-то рассматривать.

На столе появились бокалы, печенье, на блюде дольки лимона, разломленная на кусочки шоколадка, баночки с кофе и сахаром.

– Галенька, вам кофе крепкий или не очень? С молоком или без? Если с молоком, то я прикупил сегодня сливочное мороженое. Можно будет положить в бокал.

– Спасибо, Сергей Александрович, большое спасибо. Всего предостаточно.

Насыщенный любимый терпкий запах кофе притягивал своими невидимыми крепкими руками всё моё существо, не позволяя забыть о нём ни на секунду. Под медленный, лёгкий танец чайных ложек в бокалах в паре с кусочками рафинада начался разговор.

– Галенька, мы знакомы не один год, а я толком о вас ничего не знаю. Семья, дети?..

– Да, Сергей Александрович, семья, дети... Почти полвека отдала здравоохранению Томска и Северска. Общественная работа, практически с детства и до сей поры. Всё, как у всех: родился, учился, женился...

– Ну, не скажите. Чувствую, не как у всех. Премного наслышан. Работа, семья, дети, такая огромная общественная и творческая деятельность? Как это всё совмещается, Галенька? А домочадцы не препятствуют, не возражают? Ещё не выгоняют из дома?

– Да что вы, Сергей Александрович! Работа и творчество с молодости, как две колеи одной дороги, идут по судьбе. Никаких возражений. Дмитрий, муж, раньше возил по вечерам к Александру Казанцеву в «Молодые голоса» набираться опыта. Лучше вы о себе пару слов скажете? – осмелилась спросить.

– У меня, Галенька, всё просто. Нашему поколению досталась не лучшая доля. Сибиряк. Детство прошло в Кожевниковском районе. Потом война. После войны окончил Томское музучилище, затем Ленинградская консерватория, и с пятидесятых тружусь здесь. Вот и вся биография.

– Вот у вас точно всё не так, как у всех: сыграно столько прекрасных ролей, написано столько красивой музыки. Общественная деятельность. Столько необычайно интересных знакомств с великими людьми... Мне о вас многое поведали ваши друзья-томичи, мои хорошие знакомые. Выходит, мы с вами земляки, Сергей Александрович. Вы побывали во многих местах страны. А я

родилась в Томске. Школа, университет, работа. Из дома, из Сибири, ни разу далеко в отпуск не выезжала.

Бедность связывала по рукам и ногам. Мы с мужем из племени простолюдинов. Выживали, строили семью, воспитывали детей, и трудились, трудились, трудились... Ну да ладно. Всё получилось хорошо.

– Я тут, Галенька, вам подарок приготовил. Вы что-нибудь получали от Веры Сергеевны Тимофеевой? Некоторых северчан она успела порадовать. А вас? – спросил музыкант, доставая из ящика письменного стола большую увесистую книгу. – Вот поглядите. Хороша-а-а! Хороша получилась. «Песни земли томской».

В руках Сергея Александровича лежал сборник в твёрдом переплёте, ещё сильно пахнувший типографской краской. На верхней зелёно-голубой обложке расположились виды исторических мест областного центра, а нотный ряд над ними будто выпускал диковинных птиц, устремившихся вверх, издавая волшебную, невероятно притягательную мелодию.

– В эту книгу, Галенька, вошли песни томских и северских композиторов, и на ваши тексты. Ваших, кажется, больше, чем чьих-либо. Очень, очень рад. Вы, Галенька, большая молодец. Эти песни я слышал на ваших творческих вечерах в Доме учёных, в Пушкинке...

Эти песни собрала Вера Сергеевна Тимофеева. Она мне о вас очень многое рассказала, а песни на ваши тексты её просто покорили. Вот мы и взяли их в этот сборник. Поздравляю, поздравляю, Галенька. Слышал, что вы автор слов более ста или более песен. Отличная работа. Знаю, что музыканты Томска и Северска сотрудничают с вами с большим удовольствием и довольно плодотворно. Песни-то побеждают в конкурсах. Прекрасно, Галенька!

У меня от такого внимания маэстро, его неожиданных хвалебных слов в «зобу дыханье спёрло», а глаза готовы были выскочить из орбит. Стало нестерпимо жарко, и будто какая-то магическая огромная тёплая и мягкая волна подхватила и принесла в неведомые дали, где я на мгновение ощутила себя сказочной королевой. «Стоп, стоп, стихотворица. А ну-ка возвращайся на место!»

– Огромное спасибо за подарок, Сергей Александрович! Это для меня как аванс от творческой элиты Томска.словно чуть-чуть приоткрытая дверь, куда позволено входить для продолжения сотрудничества с композиторами. А мастера они – очень крутые! Если пригласят, то работать придётся тяжело и много.

Беседа продолжалась. Пили кофе, ели мороженое.

Сергей Александрович замолчал, провёл рукой по копне вьющихся волос и, вспоминая, заговорил об окопной солдатской жизни в Великую Отечественную войну.

– В минуты передышки, – начал он, – писали письма домой, стирали гимнастёрки, и, знаете, Галенька, читали стихи, пели песни. Молоды были. Нет. Не надо, не надо грусти...

Собеседник вновь оживился. На лице появилась слабая улыбка, глаза повеселели, а с меня свалилась тяжеленная глыба переживаний.

Он – участник войны, я – ребёнок военных лет. Мы очень хорошо понимали друг друга и чувствовали после нескольких произнесённых слов, какое повествование последует в разговоре.

– А знаете, Галенька, мне часто вспоминается из той войны один случай. Как-то после боя, в окопе, высокий черноволосый парень спел песню, да так спел, что мне до сих пор звучит та незамысловатая мелодия. Но музыка ладно, а вот слова, слова какие были! Долго помнил, но со временем как-то стёрлись из памяти. Очень жалею, что не записал тогда на бумагу. Сейчас помню из неё только одну строчку: «...Улетела стая птиц, и закапало с ресниц...». Галенька, а может быть, вы попробуете написать текст, используя эту строку. А?

– Попробую, дорогой Сергей Александрович, конечно, попробую.

Уходила от Королёва Сергея Александровича, наполненная и ярким восторгом, и разноцветными ностальгическими воспоминаниями прошлого, окутанная мягким полотном теплоты и человеческого внимания. Притом с полной кошёлкой обязательств.

Прошедшая встреча сильно всколыхнула мою размеренную привычную жизнь, внося в неё дополнительные тропки познания и новые направления в творчестве.

Воодушевлённая подарком маэстро, предложением написать стихи на заданную строку, наполненная доверху положительными эмоциями, вернулась домой, в свой город.

В повседневной круговерти не забывала о данном обещании и написала цикл стихов на патриотические, военные, лирические темы.

Так небольшой ручеек знакомства с ветераном Великой Отечественной войны, актёром, музыкантом, композитором и наставником, которого мне сейчас очень-очень не хватает, перерос в полноводную реку творческого сотрудничества.

Людмила КУТЕРГИНА

ГАРНА⁴ «КНОПКА»

Встреча с участником Великой Отечественной войны

Я смотрю на фотографию, которую держит в руках **Екатерина Артёмовна Горбачёва**. На ней красивая семнадцатилетняя девушка с длинными косами – это Екатерина Артёмовна в юности. В 1941 году она училась в школе города Коротояра и помогала вместе с другими ребятами в Доме отдыха «Дивногорье» Лискинского района Воронежской области. Именно там её и застала война.

Начали формировать санитарные поезда для оказания помощи раненым. Катя не хотела отставать от других и тоже встала в очередь, но записывали только высоких девчонок, а она, маленькая ростиком, оставалась незамеченной. Тогда смышлённая девчушка, подставив несколько кирпичей, взобралась на них, и была наконец замечена. Над ней пошутили, но, учитывая боевой характер, в состав поезда записали.

Когда начиналась бомбёжка, помощь раненым оказывали такие хрупкие девушки, как Катя. Вынося раненых из разрушенных составов, чтобы спасти бойцов, они привязывали их к лодкам или просто к доскам, и отправляли

⁴ Гарна (укр.) – красивая.

вплавь. Иногда приходилось отстреливаться на полном ходу поезда, а когда состав попадал в окружение, чтобы не оказаться в плену, уходили кто в лес, кто, как Катя, к местным. Но и от местных ей пришлось вскоре уйти, потому что полицаи сразу обратили внимание на белолицую красавицу, которая выделялась на фоне загорелых селянок.

Из окружения выходила Катюша вместе с бойцами разных частей, которые тоже оказались в таком же положении. Именно там, чтобы спасти раненого офицера, Кате пришлось застрелить первого в её боевой жизни немца. Как вспоминает Екатерина Артёмовна, ей было так плохо, что у неё открылась рвота. Бойцам долго пришлось успокаивать девушку.

Приходилось волей судьбы даже из пушки стрелять, потому что раненые солдаты не могли сами поднять тяжёлые снаряды. Когда бойцы из наступающей части увидели, кто «палил» из пушки, смеясь, говорили, что были под защитой такой гарной «кнопки», не переставая восхищаться смелой девушкой.

В 1944 году Екатерина поступила в медицинский институт города Харькова. Вступительные экзамены сдавала, спрыгнув с санитарного поезда, и вновь уезжала с другим санитарным составом на боевую службу.

После войны Екатерина Артёмовна отдала двадцать лет медицине города-героя Новороссийска. Много лет работала врачом в отделениях Клинической больницы города Северска Томской области, откуда и ушла на заслуженный отдых.

Очень дорожит Екатерина Артёмовна медалью Жукова, имеет медаль «За храбрость», неоднократно награждалась юбилейными медалями.

Вспоминая боевое прошлое, Екатерина Артёмовна преображается, как в юности, становится озорным взгляд, речь словно песня льётся. На ум приходят слова: «Не стареют душой ветераны...».

Дай Бог этим замечательным людям, завоевавшим нам победу, крепкого здоровья, долголетия, внимания правительства и любви близких людей!

P.S. Екатерина Артёмовна Горбачёва ушла из жизни на следующий год после нашей встречи, но до сих пор я вспоминаю её задорный смех и добрый, лучистый взгляд.

*Природа плачет и грустит, как прежде,
Лишь двадцать первое июня на дворе.
Я заклинаю, слышите, потомки!
Не нарушайте мира на Земле!*

Юрий МАЛЫШЕВ

КАК Я ШЁЛ К ЕСЕНИНУ

Нашему поколению не пришлось соприкоснуться с поэзией Сергея Есенина в школьные годы, потому что упоминание о нём и его поэзии в эти годы было запрещено и, естественно, в программу учебных заведений его произведения не включались. Отдельные стихи переписывались и передавались из

рук в руки, а так как запретный плод всегда сладок, то нас, мальчишек сороковых годов, тянула к этому самобытному поэту красота и певучесть его стиха.

В 1966 году, будучи студентом ТГУ, я оказался на встрече с поэтом Е. Евтушенко, который приехал в Томск. Эта встреча состоялась в читальном зале научной библиотеки. Один из студентов попросил рассказать про Сергея Есенина.

– Это был великий поэт, – сказал Евтушенко. – О нём ходят разные небывлицы, что это был безграмотный деревенский поэт-самоучка, который пьянствовал и дебоширил. Я вам должен сказать, что Есенин был образованным человеком. Он много читал и работал над собой с большим упорством. Обладая феноменальной памятью, Сергей знал наизусть стихи поэтов-классиков и даже целые страницы из произведений Н. В. Гоголя. Он чувствовал себя хозяином в русской поэзии и потому вводил в поэтическую речь слова всех оттенков. Сделать Есенин успевал невероятно много: вёл переписку с молодыми поэтами и писателями; выступал в печати с критическими статьями. Его постоянно приглашали в студенческие аудитории и клубы, где С. Есенин выступал со своими стихами. Современники вспоминали, что стихи он читал изумительно, с такой силой и с такой болью, что вызывал бурю эмоций.

Но после смерти Есенина его вычеркнули из современной поэзии – слишком неугодным власти был этот поэт, не воспевавший её так, как это делали Маяковский с Демьяном Бедным.

Евтушенко закончил разговор о Есенине в твёрдой уверенности, что справедливость восторжествует, и Сергей Есенин займёт достойное место в русской поэзии.

Выступление Евтушенко в защиту Есенина потрясло нас. Мы слышали такой откровенно-доверительный разговор впервые. С тех пор я полюбил Есенина ещё больше.

В 1977 году мне посчастливилось по турпутёвке побывать в Батуми, где нас разместили в квартирах по улице Энгельса, недалеко от одноэтажного деревянного домика с надписью на мемориальной доске: «В этом доме жил русский поэт Сергей Есенин. Декабрь 1924 г. – январь 1925 г.». Увидев такую надпись, я остолбенел от неожиданности: неужели здесь жил Есенин?

Подойдя к распахнутому окну, я увидел черноокую девушку лет шестнадцати, кавказской внешности, которая сидела, облокотясь на подоконник. Я обратился к ней с просьбой рассказать что-нибудь про Есенина, который когда-то жил в этом доме. Девушка отрицательно покачала головой, дав понять, что она ничего о нём не знает, и предложила обратиться к её бабушке, которая находится во дворе дома.

Открыв калитку, я увидел приятную на вид седовласую женщину, которая, сидя на скамейке, теребила овечью шерсть. На моё приветствие она ответила доброй улыбкой и пригласила к столу. Расспросив о причине моего визита, она отложила своё занятие и стала неторопливо рассказывать, напрягая память.

«Я была тогда совсем маленькой, лет десяти, – начала она свой рассказ приятным бархатным голосом. – В этом доме жила моя бабушка, когда Серёжа снимал здесь комнату, а наш дом был рядом. Мы с ним быстро познакомились и подружились. Он попросил называть его просто Серёжа. Каждый раз,

возвращаясь из города, он угощал меня всякими сладостями. Во время своих занятий дверь комнаты он держал всегда закрытой, и бабушка просила меня не шуметь. Серёжа находил время поговорить со мной, рассказывал о своём детстве, деревне, о том, как живут в России, Европе, Америке. Америку он не любил. Когда Серёжа читал мне свои стихи, я смотрела на него, не отрывая взгляда. Во мне проснулась к нему нежная, детская любовь. В день его отъезда я плакала, сидя у него на коленях. Он успокаивал меня, глядя по головке, говорил, что скоро обязательно вернётся, и подарил мне на память свой сборник «Радуница». С тех пор Серёженьку я больше не видела».

Грустная, с материнской жалостью, нотка прозвучала в последних её словах. Я ушёл, поблагодарив эту добрую женщину за столь интересную для меня информацию о Сергее Есенине.

Ежедневно, проходя мимо этого домика, я останавливался у подъезда в раздумье о том, что когда-то Есенин ходил по этому тротуару, стоял около этой пальмы под окном, возможно, обнимал её, словно рязанскую берёзку. Не случайно именно здесь он создал одну из лучших своих поэм «Анна Снегина». Расставаясь с Батуми, у меня появилось четверостишие:

*В Батуми дом, где жил Есенин,
Стоит всё так же, как при нём.
Всё та же дверь и те ж ступени,
И та же пальма под окном.*

Позднее, знакомясь с творчеством Есенина, прочёл в его письме к Г. Беннславской о пребывании в Батуми: ему здесь скучно, читать нечего, просит выслать книги. В то же время он ходит в театр, вечерами играет в бильярд либо в карты, за ним «волочатся» женщины. «Как же, всё-таки поэт, к тому же известный», – пишет он.

Кроме поэмы «Анна Снегина» из-под его пера выходят знаменитые «Персидские мотивы» и ряд других стихотворений.

К тридцати годам жизни Сергей Есенин оставил бесценное наследие – поэзию, в которой воспел красоту и любовь к женщине, к родному краю, малой и большой родине – России.

Татьяна МИКУЦКАЯ

ТОМСКОМУ СОЮЗУ ХУДОЖНИКОВ 90 ЛЕТ

Хроника событий

Томское региональное отделение ВТОО «Союз художников России» в конце 2023 года отметило свой 90-летний юбилей. Весь этот период художники вместе со страной переносили несколько войн, годы репрессий, диктата и контроля над деятельностью творцов искусства, перемены в определении места человека-творца в социуме. Особенно остро ныне ощущаются изменения, связанные со сменой поколений и, естественно, основных ориентиров творческих устремлений, именно сейчас, когда так не хватает искреннего, почти «гусарского» служения искусству всех недавно ушедших томских шестидесятников. Покидают нас старые мастера, появляются новые имена... Именно в такие «рубежные» моменты истории томской художественной жизни хочется напомнить об основных этапах становления Союза томских художников.

Первым исследователем, изучавшим искусство Сибири и Томска 1920-х годов, был новосибирский искусствовед П. Д. Муратов (1934–2020). Так называемым советским периодом (от 1941 до конца 1970-х) занимался историк, профессор ТГУ Л. И. Боженко (1928–2005). В 1978 году был опубликован первый справочник членов Томского союза художников 1946–1970-х гг. со вступительной статьёй и краткими биографическими справками, подготовленный творческим коллективом авторов, в том числе В. Г. Ротман (1940–2024). Об истории создания Томского союза в 1930-х, а также о художниках в годы войны писала искусствовед-исследователь Т. А. Бычкова. Во вступительных статьях и приложениях двух справочников Томского союза художников (1996 и 2018), а также каталогов областных выставок, подготовленных Т. Н. Микуцкой, даны сведения об истории организации, её членах, их библиография, а также большой архивный материал, представляющий неопубликованные каталоги областных выставок, в том числе первой послевоенной выставки 1948 года. В последнее время появились новые сведения, воспоминания, фотоматериалы.

Организация Томского союза художников происходила на подготовленной почве: художники всегда стремились к объединению своих устремлений. Ещё до создания Союза советских художников (ССХ) имелось несколько творческих объединений. В 1909 было основано Томское общество любителей художеств, которое Г. Н. Потанин называл «Обществом сибирских художников», проработавшее до 1919 года. В 1926-м в Томске был создан филиал Ассоциации художников революционной России (АХРР), прекративший своё существова-

ние в 1931 году. Крупным объединением художников, которое существовало в Сибири параллельно АХРР, являлось Всесибирское общество «Новая Сибирь», открывшееся в 1926 году, но пять лет спустя упразднённое по всем городам Сибири в «административном порядке».

Именно эти три творческих организации во многом подготовили новый этап объединения: основание сибирских филиалов ССХ, который был создан в стране после постановления ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» от 23 апреля 1932 года. Прежние творческие сообщества уже рассматривались властью как организации «культивирования кружковой замкнутости и отрыва от политических задач современности». Заканчивался период «многоголосья», начиналось время «великого перелома» – «обострение классово-борьбы по мере движения СССР к социализму».

19 января 1933 года появилось постановление секретариата Западносибирского крайкома ВКП(б) о создании краевого оргкомитета ССХ с филиалами, чему предшествовала большая организационная работа в городах Сибири. Уже 25 февраля в Новосибирске была открыта Первая краевая художественная выставка – эта дата стала днём основания Западносибирского ССХ с филиалами. В Томске ещё 7 августа 1932 года состоялось собрание художников, целью которого было начать работу по организации филиала. Талантливые и азартные Н. Ф. Смолин и А. Г. Заковряшин активно работали над этим, занимались организацией выставок и той особой деятельностью, которая должна была разбудить творческие силы «ныне уездного города». Проявляя примеры красноречия, невероятного трудолюбия и настойчивости, 18 сентября они созвали общее собрание художников города, на котором было утверждено решение о создании Томского филиала Западносибирского ССХ.

Предстоял долгий путь регистрации в Новосибирске, который окончательно завершился лишь в 1934 году, когда 20 мая были выданы удостоверения первым членам томского филиала. Художникам нужно было доказать жизнеспособность и необходимость для города нового художественного объединения. Первую городскую выставку живописи и графики художников Томска Н. Ф. Смолину, как председателю Томского ССХ, с большими усилиями удалось организовать в начале февраля 1934 года. Через полгода в Новосибирске открылась Вторая краевая выставка, участниками которой уже были пять томичей с 22 произведениями.

Художники ответственно готовились к выставке: пытались ощутить пульс времени, совершили творческие поездки в Кузбасс, работали в цехах заводов. Старейший живописец В. И. Лукин представил холст «Уголь Кузбасса», позднее он был приобретён Министерством культуры РСФСР и до настоящего времени экспонируется на крупных ретроспективных выставках РОСИЗО. Талант Н. Ф. Смолина, первого председателя Томской организации союза художников, был замечен не только в Томске, но и в Новосибирске, где он был оценён по достоинству. Смолин организационно подготовил открытие второй городской художественной выставки уже как филиала Западносибирского ССХ и до её торжественного открытия, которое произошло 7 ноября 1935-го, навсегда уехал в Новосибирск, став в молодом городе старейшим художником. С отъез-

дом Смолина «уполномоченным томской группы художников» стал Н. К. Мраморнов, а потом он стал председателем в Западносибирском филиале ССХ. До Великой Отечественной войны томичи ещё дважды участвовали в новосибирских выставках – в 1937 и 1940 годах.

Весной 1934 года в Томске организовали кооперативное товарищество «Художник». Для томских художников того времени важнейшей проблемой было получение художественного образования, эту задачу частично решали две студии, организованные при товариществе, возглавляемые С. И. Голубиным. Для этой цели в центре города было выделено небольшое двухэтажное здание, где располагались студии, товарищество и ССХ. Сталинские репрессии не миновали и художников города: аресты, исключения из членов. Томский филиал ССХ был даже ненадолго ликвидирован «ввиду социальной засоренности и дальнейшей неработоспособности».

Уже первые дни войны позволили художникам глубоко и по-новому ощутить ценность того, на что посягал враг. Искусству требовались искренность и профессионализм, глубина и сила, равные оружию бойца. В годы Великой Отечественной войны в художественной жизни Томска произошли существенные изменения. Ушли на фронт и погибли в самом начале войны А. Н. Шафигулин, Н. К. Мраморнов, в мае 1945-го под Берлином погиб А. Г. Заковряшин. В 1943 году в Томске умер один из старейших живописцев Сибири, закончивший Академию художеств, В. И. Лукин. В то же время коллектив художников значительно пополнился коллегами по цеху, эвакуированными из европейской части страны. В Томск приехали москвичи Е. А. Кацман, Б. Е. Желтухин, В. А. Шепелев, ленинградки Л. А. Острова, Е. И. Плехан, белорусский скульптор З. И. Азгур, из Харькова – бывший томич М. М. Щеглов, из Севастополя – вместе со спасённым музейным собранием – М. П. Крошицкий и другие. Работали в Томске и «административно сосланные немцы» Ю. И. Прейсс и К. И. Винтер. Все они на время стали членами томской организации. По законам военного времени приехавшие в Томск художники-профессионалы должны были встать на учёт в местной организации ССХ, но после ушедшего на фронт Н. К. Мраморнова организация существовала лишь на бумаге. Поэтому уже в ноябре 1941 года художники приняли решение о перерегистрации организации уже не в Западносибирском филиале ССХ, а в Новосибирском ССХ (переименование произошло в 1937). Поручено было это важное дело Е. А. Кацману – заслуженному деятелю искусств РСФСР. Задание было исполнено, соответственно Кацман ненадолго, до возвращения в Москву, возглавил организацию. С апреля 1942 до 1944 года председателем союза была Л. А. Острова, а её заместителем – легендарный М. П. Крошицкий, после его отъезда в Крым в мае 1945 года Союз художников возглавил томич Н. А. Попов.

Годы войны были для художников, как и для всего народа, полны лишений и самоотверженной работы во имя Победы. Эти страницы истории томской организации полны серьёзными и важными творческими событиями: выпуск 12264 экземпляров «Окон ТАСС», иллюстрированной газеты «За Родину», ведение М. М. Щегловым «Дневника Отечественной войны», выставочная деятельность в Томске и Новосибирске, а также три персональные выставки (М. М. Щеглова, Л. А. Островой, Е. Н. Плехан). 19 сентября 1941 года

Томский горком ВКП(б) постановил организовать регулярный выпуск «Окон ТАСС» путём создания мастерской политического плаката. Мастерскую «Окон ТАСС», где работало 30 художников и печатников, возглавлял М. М. Щеглов. Народный характер, близость текстов к простой русской разговорной речи, оригинальность сочетания сатирического изображения и реальности, подробный показ этапов действия в их последовательности – эти черты, отличающие томские «Окна ТАСС», позволяют назвать их изобразительной летописью Великой Отечественной войны. Рисунки М. М. Щеглова к «Окнам ТАСС» и ещё 125 произведений живописи и графики 27 томских художников были представлены 24 мая 1942 года на городской выставке «За Родину». О выставке мы знали в основном благодаря каталогу, автором которого был искусствовед К. А. Ситник (1910–1957). Художественный образ выставки до нас дошёл благодаря редким фотографиям из РГАЛИ, полученных в 2020-м. Выставка была задумана как представление двух реальностей: войны и мира, соответственно, она состояла из разделов: «Великая Отечественная война» и «Наша Родина».

В 1944 году Томск получил статус областного центра, отделение Новосибирской организации Союза советских художников в городе было упразднено. 14 января 1946 года на общем собрании художников было выбрано оргбюро ССХ Томской области, позднее прошла регистрация Томского отделения ССХ. Первыми членами его стали С. И. Голубин, Б. Л. Кутуков, В. М. Мизеров, Л. И. Обабкова, Н. А. Попов, В. М. Хоменко, К. Г. Чумичев. Председателем избрана энергичная В. И. Котова. Уже как самостоятельное творческое объединение томичи успешно участвовали в 1947 году в Сибирской межобластной художественной выставке в Новосибирске. Выставкомом было выбрано 49 произведений живописи и графики, причём В. М. Мизеров был представлен «мини-выставкой» из 19 акварелей. Первая областная художественная выставка была проведена в мае 1948 года. Эта выставка стала первой в новом статусе томской организации художников, от неё идёт отсчёт ныне организуемых выставок. Традиционно большей частью были представлены этюды, заказные и студийные портреты, эскизы тематических композиций.

В 1940 – начале 1950-х годов лицо союза определяли художники, рождённые на рубеже XIX – начала XX века: С. И. Голубин, В. М. Мизеров, Б. Л. Кутуков, В. И. Котова, Л. И. Обабкова. Все они имели художественное образование, полученное в Санкт-Петербурге, Казани, Москве, Пензе и др. Это были образованные люди из семей, принадлежащих к драгоценному слою русской интеллигенции, для них искусство было выше любой остросюжетной политики. Они не были бунтарями, но шли профессиональной творческой дорогой, предлагаемой обстоятельствами. 1940–1950-е годы отличались последовательным поиском опоры на историческое наследие, что является одной из главных черт формирования стиля, определяющего послевоенное время.

В конце 1940-х – начале 1950-х в Томск приехали молодые художники, которые на долгие творческие годы стали основой Томского союза и художественной жизни региона: М. Ф. Горбатенко, В. Г. Гроховский, А. Д. Елисеев, К. Г. Залозный, Д. М. Зорянинов, А. С. Зуев, Г. М. Ламанов, Я. Я. Панов, В. Ф. Попов, В. М. Хоменко, В. В. Черемин. Это были художники советской эпохи, они жили с ней в гармоническом согласии, убеждённо и динамично. Большинство из них

– выходцы из сибирской глубинки, рождённые в годы становления советской власти. Для художественного образования некоторых молодых авторов решающее значение имели более доступные, чем училища, студии, в том числе томская при товариществе «Художник», которой руководили В. М. Мизеров и позже – К. Г. Чумичев, В. И. Котова. Системное художественное образование было только у В. Г. Гроховского, Я. Я. Панова, В. Ф. Попова, В. В. Черемина, Г. М. Ламанова.

Через судьбы этого поколения художников прошла война, не всем удалось получить или завершить учёбу – в то время высшее образование было редкостью. К. Г. Залозный окончил художественное училище, а затем художественный институт в Ташкенте, проявив упорство и характер в преодолении препятствий. Свои особенные черты характера человека и художника он не раз подтвердил, более 17 лет находясь на посту председателя Томского союза художников. Преданность искусству, упорный труд помогли этому поколению томичей стать профессионалами. Война навсегда определила их активную гражданскую позицию в отношении к творчеству и жизни.

К. Г. Залозный вспоминал: «Возвратившись в Томск, я начинаю работать в мастерских Томского отделения Художественного фонда РСФСР (были преобразованы из товарищества «Художник»), которые находились на пр. Ленина, 77, в деревянном доме на втором этаже, напротив Дома офицеров. Художники выполняли производственные и творческие заказы. Администрация мастерских добивалась перед Художественным фондом РСФСР средств на строительство нового помещения». Средства выделили, место отвели по ул. Карташова, 12а, здание было построено. Томский художественный фонд до начала 2000-х являлся базой для создания художественных заказов для Томска и области. На средства художественного фонда отправляли художников на творческие дачи, издавали каталоги, материально поддерживали ветеранов и талантливую молодёжь. Правление СХ и художественный фонд до 1990-х дружно существовали под одной крышей. Почти все томские художники, прежде чем стать членами СХ, работали в художественном фонде, исполняли оформительские, а затем и творческие заказы.

В 1950-х годах пришли первые успехи, томичи стали экспонентами крупных выставок в стране. Для произведений того времени характерно обращение к бытовому и историческому жанрам. Художники этого поколения обладали достаточной долей светлого оптимизма и отличались внимательным отношением к истории. Естественно, процесс приближения сибирских авторов к тенденциям русского искусства XX века был сложным, порой бережное и внимательное отношение к реальной действительности не переходило границ описательности. Они стремились преодолеть провинциальную оторванность художественной жизни своего города от общего развития культуры, приблизиться к творческим поискам своего времени, влиться в общее русло развития советского искусства. Итогом этих устремлений стало участие томских живописцев в выставках, организуемых в стране. Одной из первых значительных была выставка произведений периферийных художников 1946 года в Иркутске, в ней участвовали В. М. Мизеров и Л. И. Обабкова.

28 февраля 1957 года в Москве открылся Первый всесоюзный съезд Союза

художников СССР. Съезд принял Устав Союза художников и тем самым юридически оформил статус «работников пространственных искусств», упрочил их общественное положение. В июне 1960-го состоялся учредительный съезд Союза художников РСФСР, делегатом от томичей был избран В. М. Хоменко. При выделении Союза художников РСФСР из структуры Союза художников СССР организационно сформировалась идея региональных выставок. После учредительного съезда началась подготовка к зональной художественной выставке «Сибирь социалистическая», которая стала ступенью к всероссийской выставке «Советская Россия». Была заложена схема выставочной деятельности СХ, эта схема сохранена и действует до настоящего времени. Первая выставка «Сибирь социалистическая» открылась 1 ноября 1964 года в Новосибирске как «смотр лучших достижений периферийного искусства». Постепенно выставка «Сибирь социалистическая» (с 1991 – «Сибирь») становится знаковым событием в культурной жизни региона. Она дала российской культуре ряд выдающихся имён художников, в том числе томичей, а также произведений, которые вошли в лучшие музейные собрания страны.

Вместе с тем художники в конце 1950-х – начале 1960-х инстинктивно ощущали, что картина жизни, какой она рисовалась по всесоюзным и республиканским выставкам послевоенного десятилетия, вычёркивала из сознания современников нечто существенное и неподдельное. Обновление в искусстве началось с менее заметных процессов. Их побудительной силой было активное неприятие стереотипов художественных ориентиров 1940-х, а основой – тяготение к традициям русского импрессионизма с типичной для него внутренней опорой на натурный этюд.

Художников объединял жадный интерес познания земли «к северу от Томска», тяга к новым типажам людей-покорителей, не только суровой земли, но и собственной судьбы. Г. М. Ламанов, В. Г. Гроховский, В. Ф. Попов, Я. Я. Панов, к которым присоединялись их товарищи, путешествовали на лодках по глухим таёжным речкам, жили на заброшенных остяцких заимках, писали этюды. Расширяя географию творческих маршрутов, они формировали своё, во многом эпическое отношение к сибирскому пейзажу. Первый речной поход начался 31 мая 1956 года из Томска в Каргасок на моторной лодке, которую построили художники. Позднее, в конце 1970-х – начале 1980-х сформировалась художественная флотилия Томского союза художников. Катера-мастерские бороздили Обь и её притоки. Г. Н. Завьялов возглавил эту ватагу художников-капитанов, которыми стали Н. Е. Наврошь, С. Е. Хатылов, В. И. Самойлов, С. П. Лазарев.

1960-е годы – время большого притока молодых художников, выпускников художественных вузов и училищ страны, в Сибирь, Томск и Томскую организацию Союза художников, что способствовало укреплению атмосферы творческой активности. Процесс профессионального и количественного роста организации совпал со следующим этапом развития советского искусства. Новое поколение испытывало всё более настойчивую потребность в правдивом выражении общественных настроений. Отсюда возрождение интереса к крупной изобразительной форме, большому стилю. Ведущее положение занимает линия открыто публицистическая, иногда почти репортажная или открыто декоративная, монументально-пластическая. Графика вступает в период сво-

его яркого существования. Создавалась система художественных знаков «сурового стиля», возникшего как реакция на XX съезд, который стал своего рода ренессансом социализма, и нашёл отклики в отдельных работах томичей.

В эти годы закладывались лучшие традиции Томского союза. Живописец-фронтоник Я. Я. Панов, уроженец Чаинского района, совместно с бывшим томичом А. Н. Либеровым собрали художественную коллекцию и 15 января 1969 года открыли первую в Сибири Чаинскую народную картинную галерею в селе Подгорном (ныне филиал Томского областного художественного музея). Большой вклад в формирование фонда галереи внесли томские и московские художники. Итогом этой сопричастности стали попытки создать картинные галереи на предприятиях. В 1985 году более 600 работ местных авторов были переданы для устройства картинной галереи совхоза «Пойменный». Эти акции дарения работ не были редкостью,

К. Г. Залозный писал в своих воспоминаниях: «Мы в районах области стали организовывать картинные галереи. Так, В. Ф. Попов передал свои натурные зарисовки школе в Стрежевом. В. Г. Гроховский – серии своих работ школам посёлка Каргасок и Дому культуры Колпашево. <...> Далее мы, томичи, собрали и передали в дар свои работы Богашёвской средней школе, Дому культуры Бакчара». К. Г. Залозный в 1988-м подарил более 40 своих произведений для организации картинной галереи на своей малой родине, в деревне Подлесовка Томского района, а позднее 130 работ семья художника передала в музей Стрежевого. В период основания Томского областного художественного музея художниками были переданы в дар молодому музею 46 произведений живописи и графики. Эти поступки для томских художников были частью их органичного существования в реалиях советского времени. До настоящего времени именно дары художников являются одним из источников комплектования собрания художественного музея.

В 1970-х в Томск по приглашению приехало более 30 талантливых молодых художников, получивших образование в художественных вузах и училищах страны. В силу различия каждой из школ этих городов картина художественной жизни Томска отличалась и отличается до настоящего времени полифонией – многообразием творческих манер. Важными факторами, которые влияли на привлекательность Томска для молодых авторов, были предоставление в первый год работы жилья и творческой мастерской. С начала 1970-х до 1986 года в Томске было построено более 25 творческих мастерских. Это был итог каждодневной работы Томского СХ, которую вёл с Администрацией Томской области председатель СХ К. Г. Залозный, а также продуманная политика власти: выпускников вузов приглашали индивидуально, ориентируясь на творческие работы и рекомендации преподавателей.

Большой приток талантливой и активной молодёжи стал поводом для организации молодёжного объединения и масштабных молодёжных выставок, с 1971 г. проводившихся в городе, а с 1973 – и в Сибири. Рост молодёжного крыла томской организации СХ был заметен с первой областной молодёжной выставки «Ледоход», организованной Н. А. Беляновым, в которой участвовало всего 12 художников. Молодёжь 1970–1980-х гг. была увлечена изучением художественного наследия – от народного примитива до искусства эпохи Воз-

рождения. Критики тех лет справедливо отмечали эклектичное понимание преемственности – это было как отражение сложной внутренней структуры нового искусства в художественной среде Томска.

Молодёжные художественные выставки претерпели период затишья с конца 1980-х до начала 2000-х. В 2004 году в ТОХМ прошла 19-я молодёжная выставка. В 2007–2008 стараниями члена правления Н. Н. Коробейникова было заново организовано молодёжное объединение, не имеющее официального юридического статуса, но возобновившее традиции периодических молодёжных выставок. В 2013-м этот проект получил название «Регион 70» и биеннально-конкурсный формат, было возобновлено издание каталогов проекта. В выставке-конкурсе 2021–2022 приняли участие 60 авторов – в основном выпускники томских вузов.

Молодые авторы в 1970-х гг. наполнили художественную жизнь города творческим азартом, который увлёк и художников старшего поколения. Значительным событием в художественной жизни Томска и Томского СХ были две зональные выставки: 4-я зональная «Сибирь социалистическая» 1975 г. и региональная «Сибирь – IX» 2003 г., которые успешно прошли в нашем городе с разрывом в 28 лет. В Томске 11 января 1975 г. во Дворце зрелищ и спорта торжественно открылась 4-я зональная художественная выставка «Сибирь социалистическая», в выставке участвовали 500 художников, из них 50 томичей (членами СХ были только 21). Экспозиция была построена по тематическим блокам: «Хлеб Сибири», «Энергетика Сибири», «Индустрия Сибири», «Нефть Сибири».

П. Д. Муратов в статье, посвящённой зональной выставке, заметил о томских художниках: «В старых сибирских городах, таких как Иркутск, Красноярск, Томск, сложился тип художника-таёжника, всё лето, частично и зиму проводящего вне города, по преимуществу на севере, где первозданная природа медленнее преобразуется цивилизацией. А. Шумилкин, Г. Завьялов даже внешностью сделались совершенные северяне. Они хорошо, насколько можно эмпирическим путём, знают природу и людей края, знакомы с бытом и культурой северян. Они остро чувствуют разительные перемены, происходящие в Сибири. Освоение её богатств для них не строка в газете, а судьбы людей, индустриальные города на вечной мерзлоте».

Открытие «Сибири социалистической» прибавило динамики художественной жизни города. На этой выставке впервые были экспонированы знаковые работы в творчестве многих сибирских художников, позднее они вошли в собрания музеев страны, в том числе Томского областного художественного музея. Одновременно с зональной выставкой в Томске проходил выездной пленум Союза художников РСФСР, на котором по инициативе К. Г. Залозного и при поддержке Е. К. Лигачёва было принято решение об открытии в нашем городе художественного музея, который со времени открытия в 1982 году стал престижной выставочной площадкой томичей. В период подготовки к зональной выставке 1975 года в посёлке Вертикос Каргасокского района был построен Дом художника. Труднодоступный посёлок, затерявшийся среди лесов и знаменитых на весь мир Васюганских болот, стал местом, где обрели свою малую родину томские художники, родившиеся в других регионах страны. К

сожалению, в начале 1990-х Томский союз художников уже не смог содержать эту обитель творчества и тепла. Так была перевёрнута значимая страница художественной жизни области, но в память о ней остались великолепные работы художников.

О состоянии томской организации в 1980-х, а это был самый яркий период в жизни организации, связанный с её ростом, определённо говорит тот факт, что если в 1980 году её членами были 23 художника, то в 1985-м – уже 54. Имена томичей перестали быть единичными, кратковременными искорками на серьёзных вернисажах советского изобразительного искусства. В 1978 году в Минске проходила всесоюзная молодёжная художественная выставка «Страна родная», в которой участвовали 12 томских авторов. Особенно активно экспонировались произведения томских графиков. Графики Томска нескольких поколений, работающие в разных манерах, выбравшие разные тематические пласты для творческого изучения, достойно представляли Томскую организацию СХ на выставках разного уровня. Первую известность томской графике принесли художники 1960–1970-х годов: В. Г. Гроховский, А. В. Евтихийев, В. К. Кудряшов и др. Несомненным ведущим мастером в художественной жизни Томска был В. Г. Гроховский. Он создал несколько серий линогравюр, посвящённых природе и сильным людям Томского Севера, а его гравюра «В глубь земли» (1965) из серии «Нефтеразведчики Васюганья» стала для томичей символом 1960-х годов. В 1970–1990-х в Томском союзе художников сложилась группа талантливых авторов, исповедующих разные интонации и грани графического языка, ныне известных мастеров: Р. В. Пантелеева, Т. М. Бельчикова, С. П. Лазарев, С. С. Павский, Н. В. Ратомская, Н. Д. Аксенова и уехавшие из Томска Ю. И. Фатеев и Л. Г. Белякова. Одним из основных мотивов для Р. В. Пантелеевой и Т. М. Бельчиковой стал старинный Томск. В 2010-х громко о себе заявили молодые талантливые художники, удачно выступающие в выставках: М. Ю. Сулейманов – виртуоз с уникальными, ювелирного исполнения рисунками, И. А. Репников – мастер символического рисунка, который нашёл гармоничное равновесие между реальным и абстрактным.

В 1986 году томская организация Союза художников РСФСР праздновала свой 40-летний юбилей, отмеченный организацией выставки, которая прошла в одном из выставочных залов Москвы. Юбилейная ретроспективная выставка «Художники Томска» включала работы старейших членов союза из собрания ТОХМ и работы молодых томских авторов. В декабре художественный музей провёл ретроспективную выставку «Автопортрет и портрет художника», посвящённую также юбилею Томского союза. Выставка была создана на основе собраний ТОХМ, Новосибирской картинной галереи, новых работ, написанных специально для проекта по предложению музея. На выставке была впервые представлена история томской художественной жизни Томска от автопортрета первого профессионального художника XIX в. П. М. Кошарова до автопортретов, написанных в 1986 году. В 2006-м, когда исполнилось 60 лет Томскому союзу художников, художественный музей возобновил этот проект на новом, более высоком уровне, с новыми авторами и работами.

В 1990-х Томский союз пережил все потрясения, которые выпали на время «жесточкой перестройки»: менялось отношение к статусу художника, из твор-

ческого человека его усиленно превращали в исполнителя воли заказчика, покупателя. В городе открывались галереи, художники объединялись внутри союза в творческие группы единомышленников с общими целями и задачами. Ведущими в художественной жизни Томска 1990–2010-х стали авторы, разные по полюсам творческих ориентиров, но схожие по интенсивности и азарту в работе: С. П. Лазарев (1952–2024) и П. П. Гавриленко. Это утверждение основывается также на общественной значимости их педагогической деятельности, участия в выставочных проектах, постоянному интересу к этим художникам прессы, томских энциклопедистов и исследователей разного уровня.

С 1980-х в живописи Томска сформировались два ведущих направления. Первое – «креативное» – определено появлением группы «томских фотодокументалистов» во главе с Н. А. Беляновым. Оно выросло из общения с коллегами в пору совместной работы в Доме творчества «Сенеж» (Московская обл.). Художественное обращение к «фотореализму» открыло для них новый пласт реальности, созвучный исканиям столичных художников. В 1985 году вся группа кроме П. П. Гавриленко переехала в Москву.

Второе направление – это разработка томскими художниками актуальной, всегда притягательной для русского искусства концепции открытой живописности, которая решалась авторами через пейзаж и портрет – традиционные для Томска жанры. Холсты этой группы авторов, как правило, выдержаны в сложной тональности или колористической звучности, проникнуты композиционной динамикой, где живописная пластика полотна почти абстрактна. Творчество томских живописцев конца 1990–2020-х представляет достаточно яркую картину. Их отличительной чертой можно продолжать считать полифонизм – разнообразие стилевых направлений, существующих в едином художественном пространстве. Это связано с тем, что ядро живописцев Томска всегда составляли талантливые художники, получившие образование в разных городах и учебных заведениях страны.

В начале XXI века поиск гармонии в живописи идёт по двум направлениям: традиционному реалистическому, со всплесками «открытой живописности», и условно-символическому с экспериментами в выборе интонаций абстрактного языка. По наблюдению исследователей, на выставках последних лет заметна активизация романтического реализма, который противостоит разрушительному натиску так называемого актуального искусства и активно пополняет ряды своих приверженцев. В последних выставочных проектах выделяются работы художников, исповедующих это направление, соединяющее художественные возможности богатейшего живописного языка, вобравшее в себя не только все достижения реалистической школы, но и открытия импрессионизма. Проявляется также тенденция к трансформации реалистической системы, которая видна в стремлении художников к синтезу различных направлений, стилей, художественных моделей и идей, где происходит «ослабление социальных характеристик персонажей и перенос акцента на сознание и самопознание личности».

С 1990-х Томский союз художников совместно с художественным музеем начал проводить периодические комплексные юбилейные выставки. Наряду с областными проектами в 1990-х гг. в Сибири были проведены две межрегио-

нальные художественные выставки «Сибирь», обе в Красноярске, в сентябре 1991 и в январе 1998. Экспозиция выставки 1991 г. была построена как проект, подтверждающий «теорию слома в искусстве» на стыке двух веков. Даже в решении структуры выставки были явно обозначены два мира, две эпохи: искусство традиционное и ныне разрешённое «другое искусство». На межрегиональную выставку «Сибирь – VIII» (1998 г.), посвящённую 150-летию В. И. Сурикова, томичи представили большую коллекцию работ, в том числе разнообразную по жанрам и материалам коллекцию декоративно-прикладного искусства. Это была последняя выставка с ярким представительством томских прикладников.

Развитие декоративно-прикладного искусства Томска – процесс, идущий замедленно и сложно. До 4-й зональной художественной выставки прикладное искусство нашей области было представлено лишь изделиями из бересты, выполненными заслуженным художником РСФСР, живописцем Г. М. Ламановым. Он изучал хантыйскую бересту, коллекционировал её, сам создавал уникальные вещи, воспитывал учеников. Именно благодаря Г. М. Ламанову берестяной промысел получил развитие в Томской области. Сначала с берестой стали работать в Томском экспериментально-производственном объединении художественных промыслов, затем в фирме «Томский умелец» (1983–2007), где трудились мастера, которые сочетали традиционные способы производства изделий из дерева и бересты с новыми технологиями. Томская береста связана с именами В. П. Гужина, ученика Ламанова, занимавшегося скобленой этнической берестой, и Н. Г. Лукмановой, работающей в технике миниатюрной многослойной прорезной бересты с тиснением по авторской технологии.

Самым крупным предприятием народно-художественных промыслов области был Богашёвский экспериментальный завод художественной керамики (1959–2006), работавший со светложгущейся глиной местного Вороновского месторождения. Его продукция была востребована благодаря работе художников экспериментальной лаборатории. У богашёвской керамики был характерный «фирменный» цвет: обжиг делал черепок белым, а глазурь и второй обжиг давали тёплый цвет песка или хлеба. В оригинальной сдержанной цветовой гамме, в использовании сибирских мотивов в подглазурной росписи солями художники искали так называемый «сибирский стиль». Богашёвская керамика стала брендом, основным сувениром Томской области на 20 лет, постоянным экспонентом выставок разного уровня.

В нескольких километрах от Богашёва находился Лучановский стекольный завод с историей рождения, относящейся к рубежу XIX–XX веков, который выпускал бытовые стеклянные изделия, используя местное месторождение чистого кварца. Известен этот завод в стране стал лишь в 1977 году, когда главный художник завода Ф. Ш. Яхин привёз на Всесоюзный художественный совет свои дымчатые бокалы, которые отличались безупречным вкусом и скромной изысканностью. Это была одна из первых производственных разработок Ф. Ш. Яхина, представителя ленинградской школы, а позднее к нему присоединилась коллега К. Г. Глазова, окончившая отделение стекла Московского высшего художественно-промышленного училища. Они создали композиции из стекла, которые принесли заводу всероссийскую славу. С 1992 года была резко

сокращена поддержка российских промыслов. Томские предприятия народно-художественных промыслов, достигнув вершин в своём развитии, вступили в сложный период угасания деятельности и были закрыты: Лучановский завод – в 2002-м, Богашевский завод – в 2006-м, «Томский умелец» – в 2007 году. Эти события коренным образом изменили картину художественных промыслов в Томской области и представительство томских прикладников в выставках.

Однако неизменным остаётся участие в выставочных проектах томских монументалистов. Начало монументального искусства в Томске хронологически связано с серединой 1950-х. Государство долгие годы являлось единственным заказчиком монументальных произведений. В Томске первые монументально-декоративные работы были выполнены Д. М. Зоряниновым, окончившим факультет монументально-декоративной живописи ЛВХПУ им. В. И. Мухиной. В 1960–1980-х годах архитектуре была свойственна строгая плоскостность экстерьеров и интерьеров: художники придавали им привлекательность, используя мозаики, витражи, керамические панно, сграффито, росписи. В 1970-х в городе появляются молодые авторы, получившие специальное образование в области монументально-декоративного искусства, они очень быстро становятся членами Томского СХ, организуют при союзе секцию монументалистов. В 1975-м сформировалась творческая группа, которая стала работать над витражами, а позднее мозаиками для общественных интерьеров в городе, а затем в Сибири: Н. Е. Наврость, Н. А. Илешин, А. М. Потёмкин, Н. С. Беглюк и другие. С 1990-х А. М. Потёмкин и Н. А. Илешин создают витражи и уникальные мозаичные иконы для православных церквей. Их работы украшают храмы в Томске, Северске, Сургуте, Свято-Троицкой Сергиевой Лавре, Кемеровской, Тюменской, Тобольской областях, в Республике Казахстан. Росписями храмовых интерьеров с 2004 года занимаются молодые художники С. В. и Ю. В. Астафуровы, которые вместе с подмастерьями выполняют огромные по объёму художественные задачи по росписи интерьеров храмов. В 2023 г. томские монументалисты завершили работы в Троицком кафедральном соборе в Сургуте.

В 2003 году Томск после Иркутска принимал периодический межрегиональный проект «Сибирь – IX». Этот переезд выставки из Иркутска в Томск был связан с приближающимся празднованием 400-летнего юбилея Томска. Такого крупномасштабного события, как зональная выставка 1975 года, не планировалось: времена изменились. Экспозиция была торжественно открыта 6 октября на двух площадках. Пожалуй, на примере этой выставки можно говорить о полной смене поколений – ушли великие томские старики, с которыми искусствоведы связывали понятие «большого стиля в живописи и графике» Томска. В экспозиции среднее поколение томичей представило значимые для творчества ведущих художников города работы, которые ныне вошли в собрание ТОХМ. «Сибирь – IX» стала вехой в жизни Томского СХ: после её завершения в связи с необратимыми событиями были утрачены выставочные залы СХ (где экспонировалась «Сибирь – IX»), здание художественного фонда и большая общая мастерская-галерея монументалистов.

Деятельность организации была разбалансирована: выставки стали проводиться изредка, с 1995 года не издавались каталоги областных выставок. С 2012 года ситуация изменилась: ТОХМ и Департамент по культуре Томской

области построили систему, по которой областные выставки работают и ныне. Эти выставки стали конкурсными и периодическими, с обязательным изданием иллюстрированных каталогов. Художественная ситуация стабилизируется, творческая жизнь Томского союза художников на новом витке развития продолжается. Ведущие томские художники регулярно проводят юбилейные персональные выставки в залах ТОХМ и на других площадках города. Лучшие рисовальщики союза стали постоянными участниками Томской всероссийской триеннале «Рисунок России» (2001–2016).

Объективным условием активизации художественной жизни в любом регионе является полный цикл художественного образования, в Томске он сложился в начале XXI века во многом благодаря многолетней педагогической деятельности членов Томского СХ и включает сеть детских и вечерних художественных школ, отделение живописи и реставрации при Губернаторском колледже культуры и искусства (с 1996), кафедру инженерной графики и промышленного дизайна НИ ТПУ, кафедру изобразительного искусства и дизайна Института искусств и культуры НИ ТГУ (с 2000), факультет культуры и искусств ТГПУ (с 2012). Всё это обеспечивает поступательность развития и продолжения художественных традиций и позволяет надеяться на высокую степень самореализации молодёжи.

Томский союз художников – активный участник межрегиональных выставочных проектов в Сибири – переживает смену поколений. В 2023 году в Барнауле, на межрегиональной всесибирской выставке «Сибирь – XIII», в экспозиции Томска более половины экспонентов – это новые имена молодых авторов, они также активные участники молодёжных сибирских и всероссийских выставочных проектов. Сегодня Томская организация ВТОО «Союз художников России» объединяет 70 профессиональных художников, обладающих большим творческим потенциалом. Томский союз художников за девять десятилетий сменил несколько названий, с 2001 года – это Томское региональное отделение Всероссийской творческой общественной организации «Союз художников России».

90 лет – это история нескольких поколений мастеров: деревенских мальчишек, воинов Великой Отечественной войны, художников, репрессированных и сосланных в Томск, мастеров, живших здесь в эвакуации, студентов, с замиранием сердца стоявших у мольберта рядом с В. М. Мизеровым, молодых художников, строивших на субботниках здание художественного фонда на улице Карташова...

В меняющемся мире художникам приходится заново доказывать необходимость своего существования в реалиях современных отношений. В круговороте событий нового времени томские художники, разные по возрасту, образованию и миропониманию, продолжают работать, жить и творить. За столь небольшой по историческим меркам срок Томская организация «Союза художников России» стала неотъемлемой частью российской культуры.

ВЛАДИМИР АФАНАСЬЕВИЧ ОБРУЧЕВ В ТОМСКЕ

*Публикация и комментарии А. Я. ПШЕНИЧКИНА,
заслуженного геолога РФ*

В начале 1901 года директор Томского технологического института имени Императора Николая II Е. Л. Зубашев, комплектуя штат преподавателей института, по рекомендации профессора Петербургского горного института И. В. Мушкетова пригласил на заведование кафедрой геологии и декана горного отделения первого штатного геолога Сибири Владимира Афанасьевича Обручева. После некоторого колебания и личного знакомства с институтом, во время посещения летом 1901 года Томска, Обручев дал согласие, и с 1 июля был назначен исполняющим должность ординарного профессора по кафедре геологии. А в октябре того же года назначен деканом горного и и. о. декана химического отделения.

Так начался томский период педагогической, организаторской и научно-исследовательской деятельности выдающегося учёного, путешественника, писателя, строителя Горного корпуса. И создателя сибирской горно-геологической школы геологов, положившей начало систематическому изучению огромных территорий Сибири, благодаря выпускникам которой было открыто более 600 месторождений полезных ископаемых: угля, золота и платиноидов, нефти и газа, алмазов, урана, полиметаллов, строительных материалов, то есть была создана материально-сырьевая база и обеспечена стратегическая безопасность страны.

Но не всё так просто было в устройстве на работу В. А. Обручева и его деятельности в качестве преподавателя. Ниже приводится ряд документов этого периода.

Автобиографические данные В. А. Обручева, составленные им в кабинете Е. Л. Зубашева при устройстве на работу.

Я окончил курс горного института в 1886 году и в июне того же года отправился в Закаспийскую область для производства геологических исследований в нижней части области под общим руководством профессора И. В. Мушкетова. Вернувшись в декабре 1886 года в Петербург, я отбывал военную повинность в качестве вольноопределяющегося в лейб-гвардии второй артиллерийской бригады до половины августа 1887 года, занимаясь вместе с тем составлением отчёта об исследованиях в Закаспийской области.

Возвращаясь в эту область, я в сентябре, будучи проездом на Кавказе, выполнил экскурсию по нефтяным месторождениям Бакинской области, исследования в Закаспийской области закончил в мае 1888 года.

Назначен в августе этого же года геологом Иркутского горного управления, я провёл в Иркутске четыре года, производя каждое лето геологические исследования: бурогольных месторождений Иркутской губернии, острова Ольхон и части Прибайкальских гор в бассейне реки Сармы; части Хамар-Дабана с месторождением лазуревых камней близ реки Купук; минеральных вод Ниловой пуши

в Тункинской долине; долины реки Лены от села Жигалово до села Витимска; золотоносного района Олёкминско-Витимской горной страны; Ямаровского минерального источника Забайкальской области.

В сентябре 1892 года я отправился в Китайскую империю в качестве геолога экспедиции Г. Н. Потанина, снаряжённой Императорским Русским Географическим Обществом, мой маршрут проходил по провинциям Чжи-Ли, Мань-Си, Гань-Соу, Сев. Си-Чуань, Восточной и Центральной Монголии, горной системе Кань-Шаня, Бень-Шаня, Восточного Тянь-Шаня и закончился в Кульдже в октябре 1894 года.

С октября 1894 года по май 1895 года я находился в С-Петербурге для составления краткого отчёта об этом путешествии и к лету 1895 года вернулся в Иркутск для руководства геологическими исследованиями и разведочными работами в Забайкальской области, причём юго-западная часть этой области изучена мной лично.

Закончив эти исследования к осени 1898 года, я возвратился в Петербург для составления подробного отчёта как о забайкальских, так и китайских работах, чем и занимаюсь до настоящего времени; летом 1899 года я был командирован за границу для осмотра музеев Средней Европы и сравнительного изучения некоторых местностей, причём исполнил экскурсии в Альпах, Швейцарии и Тироле и прирейнских провинциях Германии, и в сентябре участвовал в занятиях 7-го Международного Географического Конгресса в Берлине, на котором я сделал доклад о орографии и тектонике Забайкальской области, напечатанный в трудах Конгресса. Летом 1900 года я был командирован на 8-й Международный Геологический конгресс в Париж и участвовал в специальной геологической экскурсии в Оверню под руководством профессора Лакруа и инженера Мишеля Леви.

Во время пребывания в Иркутске в 1888–1892 и 1895–1898 гг. я принимал участие в трудах Восточно-Сибирского отделения Императорского Русского Географического общества в качестве члена распорядителя Комитета, Председателя секции физической географии и Правителя дел.

В настоящее время состою членом обществ: Императорского Русского Географического, его Восточно-Сибирского и Кяхтинско-Троицкого отделений, Приамурского отдела, С.-Петербургского минералогического, Императорского Общества Любителей Естествознания, Антропологии, Этнографии при московском Университете, членом-корреспондентом Общества земледелия в Берлине.

За свои учёные труды удостоен наград: серебряной медали, малой золотой медали, премии Пржевальского, Константиновской медали от Императорского Русского Географического общества и премии Чихачёва Парижской Академии наук.

Горный инженер Владимир Афанасьевич Обручев

Томский технологический институт по существующему в то время положению не имел права непосредственно обращаться в Министерство народного просвещения, только через попечителя Западно-Сибирского учебного округа. Округ располагался в Томске, институт был формально ему подчинён. Поэтому Совет института возбудил перед попечителем Западно-Сибирского учебного округа Л. И. Лаврентьевым ходатайство о назначении В. А. Обручева деканом горного отделения и профессором геологии. Ходатайство это Е. Л. Зубашев лично передал попечителю.

Попечитель учебного округа Л. И. Лаврентьев 24 мая 1901 года отправил министру народного просвещения П. С. Ванновскому ходатайство за № 1882 следующего содержания:

Вследствие открытия с сентября текущего года при Томском Технологическом Институте имени Императора Николая II Горного отделения является необходимым назначить профессора на кафедру геологии, а также руководителя означенного отделения. На основании рекомендации профессора Горного Института И. В. Мушкетова директор Томского Технологического Института остановился на состоявшем при Главном Горном Управлении, с откомандированием его для геологических исследований в Ленском золотоносном районе в качестве начальника партии, горном инженере, надворном советнике Владимире Обручеве.

Совет Томского Технологического Института Императора Николая II, рассмотрев формулярный список, жизнеописание и отзывы о работах Обручева, пришёл к единогласному заключению, что приглашение такого видного геолога, первого знатока Сибири и Азии вообще в геологическом и географическом отношении, лица, благодаря трудам которого главным образом и изучена геология Сибири, не только желательна, но и составляет положительное приобретение для Института. Труды Обручева, на основании отзыва Члена-корреспондента Императорского Русского Географического Общества Клементца, составляют не только ценный вклад в науку, но и имеют ещё и то достоинство, что написаны живым увлекательным языком и оценены Русским Географическим Обществом, присудившим Обручеву высшую награду – Константиновскую золотую медаль.

На основании параграфа 8 Высочайше утверждённого 12 июня 1900 года Положения о Томском Технологическом Институте Императора Николая II, на кафедрах по предметам, для которых имеются учёные университетские степени, профессор должен иметь степень доктора. Обручев, как горный инженер, такой степени не имеет, но учёные заслуги его настолько велики, что, по уверению специалистов, он может быть удостоен степени доктора наук.

Вследствие вышеизложенного и согласно постановлению Совета Института, директор Томского Технологического Института просит моего ходатайства о назначении состоявшего при Горном управлении горного инженера надворного советника Владимира Обручева исправляющим должность ординарного профессора геологии Томского Технологического Института Императора Николая II с первого июля сего года. К сему директор присовокупил, что, хотя с будущего года геология ещё не будет читаться ни на горном отделении, ни на химическом, тем не менее, назначение Обручева необходимо с указанного срока – с 1 июля текущего года, в силу того, что нужно выработать планы преподавания на горном отделении, проект здания для помещения лабораторий горного отделения, организовать лабораторные и вообще занятия со студентами этого отделения.

Будучи сам не вполне знаком с делом постановки высшего горнотехнического образования и не имея среди профессоров лиц, могущих облегчить в этом труд директора, статский советник Зубашев на основании параграфа 43 Положения о Томском Техническом Институте Императора Николая II просит моего ходатайства о назначении горного инженера Обручева, вместе с назначением

на должность ординарного профессора по кафедре геологии, исполняющим должность декана Горного отделения Института с 1 июля сего года.

Прилагая при сём формулярный список, жизнеописание и отзывы о работах Обручева, имею честь почтительнейше представить ходатайство о назначении Обручева на благоусмотрение Вашего Высокопревосходительства.

Вместе с тем имею честь почтительнейше просить, в случае назначения Обручева на должность профессора, не отказать в выдаче ему на основании статей 1, 8, 9 и 12 Положения о особых преимуществах гражданской службы в отдалённых местностях (Свод законов. Том 3, Книга 3. Издание 1889 года) полуторных прогонов по пятому классу, присвоенному должности Томского Технологического Института Императора Николая II по Высочайше утверждённому 4 января 1901 года штату сего института, по семь лошадей, по прилагаемому к сему расчёту, на проезд по статье 6 от Петербурга до Томска, в количестве 1106 руб. 91 коп., и полуторного пособия, как семейному, половины годового жалованья 2400–1200 рублей, а всего 2306 руб. 91 коп., которую сумму прошу, согласно заявлению Обручева, перевести в Томскую казённую палату в распоряжение Томского Технологического Института Императора Николая II для выдачи Обручеву по прибытии к месту службы в Томск.

Попечитель Западно-Сибирского учебного округа Л. И. Лаврентьев

Непросто получалось с назначением В. А. Обручева на должность декана Горного отделения. Е. Л. Зубашев подаёт представление попечителю Лаврентьеву:

Представление директора ТТИ

попечителю Западно-Сибирского учебного округа о назначении В. А. Обручева и И. И. Бобарыкова деканами Горного и Механического отделений

В представлениях моих от 19 мая сего года за № 1077 и от 4 июня за № 1336 я имел честь просить Ваше превосходительство ходатайствовать о назначении горного инженера надворного советника Владимира Афанасьевича Обручева и адъюнкт-профессора Харьковского технологического института Ивана Ивановича Бобарыкова профессорами вверенного мне института и вместе с тем ходатайствовать о назначении первого и. д. декана горного отделения, а второго деканом механического отделения, обоих сроком на четыре года с 1 июля текущего года.

Между тем в предложениях Вашего превосходительства от 5 сентября за № 3437 извещается только о назначении обоих этих лиц профессорами вверенного мне института и совершенно не упоминается о моём ходатайстве по поводу назначения их деканами.

Ввиду крайней необходимости для установления правильного хода занятий скорейшего назначения деканов, имею честь покорнейше просить Ваше превосходительство ходатайствовать о сообщении решения министра по вопросу о назначении вышеозначенных лиц деканами.

Директор института Е. Зубашев

Но в конце концов всё было урегулировано, и В. А. Обручев и И. И. Бобарыков были утверждены соответственно деканами горного и механического отделений.

В 1905 году, в связи с революционными событиями в России, томские

студенты бастовали. 20 и 21 сентября в Томском технологическом институте состоялся митинг, где бурно обсуждался вопрос: начать ли учебные занятия, прерванные забастовкой студентов в связи с революционными событиями в России. Этот же вопрос обсуждался на студенческой сходке 1 октября. В ней приняли участие профессора Обручев, Бобарыков, Кижнер и преподаватель Козьмин.

Н. М. Кижнер сообщил студентам, что профессора обсудили создавшееся положение и приняли решение в случае открытия занятий, которые неминуемо будут проходить под надзором полиции, 19 ведущих профессоров, от имени которых он выступает, немедленно подадут в отставку.

Владимир Афанасьевич Обручев в своём выступлении полностью солидарен с Кижнером и заявил, что забастовку необходимо продолжать, т. к. занятия в таких условиях проводить невозможно. Выступление профессоров студентами было одобрено и принято решение продолжать забастовку. Обо всём этом было доложено попечителю Западно-Сибирского учебного округа Л. И. Лаврентьеву, который сразу отправил в Петербург министру народного просвещения Глазову В. Г. письмо.

Милостивый Государь Владимир Гаврилович!

Сегодня в Томском технологическом институте произошёл в высшей степени возмутительный, никогда ещё в истории русского просвещения небывалый скандал, произошло нечто неслыханное. Была сходка. Главный предмет обсуждения этой сходки – начало занятий. Одна часть студентов была за открытие занятий, другая против. Уже почти постановили занятия начать. Вот тут-то и произошёл тот скандал, о котором я сказал в начале письма.

Когда сегодня состоялось это постановление, то на сходку явились несколько профессоров из технологического института, и от имени своих товарищей заявили, что если занятия начнутся, то они должны будут выйти в отставку, так как эти 19 лиц находят, что при настоящих политических условиях вести преподавание невозможно. Раздался гром рукоплесканий. Постановлено: занятий не начинать, открыть учебные заведения для всенародных митингов, вечерних публичных лекций политического содержания и т. д.

В числе 19 лиц с полной достоверностью известны Кижнер и Обручев. Неужели эти изменники-негодяи, скандалисты-революционеры, могут оставаться на государственной службе? До какого ещё предела должно доходить долготерпение Правительства?

С истинным почтением и совершенной преданностью Вашего Высокопревосходительства покорнейший слуга Л. Лаврентьев.

Но уволить В. А. Обручева из Томского технологического института смогли только в 1912 году. И на очередное давление уже на директора ТТИ Н. И. Карташева со стороны Министерства и Попечителя, Н. И. Карташев в июне 1911 года уведомляет В. А. Обручева о предстоящем увольнении:

Господину Профессору Томского Технологического института статскому советнику Владимиру Афанасьевичу Обручеву.

Г. министр народного просвещения Л. А. Кассо, рассмотрев данные о деятельности служебного персонала Томского Технологического института ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II, представленные лицами, командированными для ре-

визии сего института, просит попечителя учебного округа, в предложении от сего июня, за № 3860 предупредить ординарного профессора Обручева, что он в ближайшем будущем должен перейти в другое учебное заведение.

Об изложенном имею честь объявить Вам, Милостивый Государь, в исполнении распоряжения министра народного просвещения, изложенного в предложении попечителя Западно-Сибирского учебного округа от 20 июля 1911 г., за № 7762.

Директор института Карташев.

И в ответ В. А. Обручев пишет служебную записку директору ГТИ Н. И. Карташеву:

На объявленное мне предложение г. попечителя от 1 декабря с. г. за № 14351, честь имею просить довести до сведения попечителя нижеследующее: распоряжение господина министра народного просвещения от 6 июня 1911 г. № 3860 сделалось мне известным не четыре месяца тому назад, а только 1 сентября, по возвращении моём из командировки по Западному Алтаю, где я находился вне почтовых сообщений. За эти три месяца не было возможности исполнить предложение г. министра и перейти в другое учебное заведение, т. к. в высших технических учебных заведениях вакансий на кафедры в настоящее время не имеется. Университеты для меня закрыты, т. к. я не имею учёной степени доктора, необходимой для занятия кафедры в университете. Я полагал также, что министр народного просвещения под словами «в ближайшем будущем» подразумевает не три месяца, а весь начавшийся учебный год, т. к. он иначе не утвердил бы в качестве члена испытательной комиссии по горному отделению на 1911/1912 год. Господину министру известно, что испытательная комиссия начинает свою деятельность с ноября месяца. Считаю также долгом предупредить, что если я буду вынужден уйти из Томского технологического института ранее конца текущего года, то останется незаконченным большой научный труд, посвящённый описанию геологических путешествий в Джунгарию, совершённых мною на деньги и по поручению Томского технологического института в 1905, 1906 и 1909 годах. Я усиленно работаю над этим трудом, чтобы завершить его в мае 1912 года, но вне Томска заниматься им не могу, т. к. обширная собранная и описанная теперь коллекция находится в институте и перевести её в другое место невозможно. К концу учебного года, если не представится случая перейти на соответствующую кафедру высшей технической школы, я намерен выйти в отставку, чтобы исполнить распоряжение министра.

Министру известно также, что я читаю на старших курсах горного отделения весьма важные и ответственные предметы: физическую геологию, петрографию и рудные месторождения, преподавание которых прекратится при моём уходе из института, т. к. временного заместителя в Томске найти нельзя.

Написать такую бумагу директору ГТИ В. А. Обручева заставило неоднократное требование попечителя Лаврентьева о немедленном увольнении Обручева. А то, что институт останется без ведущего профессора геологии и студенты не смогут прослушать соответствующие курсы, попечителя совершенно не волновало.

Получив служебную записку В. А. Обручева, директор института Н. И. Карташев и от имени декана горного отделения Л. Л. Тове написал:

В Совет Томского технологического института

Считаю долгом доложить Совету о том безвыходном положении, в котором становится горное отделение в случае немедленного оставления профессором В. А. Обручевым занятий со студентами, а также чтения лекций и производство экзаменов. В. А. Обручев читает курсы: физической геологии, петрографии и рудных месторождений. Курсы эти наиболее ответственные для горного отделения, и исключить их – значит в корне подорвать программу.

Совет института постановил не увольнять профессора В. А. Обручева. И директор института Н. И. Карташев не спешит исполнить предписание попечителя Лаврентьева.

В защиту профессора Обручева выступает прогрессивная пресса, виднейшие учёные страны. Вице-президент Императорского геологического общества Семёнов-Тянь-Шанский пишет лично министру народного просвещения Л. А. Коссо.

И всё-таки попечитель Западно-Сибирского учебного округа Л. Лаврентьев добивается своего. 28 марта 1912 года он направляет директору ТТИ письмо следующего содержания:

Господину Директору Томского технологического института ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II.

ВЫСОЧАЙШИМ приказом по гражданскому ведомству от 12 марта сего года за № 12 исправляющий должность ординарного профессора Томского Технологического Института ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II, горный инженер, статский советник Обручев уволен от службы с 10 марта сего года.

Об этом имею честь уведомить Вас, Милостивый Государь, в последствие представления от 9-го января сего года за № 44.

Попечитель Л. Лаврентьев

И Обручеву в конце концов пришлось подать директору Томского технологического института прошение об отставке.

Представление декана горного отделения Л. Л. Тове в Совет института:

Сегодня Совет собирается без Владимира Афанасьевича Обручева. В лице его он лишается не только выдающейся научной силы, пользующейся заслуженным почётом среди геологов и географов Европы и Америки, но и так же человека, много сил вложившего в дело организации института.

Горное отделение организовано всецело Владимиром Афанасьевичем Обручевым, и та высокая оценка, которую встречают окончившие у нас инженеры, особенно же инженеры-разведчики, объясняется той солидной подготовкой, которую даёт своим ученикам В. А. Обручев, выпуская их во всеоружии теоретических и практических знаний, уже вполне приспособленными к самостоятельной работе геолога, столь нужного для мало изученной Сибири.

Мне не приходится распространяться далее о том, что за одиннадцать почти лет мы видели, все члены Совета, и я полагаю, что у всех нас имеется потребность выразить Владимиру Афанасьевичу глубокое сожаление по поводу вынужденного преждевременного оставления им института и глубокую благодарность за ту огромную пользу, которую он принёс институту своей блестящей научной деятельностью.

Декан Л. Тове.

Студенты горного отделения института подарили В. А. Обручеву в день его отъезда из Томска памятный адрес.

Глубокоуважаемый Владимир Афанасьевич!

Полоса лихолетья в истории русского просвещения коснулась и Вас. Вы – один из тех жертв. В дни, когда недруги русской науки, русского просвещения занесли над Вами меч отторжения от дорогого и нежно взлелеенного Вами детства, Вы также ревностно работаете на поприще науки, также честно стояли на страже русского просвещения, как и в более светлые дни, когда волею судьбы Вы стали отцом горного отделения, нашей «Alma mater». Вы можете уходить из института с горькой обидой в душе, но не без гордого сознания: «Feci quod potui» (Я сделал, что мог. – А. Пшеничкин).

В недалёком будущем закончатся наши студенческие годы. Мы расстанемся с институтом и, уходя, унесём с собой ряд воспоминаний, среди которых память о профессоре Владимире Афанасьевиче Обручеве будет занимать центральное место. Мы учились у Вас ясности изложения, строгому научному мышлению; в Вас мы всегда видим перед собой пример поразительной работоспособности, а Ваша верность «самому себе» до последней минуты в такие дни, когда люди в угоду времени способны менять убеждения, поступаться лучшими традициями русского просвещения, сыграла в наших сердцах веру, что у русского студенчества ещё не иссякли учителя, способные высоко и гордо держать чистое знамя независимой профессуры.

Теперь же, когда Вы покидаете нас, полные сил и энергии, позвольте пожелать Вам более благоприятных условий для продолжения Вашей учёной деятельности.

Глубоко уважающие Вас (55 подписей студентов горного отделения)

Томские геологи-политехники, и не только они, помнят Владимира Афанасьевича. На здании горного корпуса установлена мемориальная доска в его честь. Бронзовый бюст Обручева и его портрет украшают актовый зал главного корпуса. Имя В. А. Обручева присвоено научно-технической библиотеке университета. На Аллее Геологов 5 сентября 2010 года ему установлен гранитный памятник. В первом корпусе в 208 аудитории действует комната-музей имени В. А. Обручева.

Олег Кислицкий

КАК НАМ ДИОГЕНА НЕ ХВАТАЛО...

НА ПРИЁМЕ У АНАТОЛИЯ МОРГУНОВА

*Я встретил вас, как А. С. Пушкин,
А может, Лермонтов М. Ю.*

Анатолий Моргунов

Мы все стояли плотной массой,
Не зная, раздеваться где.
Я, Л. Толстой, Н. А. Некрасов,
А. Фет и Мопассан Ги де.

...Вареньем мазано тут, что ли?
Прут, понимаешь, стар и мал, –
Цедил сквозь зубы Анатолий
И нам автографы давал.

СТРАСТИ ПО ДИОГЕНУ

*Родина! Не твой ли Эпикур
Этой ночью выпил с Диогеном?*

Александр Цыганков

Пироги с капустою пеку.
Родина! Я чту твои законы.
Обещал сегодня Эпикур
Привести на ужин Эпигона.

Только он, рассеянный всегда,
Вдруг привёл с собой Апологета.
Я-то Эпигона ожидал...
Родина! Прости меня за это!

Эпикуру я сказал: Ну нет!
Где мне всех упомянуть вас с разгона?
Да и то сказать – Апологет
В принципе похож на Эпигона.

Как тут ни крути, на склоне лет,
Выглядеть неловко бестолковым.
Буду укреплять свой интеллект
С книжкой поэта Цыганкова.

Греков древних с дорогой душой
Вспомню всех во что бы то ни стало.
Да! Потом и Диоген пришёл!
Как нам Диогена не хватало...

ДРУГУ ПЕНЬКУ

*Иду тропинкой неприметной
Через берёзовый колок.
Иду к своим местам заветным,
Где ждёт старинный друг – пенёк.*

Галина Небараковская

– Он, говорят, тебе не пара.
Плевать на эту ерунду.
И в гости по привычке старой
К дружку старинному иду.

Пусть в чём-то он неадекватен,
Пусть он имеет бледный вид,
Но скоро, верю, суть ухватит
И всё ж запомнит алфавит.

ГДЕ РОДИЛСЯ, ТАМ И ПРИГОДИЛСЯ

*Каштаны. Париж. И сиреневый вечер.
Вот я на Монмартре.
Я в шляпе с полями.*

Ирина Киселёва

Жара. Бухара. Я в одной тюбетейке
Лежу у фонтана на мягкой скамейке.
Любезный эмир, привалившийся брюхом,
Меня из кулька угощает урюком.

Нет. Пусть ананасы, пампасы, сомбреро,
И я тет-а-тет с молодым кабальеро.

Ему восемнадцать. Ну двадцать от силы.
И он мне в бокал подливает текилы.

Амбар, самовар и родное корыто.
На кухне посуда ещё не помыта.
И я у корыта с хозяйственным мылом.
Здесь всё мне знакомо, понятно и мило.

И тёплая пена ладони мне лижет,
Да к чёрту Монмартры,
Да к чёрту Парижи!

МОЙ КОНЁК

*На душе моей калмыцкой – пожар.
В голове идёт хлопьями снег.
Ты мне лучше мухоморов пожарь,
Чтоб замедлить времени бег.*

Валерий Кошелев

Я вообще кулинарить люблю.
Заходите поесть иногда,
Много разных готовлю я блюд,
И конёк мой – с грибами блюда.

Но талант свой я видел в гробу,
Всё предчувствием мучусь плохим –
Только сядем поесть с кем-нибудь,
Кто-нибудь враз откинёт коньки.

Стал я, часом, грешить на еду –
Дусту, что ли, я много кладу?

СТРАШНЫЙ СОН

*Эта женщина мне до сих пор дорога.
Часто вижу во сне над камином рога.*

Владимир Бельчиков

Среди ночи вскочу, непокоем томим,
Стул схвачу, как багор при пожаре,
В темноте забираюсь с него на камин
И по стенке руками там шарю.

Сердце дико стучит где-то ниже спины,
Зубы клацают, кажется, «Мурку»,
И тотчас слышу заспанный голос жены:
– Что ты трогаешь всё штукатурку?

Я же, с чувством глубокой вины,
Осязаю, облившись слезами,
Первозданную гладкость холодной стены,
И счастливый со стула слезаю.

А к супруге уже возвращаюсь тузом,
Подкачусь под бочок к ней под левый,
Ей шепну: это страшный приснился мне сон,
Спи спокойно, моя королева.

САМОВЫНОС

Не торопясь, несущая себя домой.

Ольга Кортусова

Ни пива литр, ни торт, ни колбасу,
Сама саму себя домой несущая.
Ещё не удавалось никому
Так описать себя, сама, саму.

ВОЗМЕЗДИЕ

Он знал судьбы предназначенье,

Но вдруг зачах и рухнул дуб.

А крот, подрыв его коренья,

О том не думал, душегуб.

Георгий Тороцин

Жалею я, что дуб дал дуба,
Крота придётся изловить.
Прощать не нужно душегуба,
А нужно душегуба бить.

По морде долго и упорно
Бить разводным его ключом.
– О чём ты думал, крот позорный?

О чём...

О чём...

О чём...

О чём...

О РАЕ И НЕ ТОЛЬКО

*Во саду гуляет Вика,
Я в окошко крикну ей:
Ну-ка, Вика, оживи-ка!
Стань на пару дней – моей...*

Олег Чупров «Вика»

Ходит Рая вдоль сарая.
Ходит Рая в неглиже,
У меня любовь вторая
Просыпается в душе.

– Будь моей, – скажу я, – Рая,
Раз остались мы одни.
Отпирай-ка дверь от рая!
Только Вике не сболтни...

**КАК НЕ ПОЛУЧИЛАСЬ МОЯ ЖИЗНЬ
С АЛЕКСАНДРОМ РОЗЕНБАУМОМ**

*Розенбаум поёт колыбельную.
Эх, квартиру бы мне, да отдельную...*

Елена Клименко

На ночь глядя пришёл Розенбаум,
Лыс, изыскан и непринуждён.
Пару песен на кухне слабал он,
И чего-то ещё вроде ждёт.

А когда он ушёл, недоволен,
Я взгрустнула и всё не спала.
Был бы он агрессивен чуть боле,
Я б чуть менее скромной была.

ОБРУБКИ СТРО

Как зверски жаль обрубленности строк.

Виктория Смагина

Стою, в негодовании дрожа,
Обрубки строк мне прямо зверски жа...
И вертится всё время в голове –
Обрубки строк мне жалко прямо зве...

Галина Андреевна

АЛЯЕВА

Публиковалась в журналах «Новое время», «Невский альманах», «Великороссь», «Встреча», «Кольцо А» и других. Лауреат премии «Гранатовый браслет» имени А. И. Куприна (2020). Победитель и лауреат литературных конкурсов: Второго международного фестиваля литературы и культуры «ЛитКузница-2022» в номинации «Очерк», конкурса эссе к 130-летию Марины Цветаевой журнала «Новый мир» (2022).

Член Союза писателей России.

Живёт в Подмосковье.

Татьяна Павловна

АМОСОВА

Родилась и выросла в селе Монастырка Шегарского района Томской области. Окончила филфак ТГУ. Ведущий библиотекарь Научной библиотеки им. А. М. Волкова ТГПУ, создатель литературно-краеведческого проекта «Литературный сквер ТГПУ». Интересы: литература, бальные танцы, театр. 10 лет играет в Маленьком академическом театрике томского Академгородка. Стихи возникли в зрелом возрасте, нигде не публиковалась.

Живёт в Томске.

Ольга Николаевна

АНИКУШИНА

Родилась в 1970 году в Томске. Окончила философский факультет Томского государственного университета. Кандидат философских наук. С 2019 года автор художественных миниатюр. В 2021 году награждена медалью «Фёдор Достоевский. 200 лет». Лауреат Губернаторской литературной премии-2023 в номинации «Проза» с книгой «Томск на ладони».

Живёт в Томске.

Ирина Семёновна

БЕЛЫШЕВА

Родилась в 1961 году.

Окончила инженерно-экономический и гуманитарный факультеты ТПУ. В 2023 году окончила магистратуру ТГПУ. Присвоена степень магистра. Направление: искусство.

Поэт, литературный переводчик, кино-критик, литературный критик, эссеист, член Российского союза писателей с 2018 года. Автор научных статей. С 2016 года основным увлечением стало литературное творчество.

Живёт в Томске.

Евгений Анатольевич

ВЯЗАНЦЕВ

Родился в 1948 году в Новоалтайске Алтайского края. Окончил историко-филологический факультет Томского университета. Автор семи книг лирики, поэм, стихотворений в прозе и афоризмов. Переводы стихов издавались в Сербии и Черногории в различных журналах и антологиях. Две поэтические книги вышли в Сербии на сербском языке. Печатался в журнале «Начало века».

Живёт в Барнауле.

Сергей Михайлович

ДЮСЕНБАЕВ

Родился в 1961 году в Казахстане. Закончил Томский политехнический институт. Работал на томских предприятиях. Сейчас пенсионер. Издал сборник стихотворений.

Первая публикация в нашем журнале.

Николай Петрович

КИРИЛЛОВ

Родился в 1939 году в посёлке Ижморском Кемеровской области. В 1964 году окончил историко-филологический факультет Томского государственного университета по специальности «учитель истории и обществознания».

Прошёл путь от преподавателя кафедры философии Томского мединститута до заведующего отделом науки, а затем секретаря по идеологии Томского обкома КПСС. В 1972 году защитил кандидатскую диссертацию, в 1993 – докторскую. Им опубликовано более 60 научных трудов по вопросам массового сознания, методологии образования и управления, проблемам качества, истории менеджмента и научного творчества. С 1992 по 2000 гг. Кириллов Н. П. занимал

АВТОРЫ НОМЕРА

должность проректора ТПУ по международному сотрудничеству.

Является редактором-составителем и автором многочисленных журнальных и газетных публикаций: «Десятый тайм», «Созидатель» (к 90-летию Е. К. Лигачёва), «О настоящем человеке», «Парад победителей», «Деревянное зодчество» (на русском, английском, немецком языках).

Олег Петрович КИСЛИЦКИЙ

Родился в 1954 году в селе Александровском Томского района Томской области.

Скульптор и поэт. Окончил Томский политехнический институт. Работал мастером на инструментальном заводе, инженером в политехническом институте, вёл уроки труда в средней школе. Председатель правления Томской организации творческого Союза художников. Автор многих прикольных памятников на улицах Томска.

Автор книг пародий и подражаний «Сильных не жаль», «Полковнику никто не спишет», «Море волнуется раз», «Море волнуется два», «Избранные насмешины».

Виктор Степанович КЛИМЕНКО

Родился в Омской области в 1934 году. Окончил с отличием историко-филологический факультет ТГУ как литератор. Работал в школах и районо Томской области. С переездом на Кубань трудился в системе Гостраха.

Автор романов, стихов, пьесы, рассказов, повестей и гимна хутора Железный. Публиковался в газетах, коллективных сборниках, журнале «Южная звезда» (Ставрополь) и т. д. Скончался в 2019 году на хуторе Железный Краснодарского края.

Елена Викторовна КЛИМЕНКО

Поэт, прозаик, член Союза писателей России, автор семи книг и публикаций в различных изданиях.

Александра Николаевна КОРЖОВА

Родилась в декабре 1984 года.

Публиковалась в альманахах «Образ», «Кольчугинская осень», в журналах «Огни Кузбасса», «Веретено», «Нижний Новгород».

Член Союза писателей России, член Совета молодых литераторов Кузбасса. Руководитель ЛИТО для школьников «Чистый лист».

Живёт в городе Калтан Кемеровской области.

Татьяна Николаевна МИКУЦКАЯ

Искусствовед. Окончила факультет истории и теории искусства Уральского государственного университета, прошла учёбу-стажировку в США по программе «Научные исследования и международные связи». Работала в Томском краеведческом музее, с 1982 – в Томском областном художественном музее. Заведующая научно-исследовательским отделом этого музея, курирует научно-исследовательскую и издательскую деятельность. Организатор научно-практических конференций музея. За время работы в музее скомплектовала коллекцию живописи, графики и частично стекла и керамики мастеров XX – начала XXI вв.

Автор двух справочников «Томские художники» (1997, 2018), альбома «Томский областной художественный музей» и более 60 публикаций, каталогов, статей в научных сборниках. Автор-куратор более 80 крупных выставочных и издательских проектов, в том числе Всероссийской томской триеннале «Рисунок России» (2000-2017).

Член ВТОО «Союз художников России». Заслуженный работник культуры РФ. Родилась и живёт в Томске.

Оксана Викторовна ОСТАНИНА

Родилась в 1979 году в Экибастузе (Казахская ССР). Закончила Томский экономико-промышленный техникум по специальности «Государственное управле-

ние», студентка 2 курса Херсонского государственного педагогического университета факультета журналистики, копирайтер, эссеист.

Литературной деятельностью занимается в свободное время, пишет стихи и прозу. Автор нескольких книг, написанных преимущественно в жанре научной и социальной фантастики. Публикации в газете «Чунский вестник», «Литературная мастерская», журнале «Начало века» и на сайтах «Проза. Ру, ЛитРес, Автор.Тудей».

Живёт в посёлке Копылово Томского района.

**Юрий Петрович
ПЕРМИНОВ**

Родился в 1961 году в Омске. Окончил филологический факультет Омского государственного педагогического института имени Горького. В течение многих лет возглавлял газету «Омское время». Главный редактор историко-литературного альманаха «Тобольск и вся Сибирь».

Автор 12 книг стихотворений и многих журнальных публикаций.

Лауреат Большой литературной премии России.

Член Союза писателей России, секретарь СПР, член высшего творческого совета СПР. Живёт в Омске.

**Екатерина Владимировна
ПОЛЯНСКАЯ**

Родилась в 1967 году в Ленинграде. Окончила СПбГМУ имени И. П. Павлова. Поэт, переводчик с польского и сербского языков. Автор семи стихотворных сборников. Публиковалась во многих российских и зарубежных журналах. Лауреат нескольких российских и зарубежных литературных премий и конкурсов.

Стихи переводились на польский, итальянский, французский, болгарский, японский, английский, чешский и сербский язы-

ки. Член Союза писателей России с 2002 года.

Живёт в Санкт-Петербурге.

**Владимир Георгиевич
СОЛОВЬЁВ**

Коренной томич. По образованию историк, окончил Томский государственный университет. Автор-исполнитель собственных песен и стихов.

Печатался в коллективных сборниках «Не вдруг напишется строка» (1998), «Этo мы, Господи!» (2003), «Томск – любовь моя и судьба» (2004), «Кружева метелицы» (2007). Автор поэтических сборников: «Полтинничек» (2001), «Иркутский тракт» (2004), «Рояль в кустах, увы, не спрячьешь...» (2009).

**Юрий Анатольевич
ТАТАРЕНКО**

Родился в Новосибирске в 1973 году. Закончил Новосибирское театральное училище. Служил актёром в театрах Новосибирска и Томска. В настоящее время работает журналистом.

Поэт, прозаик, драматург, критик. Автор девяти книг стихов. Публиковался в литературных журналах и альманахах России, Украины, США, Германии, Франции, еженедельниках «Литературная газета» и «Российский писатель», газетах «Литературная Россия», «Культура», «Учительская газета».

Лауреат всероссийских и международных литературных конкурсов в Москве, Симферополе, Ярославле, Калининграде, Томске, Туле, Мурманске, Полоцке, Льеже. Победитель поэтических турниров в Красноярске, Томске, Новосибирске, Коктебеле. Лауреат международной премии «Золотой Витязь» в номинации «Лучший сценарий».

Член Союза писателей России (2006). Член редколлегии альманаха «Образ».

Живёт в Новосибирске.

НАЧАЛО ВЕКА

Литературный и краеведческий журнал

Издание томских писателей

Главные редакторы

Г. Скарлыгин

В. Крюков

Технический редактор

О. Карташов

Корректор

И. Киселёва

Редакция журнала принимает к рассмотрению авторские работы в электронном виде, набранные на компьютере на страницах формата А4, размер шрифта 12–14 кегль, гарнитура Times New Roman или Cambria.

Расширение файла doc, docx или rtf. Материалы, представленные в других форматах (txt, pdf, tif, jpg и т. д.), редакция не рассматривает.

Редакция знакомится с письмами читателей,
не вступая в переписку.

Адрес редакции: г. Томск, ул. Шишкова, 10.

E-mail: kryukov-49@mail.ru

© Составление и оформление: «Начало века», 2024 г.

Формат 70x108 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 18,2. Тираж 100 экз.

Дата выхода журнала 15.11.2024 г. Цена свободная.

Отпечатано в ООО «Томская полиграфическая компания»,
г. Томск, ул. Пушкина, 40/1